

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2018. Т. 24

№ 3 (177)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2018. Vol. 24

№ 3 (177)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)
- А. Е. Аникин**, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)
- Дж. Боулт**, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)
- А. В. Головнев**, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)
- В. Л. Иваницкий**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- С. Г. Корконосенко**, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)
- К. Кроо**, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)
- Дж. Майклсон**, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)
- А. Мустайоки**, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)
- Б. Ю. Норман**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)
- Г. Саймонс (Greg Simons)**, PhD, проф.
(Швеция, Уппсала, Уппсальский
университет)
- Э. Э. Сыманюк**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- А. А. Тертычный**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- А. Федотов**, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)
- Г. Г. Щепилова**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

- В. М. Амиров**, канд. филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)
- Ю. М. Ершов**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Томск, Национальный исследовательский Томский
государственный университет)
- Т. А. Снигирева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Л. П. Быков**, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)
- Ю. В. Матвеева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Б. Н. Лозовский**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Э. В. Чепкина**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- А. П. Чудинов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- О. Л. Девятова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Н. Б. Кириллова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. Я. Мурзина**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)
- Г. А. Глотова**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- Н. С. Глуханюк**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. А. Ершова**, канд. психол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- С. А. Минорова**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- Т. Ю. Быстрова**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)
- Г. Е. Зборовский**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. В. Зиновьев**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- В. Ф. Олешко**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Р. Коул (Richard Cole)**, PhD, проф. (США,
Чапел Хилл, Университет Северной Каролины)
- Ответственный секретарь
- Л. А. Хухарева**

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Баканов Р. П.* Трансформация жанров современной российской медийной критики в условиях ее перехода на мультимедийные площадки..... 5
- Чепкина Э. В., Мельникова Ж. Д.* Дискурсивные практики конструирования истины, событий и персонажей в текстах журналистских расследований и сексуальных домогательствах 18
- Каблуков Е. В.* Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования 23
- Олешко В. Ф., Цао Лян.* Профессиональная культура журналистов: российский и китайский исследовательский опыт ... 30
- Амиров В. М., Щепеткина Ю. М.* Конструирование образа героя в синтетическом жанре портретного репортажа 39
- Гегелова Н. С., Исмаилова А. А.* Становление журналистики в сети Интернет 47
- Глебович Т. А.* Анекдот как стратегия создания и презентации женского образа в мужском интеллектуальном журнале 52

ПОЭТИКА

- Лимеров П. Ф.* Художественный мир поэмы К. Ф. Жакова «Биармия»: к проблеме хронотопа..... 67
- Глазырин В. А., Казарин Ю. В.* Опыт составления словарной статьи авторского словаря языка О. Э. Мандельштама (книга стихотворений «Камень»)..... 79

УРАЛЬСКИЙ ФОРУМ ПСИХОЛОГОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР И СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ

- Каратаян Л. В.* Эмоционально-личностное благополучие и психологические особенности специалистов силовых структур 91
- Васильева И. В., Григорьев П. Е.* Особенности социального интеллекта руководителей органов внутренних дел..... 99
- Азарко Е. М., Володенко Д. В.* Выявление специфики частотных диапазонов ЭЭГ в реабилитационной

диагностике пожарных и спасателей 106

- Марченко Е. В.* Возможности применения flash-игр в психологической подготовке специалистов экстремального профиля..... 113
- Карагачева М. В., Ситников В. Л., Церфус Д. Н.* Образ пострадавшего в сознании сотрудников МЧС России 120

ПСИХОЛОГИЯ

- Куваева И. О., Агапова Е. Н.* Специфика профессионального стресса у представителей инновационного монотонного труда 127
- Муслумов Р. Р., Печеркина А. А.* Психолого-педагогические особенности готовности учителя к противодействию травле в детских коллективах 135

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Зборовский Г. Е.* О методологических подходах к изучению доверия в высшем образовании 143
- Солдатова Е. Л.* Личностные детерминанты профессионального развития в образовательных стандартах нового поколения «Психология служебной деятельности»..... 151

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

- Певная М. В., Кульминская А. В.* Корпоративное волонтерство как социокультурное явление..... 156

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Международная научно-практическая конференция «Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста» (О. Ф. Автохутдинова, Р. Л. Исхаков) . 166
- Коммуникационные тренды в условиях культурно-цивилизационной революции (М. Ю. Гудова, Е. В. Рубцова) 172
- Grand Prix de УрФУ (А. В. Подчиненов)..... 177

ЮБИЛЕИ

- Гарольду Ефимовичу Зборовскому — 80 лет!..... 180
- S u m m a r y 182

УДК 070:654 + 004.032.6 + 316.774 + 81'42

Р. П. Баканов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МЕДИЙНОЙ КРИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЕЕ ПЕРЕХОДА НА МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПЛОЩАДКИ

Автором статьи изучены жанры современной медийной критики как в федеральных печатных, так и в онлайн-медиа за период 2014–2017 гг. Установлено, что объем публикаций, содержащих анализ качества телевизионного вещания, не намного, но сокращался, причем данная практика была характерна и для газет, и для онлайн-медиа. Критика СМИ постепенно переходит на различные онлайн-площадки (сайты редакций, тематические форумы, группы в социальных сетях, персональные блоги и страницы в соцсетях и т. д.). Однако жанровая «палитра» постепенно скудеет: эссе, портрет творческой личности и обозрение за редким исключением в современной российской медиакритике уже не встретить. Рецензия под воздействием разных факторов трансформировалась до объема и смысла расширенной реплики и приобрела жанровые признаки репортажа и иногда отчета. Мы полагаем, что вызванное смещением жанров упрощение осуществления критического анализа постепенно приведет к значительной трансформации имеющихся в настоящее время функций и методов работы медийного критика и медиакритики как области журналистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медийная критика; телевизионная критика; телевидение; анализ; жанр; рецензия; обозрение; репортаж; реплика; критическая заметка.

Медийная (в частности, телевизионная) критика для современной отечественной журналистики — далеко не новая область. Еще на рубеже 1950–1960-х гг. в печати наряду со статьями, авторы которых выступали с пронизанными идеологией отчетами о том, как телевидение входит в каждый дом всех субъектов СССР, стали публиковаться работы, содержащие критический взгляд на телепередачи того времени [8, 33]. В мае 1960 г. аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова

БАКАНОВ Роман Петрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: rbakanov@yandex.ru).

© Баканов Р. П., 2018

А. Юровский на страницах газеты «Советская культура» опубликовал реплику, в которой выразил надежду и обосновал необходимость открытия постоянной рубрики, содержащей всесторонний анализ телепередач (учебников по телевидению тогда еще не было, газетная телекритика наряду с прочими должна была выполнять образовательную функцию, сообщая о том, что можно и что нельзя) [38]. В октябре того же года в журнале «Новый мир» была опубликована статья В. Саппака, в которой он поделился с читателями своим субъективным, но аргументированным и внеидеологическим взглядом на содержание и качество передач [29]. В 1963 г. была издана книга В. Саппака «Телевидение и мы: четыре беседы», быстро ставшая популярной у тех, кто делал телевидение [30]. Вскоре ее автора в телевизионных кругах стали называть «внимательным телезрителем» и даже «непревзойденным телекритиком», а его работу — «библией отечественного телевидения» [24]. Читая эту книгу, понимаешь, что в словах сотрудников ТВ-редакций не было иронии, ведь написана она, во-первых, с точки зрения обычного телезрителя, который смотрит передачи и видит достоинства и недостатки их структуры, композиции или драматургии. Во-вторых, язык изложения прост, без идеологических штампов того времени и ссылок на труды партийного руководства и, на наш взгляд, понятен широкому кругу читателей. В своей книге В. Саппак защищает и отстаивает права телезрителей на получение интересных, качественных, правдивых, социально ориентированных телепередач.

В 1960-е гг. численность статей с критикой телепередач в отраслевых журналах СССР («Советское радио и телевидение», «Советская печать» (позже «Журналист»)) значительно увеличилась [6], обсуждалось даже предназначение телевизионной критики, требования к работе критиков, возможные единые критерии оценки содержания телеэфира [11]. А вообще традиции медиакритического анализа СМИ в России были заложены еще в середине XIX в., что убедительно показано, например, в работах Г. И. Щербаковой (см., например, [37]).

В данной статье под термином «медийная критика» мы понимаем определение А. П. Короченского: «Особая область журналистики, призванная помочь обществу в познании новых реалий и тенденций в деятельности СМИ. Она является одновременно и своеобразным способом рефлексии, самопознания современной печатной и электронной прессы, и общественным зеркалом, которое призвано отражать “блеск и нищету” средств массовой информации, оказавшихся в рыночной среде» [16]. Практика критического осмысления телевизионного содержания в России насчитывает как минимум четыре с половиной десятилетия (после становления в 1960-х и паузы в последующие два десятилетия медиакритика вернулась в федеральные и региональные газеты в начале 1990-х гг.) и, как показывают наши наблюдения, в настоящее время опережает научные исследования этого журналистского направления. В 2000-е гг. в России началось научное осмысление данного вида критики в отечественных СМИ, которое, на наш взгляд, в настоящее время ведется не очень активно. Эпизодически печатаются статьи, выходят методические наработки и рекомендации в помощь студентам, очень редко защищаются диссертации, пишутся монографии. Тем временем критика начала осваивать новые, мультимедийные, платформы, мы полагаем, для того

чтобы стать ближе к аудитории всех социальных групп. Об этом мы писали в одной из наших недавних статей [4]. Так, защита диссертации, предметом которой стали условия функционирования и приемы корпоративной медиакритики, состоялась в 2016 г. в СПбГУ [10].

Цель данной статьи — выявление и изучение трансформации жанров современной российской медийной критики в условиях ее перехода на различные мультимедийные площадки.

Объектом исследования стали содержащие оценку «телерепертуара» публикации в федеральных печатных, онлайн-изданиях и сообщения, размещенные на личных страницах медийных критиков в социальных сетях. *Предметом* исследования стала трансформация жанров современной российской медийной критики в условиях ее перехода на мультимедийные площадки.

Эмпирическую базу исследования составили три группы источников:

— десять наиболее тиражных в настоящее время федеральных общественно-политических газет («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Коммерсант», «Культура», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета», «Труд»), содержащих хотя бы эпизодические проявления телевизионной критики; и официальные сайты редакций данных СМИ;

— специализированные онлайн-ресурсы, которые являются площадкой для развития дискуссии о качестве современного медийного содержания в целом (например, различные тематические форумы, блоги отдельных телекритиков в «Живом журнале» и на сайте радиостанции «Эхо Москвы», онлайн-издание «Сноб», форумы на официальных сайтах телекомпаний, «представительства» телекомпаний в социальных сетях, отраслевые группы в социальных медиа). На сайте каждой телекомпании имеется специальный раздел в рамках форума аудитории, в котором каждый телезритель — пользователь Интернета, предварительно зарегистрировавшись, может раскритиковать или похвалить авторов передач за качество или за что-то другое;

— личные страницы публикующихся в газетах телевизионных критиков (например, Ю. Богомолова, А. Бородиной, А. Качкаевой, А. Кондрашова, В. Львовой, И. Петровской) в социальных сетях «Facebook» и «Twitter».

Хронологический период исследования составил четыре года: с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2017 г. За это время под влиянием новых информационно-коммуникативных технологий в российской журналистике произошел ряд перемен, направленных в том числе на дальнейшее облегчение аудиторного восприятия смысла статей.

При выполнении исследования мы использовали следующие методы:

— *сплошной мониторинг* эмпирической базы (отдельно по каждой из ее трех групп) с целью выявления публикаций, содержащих оценку практики деятельности и развития современных российских массмедиа;

— *содержательный анализ* обнаруженных статей и сообщений на форумах или в социальных сетях на предмет выявления и определения их жанрового разнообразия и современных признаков каждого из жанров;

— *лексико-стилистический анализ* выявленных статей, с помощью которого мы смогли установить преобладание или кризис конкретных жанров, а также выявить наличие/отсутствие жанрового разнообразия современной медийной критики как отдельно по каждому изученному СМИ или источнику (творчество конкретных авторов), так и в общей их совокупности;

— сравнительно-сопоставительный анализ, который помог нам, во-первых, выявить жанровый портрет современной медийной критики в каждом из изученных источников и, во-вторых, определить, как изменялись признаки того или иного жанра за хронологический период данного исследования (и изменялись ли они вообще), например, ради повышения привлекательности публикации и ее восприятия аудиторией.

Жанровое разнообразие отечественной телевизионной критики мы изучали ранее в 2011 г. [3]. С тех пор прошло шесть лет, за которые в журналистику и повседневную жизнь человека вошли мультимедийные технологии и мобильные форматы. Эти новшества в работе с информацией начали широко применяться в редакциях. В результате увеличилась скорость производства новостей и представления их аудитории, в то время как аналитические и художественно-публицистические жанры сначала постепенно отошли на периферию внимания, а вскоре и вовсе исчезли из «повестки дня» большинства СМИ (особенно региональных). Трансформировалась и сфера деятельности журналиста: от него теперь требуется не просто быстро, интересно и качественно писать, но и уметь снимать фото и видео, обрабатывать и монтировать их, визуализировать информацию. В научной литературе публикуется все больше статей, осмысляющих деятельность работающего в современной конвергентной редакции журналиста (в той или иной степени эту тему изучают А. А. Градюшко, Е. С. Дорожук, С. Н. Ильченко, А. Г. Качкаевой, С. Г. Корконосенко, В. Д. Мансурова, И. М. Печищев, В. Ф. Олешко, Л. Г. Свитич, М. В. Симкачева, О. В. Смирнова, В. В. Тулупов, А. А. Ширяева и другие авторы). Поиск современным медиакритиком новых способов взаимодействия с аудиторией в условиях дальнейшей цифровизации медиа стал предметом исследования автора данной работы [5].

Претерпевают видоизменения и жанры современной журналистики и критики. Так, А. А. Тертычный еще в 1990-х гг. выявил в российских СМИ процесс «жанровой диффузии», т. е. смешения жанровых критериев [31]. В начале XXI в. данную тенденцию подтверждают и другие исследователи: А. А. Амзин [1], Е. В. Выровцева [9], М. Н. Ким [13], А. В. Киселев [14], А. В. Колесниченко [15], Л. Е. Кройчик [17], Г. В. Лазутина и С. С. Распопова [18], А. А. Лонская [19], Е. А. Набиева [25], Д. В. Туманов [32], В. В. Хорольский [34], М. И. Шостак [36]. Как пишет Т. Д. Орлова, «с легкой руки зарубежных исследователей на рубеже XX и XXI веков понятие “жанр” стали заменять термином “формат”. В его основе лежат не привычные нам содержательные, а формальные характеристики... Фактически формат означает полное игнорирование выбора средств и способов раскрытия темы, включенность авторской оценки в предмет описания, метод сбора информации, количество собранных фактов, степень проникновения в действительность и так далее... Фактически полная мутация текста, но такой

текст легко попадает в формат и исключает истинное журналистское творчество» [26, 30].

«Сегодня ситуация по отношению к традиционным СМИ кардинально меняется: классический набор их функций наполняется другим содержанием», — считает С. К. Шайхитдинова [35, 7].

Какие процессы жанровой трансформации можно выявить в современной российской медиакритике, и происходят ли они?

Реализуясь на страницах традиционных СМИ, отечественная медийная критика к настоящему времени создала себе определенный бэкграунд (обратим внимание в тезисном виде только на самое важное):

1) накоплен опыт критического осмысления и интерпретации медиатекстов (главным образом телепередач) в разных жанрах на федеральном и региональном (например, в Республике Татарстан) уровнях. Постепенно критика становится более оперативной: в поле зрения обозревателей все чаще попадают ТВ-проекты, транслирующиеся ближе к дню публикации телеобзора;

2) сформирован авторский состав, не изменяющийся уже в течение ряда лет. Еще с начала 1990-х гг. повелось, что почти в каждой известной на всю страну газете начали создаваться специальные рубрики, которые стали вести как опытные критики (пришедшие из кино-, литературной, театральной критики), так и молодые люди, еще не пробовавшие себя в сфере критики. Критический обзор телепередач существовал даже в деловой прессе. В телевизионной критике пробовали себя некоторые региональные журналисты, но редко у кого по разным причинам получилось закрепиться в данной области. К примеру, в определенных общественно-политических газетах Республики Татарстан в 1990–2000-е гг. было 3–4 автора, которые с разной долей периодичности вели свои специальные рубрики, но дольше полугода они не существовали. В настоящее время российская медиакритика держится за счет усилий возрастных обозревателей, а молодые авторы, начавшие писать о телевидении в 1990-х гг., либо давно перешли работать в редакции телекомпаний, либо сменили объект своего внимания. Исключением является, пожалуй, только молодой коллектив телеобозревателей холдинга «Комсомольская правда» (публикации в газете, на сайте и программа на радио);

3) телекритика стала способом заработка для отдельных авторов, сотрудничающих с федеральной прессой. В региональной же печати к настоящему времени попытки осмысления телевизионного контента по разным причинам в большинстве случаев закончились. Возможно, так произошло из-за невысоких гонораров или низкого качества и популярности публикаций;

4) несмотря на 25 лет существования медиакритики (она реализуется в основном через телекритику) в российской журналистике, ее представители так и не заслужили авторитета перед коллегами из телекомпаний, возможно, из-за отсутствия следования четким критериям анализа ТВ-проектов, которые до настоящего времени так и не были сформулированы обозревателями.

Выполняя исследование, мы изучали как профессиональный (журналистский) оценочный контент, опубликованный в газетах и на их сайтах, так и любительский (созданный разными пользователями Всемирной сети и размещенный

на специализированных форумах, сайтах телекомпаний, на личных страницах в соцсетях). В 2011 г., когда мы изучали жанровое разнообразие медиакритики, были выявлены следующие жанровые предпочтения авторов: рецензия, мини-рецензия, реплика, комментарий, обозрение, творческий портрет. Жанровое своеобразие любительской медиакритики было представлено репликой и мини-рецензией. Рассмотрим, как представлены эти жанры в современной российской медиакритике.

Творческий портрет. Анализ печатных СМИ позволил сделать вывод о том, что с их страниц за последние два-три года практически исчезли такие жанры, как творческий портрет тележурналиста или многоаспектное и полноценное обозрение. За период проведения исследования мы выявили всего шесть фактов публикации творческого портрета конкретных медийных лиц, да и те относятся к 2014–2015 гг. Все они выполнены по информационным поводам: юбилеи или премьеры новых передач с участием героев публикаций либо премьерный показ их авторских передач. Например, телекритик «Московского комсомольца» А. Мельман написал и опубликовал творческий портрет телеведущего и просветителя Л. Николаева, побывав на вечере его памяти. Текст представляет собой, по сути, субъективное авторское воспоминание о человеке: доброе, теплое, искреннее, честное. Конкретики нет, как и постижения творческого метода героя портрета, вместо этого читателю предлагаются обобщения из серии «каким он профессионалом был». Телекритик, видимо, не ставил перед собой задачу «представить творческую личность во всем противоречии его характера, убеждений, поведения» [2, 78]. Вместо этого он дал обобщение, суть которого в следующем: «Это был самый настоящий бескомпромиссный просветитель, таких людей на ТВ практически уже нет. Исторические, научные программы, которые он делал со своей командой, никак не могли быть конъюнктурными, простенькими, не подлаживались под время» [23].

Более глубокую попытку понять творческий метод и стиль работы героев А. Мельман предпринял в своих публикациях о В. Соловьеве и о работе спортивных комментаторов «Первого канала» Г. Черданцеве и К. Гениче во время их комментария одного из матчей сборной России по футболу [22]. В обоих текстах присутствуют четкая постановка проблемы (превращение В. Соловьева из журналиста в пропагандиста идей власти и помощь комментаторов любителям спорта в получении удовольствия от просмотра футбольного матча при плохой игре российской сборной), субъективизм восприятия их деятельности, выводы на ограниченном материале. В связи с небольшим объемом, отведенным на газетной полосе для каждого из текстов, в полной мере исследовать и представить личность во всем противоречии ее творческого характера обозревателю не удалось, и он сосредоточился только на самом важном: «Когда-то, встав утром, посмотрев телепрограмму и увидев, что вечером меня ждет программа Владимира Соловьева, я улыбался от удовольствия, предвкушал. Соловьев был ярок, непредсказуем. Сейчас же на моих глазах прошел процесс, когда из куколки выходит бабочка... Из журналиста — пропагандист, пиарщик. А это — совсем другая профессия. Раньше, когда я вдруг случайно пропускал его программу, обязательно

потом старался увидеть ее в Интернете. Теперь мне больше не хочется смотреть Соловьева, совсем. Он стал скучен и банален. И куда-то исчез талант. Потому что, когда человек говорит не то, что думает, а что прикажут, именно так всегда и происходит» [21].

Наше исследование показало, что в каждом проявлении жанра творческого портрета в газетной российской медиакритике (в интернет-ресурсах его не было) авторы текстов навешивали определенные ярлыки на героев своих статей, которые были связаны с общей оценкой их экранного поведения, роли в создании или развитии какого-либо направления и т. д. Экспертиза творческой деятельности персоны, как правило, осуществлялась по принципу «нравится или не нравится критику этот автор как человек». И уж если разговор начинался в положительной (или отрицательной) интонации, то так продолжалось до окончания повествования. Объективность собственных оценок восприятия определенной медийной персоны критики если и предлагали аудитории, то очень редко.

Конечно, определенные характеристики индивидуального профессионального мастерства (или дилетантизма) критики выявляли и продолжают это делать в еженедельных выпусках своих рубрик (как в газетах, так и на радио), но, как показывает практика, там внимание обращается только на отдельные профессионально-творческие черты экранной персоны или ее образа. К тому же из-за ограниченности объема разговор часто получается эмоциональным, поверхностным, сиюминутным. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что творческий портрет медийного автора в настоящее время распался на отдельные фрагменты, которые присутствуют, во-первых, в небольших еженедельных газетных и одновременно в онлайн-обзорах телепередач (обзоры телепередач и в печати, и в электронном виде на сайте изданий всегда дублировались в полном объеме) и, во-вторых, в кратких характеристиках-репликах, оперативно размещаемых критиками на своих страницах в социальных сетях (главным образом «Facebook», иногда «Twitter»).

Таким образом, существовавший еще несколько лет назад в жанровой палитре российской телекритики творческий портрет за хронологический период исследования потерял не только в объеме, но и непосредственно в предмете изучения. Теперь обозреватели не так много времени уделяют творческим качествам личности авторов телепроектов, обращая внимание максимум на один или два слагаемых профессионального почерка конкретной персоны, да и то в контексте общей интерпретации передачи, в которой герой принимал участие. Даже в «Литературной газете», где сохранился большой еженедельный раздел «Телевидение», в чистом виде данного жанра почти нет. Порой там можно было встретить идеологизированные впечатления о деятельности отдельных персон (например, В. Познера, И. Ургант, журналистов телеканала «Дождь» и некоторых других), но содержательный анализ текстов показал, что к конструктивной критике данные публикации имеют мало отношения и требуют отдельного изучения.

Всего за два-три года творческий портрет практически перестал быть самостоятельной жанровой единицей в российской медиакритике и стал частью рецензии или обзора, да и то не всегда. Например, в работах Ю. Богомолова элементы творческого портрета имеются: «И вот теперь он, если поверить уже

другому поэту — Есенину — Черный человек в образе Соловьева на кровать ко мне садится, Черный человек спать не дает мне всю ночь.

Ночь — его головной офис, его штаб, где он в узком кругу пикейных жилетов решает трудные геополитические незадачи. Куда для показательной порки вызывается вражье племя. И ну над ним куражиться да глумиться на потеху ночной публики. “Сильным не нужны оправдания, а слабым они не помогут”, — напутствовал Черный человек юных риториков на детской программе “Синяя чайка» [7]. Как видим, здесь черты портрета В. Соловьева помогают критику выразительнее сформулировать, понять и представить аудитории сущность экранного образа этого человека.

На сайтах изученных нами редакций регулярные рубрики, содержащие оценку телевизионных программ или работы их ведущих (газетные колонки), теперь представлены в качестве мнения обозревателей. И если говорить о таких жанрах, как обозрение телевизионных передач и рецензия, то у них тоже появились новые особенности. Во-первых, эти некогда серьезные и крупные жанры критики в российской телекритике последних лет трансформировались в тексты, где отсутствует целостный анализ произведения, а освещаемые его сюжетные эпизоды даже не критикуются, а всего лишь интерпретируются с точки зрения представлений авторов публикаций о плохом и хорошем (понравилась или не понравилась конкретная передача).

Во-вторых, сокращение объема газетных публикаций продолжается, вследствие чего произошла унификация признаков данных жанров. Критический анализ постепенно уступает место (нам встречались работы, в которых полностью уступил) пересказу сюжетов передач, разговору о том, кто (ведущий или приглашенная в эфир «звезда») как себя вел, о чем говорил. Таковы, например, работы Т. Пандорина в «Независимой газете», ведущих рубрики «Зацепило!» в «Комсомольской правде», отчасти С. Беднова («Труд»). Их творческий прием прост: выбрать из сюжета один или два эпизода, подробнее их пересказать (желательно с акцентом на конфликт в студии). При этом оценка может быть заменена стебом со стороны автора. Мы полагаем, что такая практика затрудняет формирование у аудитории навыков самостоятельного критического анализа медиатекстов и определения грани между реальностью и вымыслом. Низкий уровень понимания, как функционируют современные СМИ, может привести к тому, что адресат может быть подвергнут различным манипулятивным воздействиям в угоду заинтересованным сторонам, в том числе и криминальным. Их выгода, к примеру, может заключаться в формировании определенного настроения в обществе, воспользовавшись которым, есть шанс «раскрутить» зрителей или читателей на нужные манипулятору действия.

В-третьих, отсутствие аргументации в оценках критиков (и обычных авторов специализированных интернет-ресурсов и в соцсетях) также не способствует формированию навыков критического анализа у обычных граждан. И если опытные газетные медиакритики (Ю. Богомолов, А. Кондрашов, А. Мельман, И. Петровская, С. Тарощина и некоторые другие) в каждой своей публикации стараются аргументировать свои точки зрения и взгляды на текущий «репертуар»

телеканалов, часто основываясь на методе описания эпизодов передач, то на просторах Интернета авторы особо не утруждают себя обоснованием своей позиции. Речь идет о представителях так называемой «обывательской медиакритики» (А. П. Короченский), которым, может быть, важно не столько доказать свою точку зрения, сколько иметь возможность высказаться. Некоторые профессиональные критики (например, Ю. Богомолов, А. Мельман) на различных веб-ресурсах ведут персональные сетевые дневники, но и там обосновывают свои взгляды. А вот обычные граждане так поступают далеко не всегда. С одной стороны, зачем им задумываться об аргументации, если на форумах или в тематических пабликах в соцсетях главное — возможность каждому человеку представить свое мнение, высказаться? Пользователи так и поступают. С другой стороны, каждые размещенные там пост и реплика публикуются в открытых ресурсах, автоматически становясь доступными многим людям, и трудно сказать, как они будут восприняты аудиторией. Возможно, как частное мнение, возможно, как авторитетная позиция, к которой стоит прислушаться, и т. д. Да, в настоящее время медиакритика в России все больше переходит в Глобальную сеть, распространяемые критиками-профессионалами факты, отношения к ним и рекомендации по улучшению ситуации ограничены тиражами печатных изданий, в которых они публикуются. Есть основания предполагать, что в скором времени численность сетевых «лидеров мнений» в области отечественной медиакритики может возрасти, и с мнением данных авторов придется считаться. Вот только станут ли их выступления объективными и приобретут ли авторитет у читателей или зрителей...

Проявления телевизионной критики в сети Интернет рассмотрены в рамках квалификационного исследования А. А. Садовниковым [28]. Однако его работа была защищена в 2011 г. С тех пор ситуация могла измениться, потому, как нам представляется, необходимо регулярное выявление и изучение качества современной медийной критики в Глобальной сети, а также практики и возможности ее воздействия на общество.

В-четвертых, продолжается усиление субъективно-авторской составляющей медиакритических текстов, опубликованных как в электронном, так и в печатном видах. Значительное количество работ содержало только одну, главным образом отрицательную, авторскую позицию по отношению к современному качеству медийного контента. Положительные оценки со стороны критиков можно было выявить крайне эпизодически. Субъективность в подаче материала больше была основана на личностных эмоциях автора от восприятия передачи, чем на логическом анализе ее достоинств или неудач, работы ее творческого коллектива. Примером тому являются тексты телекритиков «Комсомольской правды» 2016–2017 гг. и рубрики «Телепузик недели» в «Независимой газете», авторы которых при формировании оценки телепроекта основывались только на своих впечатлениях от увиденного на экране. Прочитируем по одному небольшому отрывку из текстов этих газет:

О роли С. Шнурова в качестве ведущего передачи «Главный котик страны»: «Очень похоже, что “Главного котика...” лепили на скорую руку, дабы заполнить щемящую эфирную пустоту. Идея не нова, но все равно прекрасна. Кого еще

можно полюбить безоговорочно и навсегда, без малейшей возможности возненавидеть? Уж точно не человека. В англоязычных странах обожают шоу о собаках американского телеведущего и дрессировщика Сизара Миллана; он нечеловечески популярен. Наш Шнуров — ответ ихнему Миллану: небрит, зато харизматичен и всегда на позитиве» [12].

О ведущей передаче «Жить здорово!» Е. Малышевой: «Посмотрел. Сперва-то показалось, ничего нового (тетке она какой-то предлагала закусить зубами карандаш от головной боли), но в следующем сюжете, про продукты — защитники костей, кайф мне словить удалось. Оказывается, Малышева, пока я изменял ей с “Россией”, вышла на новый качественный уровень. Теперь она в ходе своей передачи “Жить здорово!” использует не только аудиторию, макеты и ряженых, но и поет!» [27].

В данных примерах автор выстраивает свои рассуждения, основываясь на субъективно-личностных впечатлениях от просмотра телепередач. В этих текстах оценка вплетена в повествование и, на наш взгляд, является его частью и слагаемым. При изучении публикаций телеобозревателей «Комсомольской правды» или колумниста Т. Пандорина в «Независимой газете» мы обратили внимание на то, что для данных авторов характерно не просто жанровое смешение (работы написаны в жанре реплики с элементами рецензии и эссе (у Т. Пандорина). По большей части эти публикации сложно отнести к аналитической группе жанров: авторы смотрят передачу, описывают ее содержание (иногда только отдельные эпизоды) и на основе увиденного делятся с аудиторией своими впечатлениями. Постижения творческого замысла создателей телепроектов и сравнения их с другими передачами нами выявлено не было. Обобщений, сравнений авторских творческих методик познания действительности, рекомендаций возможного совершенствования творческого коллектива и конкретизации социальных проблем в выводах — тоже. По сути, перед нами краткое, эмоциональное, возможно, на злободневно-актуальную тему, далеко не всегда объективное мнение автора публикации, которого критиком назвать вряд ли возможно. Высказывать отрицательную оценку, основываясь на личном представлении о плохом и хорошем, без сравнения фактического материала и анализа качества обсуждаемого проекта — это не критика, а скорее напечатанный в федеральной газете авторский блог и, на наш взгляд, в некотором роде злоупотребление служебным положением. Ведь вместо подобных текстов там могут быть опубликованы работы, которые, возможно, помогут людям решить их насущные проблемы. На решение каких важных проблем направлены указанные выше выступления, сказать сложно.

Как пишет Е. А. Мальчевская, «...современное информационное пространство предполагает писать об искусстве не в аналитическом жанре, а в информационном (хотя в теперешнем искусстве не стало меньше новаторских подходов и экспериментов, чем было в начале прошлого века). В огромном потоке информации читателя нужно просто сориентировать, создать представление о произведении, обратить внимание на то, что оно появилось» [20, 75]. Если данный тезис применять к указанным выше публикациям, то их жанровая гибридизация, на наш взгляд, способна воздействовать на аудиторию как в положительном, так и в отрицательном аспектах. С одной стороны, сокращение объема повествования

и начилие в одном тексте признаков разных жанров может способствовать упрощению его восприятия аудиторией (мы считаем это положительным качеством). С другой — выявляемое все чаще замещение аналитической работы авторскими субъективными эмоциями восприятия того или иного медиапроекта вряд ли способствует формированию навыков самостоятельного критического анализа современного медиаконтента у обычных граждан (отрицательная сторона).

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Российская медийная критика как область журналистики продолжает поиск собственного творческого «лица» в разных его аспектах: функциональном, проблемно-тематическом, корпоративном, структурно-композиционном, лексико-стилистическом, морально-этическом и жанровом. Выявленная многочисленными исследователями СМИ жанровая диффузия в разных медийных направлениях характерна и для медиакритики как в печатных СМИ, так и в различных онлайн-ресурсах: тематические форумы (в том числе на сайтах телекомпаний), группы (паблики) в соцсетях и личные страницы пользователей социальных сетей. В период проведения исследования жанровый «портрет» медиакритики в печатных СМИ и онлайн-ресурсах в целом не был одинаковым, хоть и повторялся в некоторых жанрах. В газетах и на их сайтах она была представлена мини-рецензией и пространственно-временным мини-обозрением с жанровыми признаками комментария, репортажа, отчета, иногда эссе; репликой с признаками жанра репортажа и заметки; эпизодически — творческим портретом журналиста (автора и /или ведущего телепередачи, а также приглашенной в студию персоны) с признаками жанров биографии, рецензии, критической заметки, комментария, отчасти отчета и репортажа. На страницах и сайте «Литературной газеты» нами был выявлен жанр статьи с признаками жанров рецензии, биографии, комментария, версии, отчета и репортажа. Таких крупных жанров критики, как эссе, аналитическая корреспонденция, расширенное проблемно-тематическое обозрение, нами выявлено не было.

В то же время на изученных онлайн-ресурсах (исключая сайты печатных СМИ) медиакритика в период проведения исследования была представлена жанрами реплики, мини-рецензии с признаками репортажа, версии и реплики, а также комментарием с признаками критической заметки, реплики, версии и биографии. Таким образом, медиакритика в печатных СМИ в жанровом «исполнении» пока еще немного разнообразнее, чем в онлайн-ресурсах. Мы считаем, что данный факт можно объяснить тем, что авторами публикаций в газетах и журналах являются опытные обозреватели, для которых анализ современной медийной (главным образом телевизионной) практики — способ заработка. Авторы сообщений, размещенных на интернет-площадках, — как правило, люди, имеющие мало отношения к журналистике и представляющие другие профессии или способы деятельности. На стороне профессиональных обозревателей мастерство и владение законами всех трех жанровых групп: информационной, аналитической и художественно-публицистической. На стороне сетевых авторов — оперативность распространения своего мнения и равнодушие к увиденному или услышанному в СМИ, но пока еще поверхностное представление о журналистских жанрах и приемах

воздействия информации на аудиторию. Небогатость жанровой палитры сетевых авторов можно объяснить их желанием как можно быстрее выразить свое мнение, впечатление о конкретной передаче, игре актера в сериале и по другим оперативным поводам, не всегда задумываясь о жанре повествования. Основное их «оружие» — субъективная эмоция, часто заменяющая аргументы.

2. Все большее внимание, оказываемое аудиторией интернет-коммуникации, побуждает руководителей газет и журналов корректировать публикации и их жанры в сторону их схожести с сетевыми текстами. В результате объем текстов за период исследования во всех изученных изданиях сократился примерно на треть, названия авторских рубрик были изменены на унифицированное «Мнение», а публикации в аналитических жанрах постепенно стали включать в себя некоторые элементы жанров информационных (репортаж, критическая заметка). Мы полагаем, что данная тенденция способствует упрощению осуществления критического анализа со стороны обозревателей (их ранее приобретенный опыт становится маловостребован и в редакциях, и среди аудитории), что упрощает восприятие его медиапотребителями. Они не смогут приобрести навыки самостоятельного критического анализа медиатекстов. Однако поверхностность анализа медийного контента и усиливающаяся склонность к расширению его жанровых границ до информационных не прибавит авторитета медийному критику ни среди его массовой аудитории, ни в журналистском сообществе. Потому медийная критика в России может и далее остаться непривлекательной областью.

Вызванное смешением жанров упрощение осуществления критического анализа, на наш взгляд, постепенно приведет к значительной трансформации имеющихся в настоящее время функций и методов работы медийного критика и медиакритики как области журналистики. Как это будет происходить — покажут дальнейшие исследования.

1. Амзин А. А. Новостная интернет-журналистика [Электронный ресурс]. URL: <http://alexalex.ru/nij/NIJ-2-20131006.pdf> (дата обращения: 29.04.2018).

2. Баканов Р. П. Массмедиа глазами газет: практические рекомендации в помощь начинающему медийному критику. Казань, 2008. 256 с.

3. Баканов Р. П. Жанровое разнообразие телевизионной критики в федеральной печати 2011 г. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. : Гуманит. науки. 2012. Т. 154, кн. 6. С. 143–160.

4. Баканов Р. Медийная критика как форма гражданского участия в деятельности СМИ // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. : Гуманит. науки; вып. 27. 2015. № 18 (215). С. 182–189.

5. Баканов Р. П. Российская медийная критика в условиях цифровых медиа: поиск новых способов взаимодействия с аудиторией // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 3 (165). С. 11–21.

6. Богомолов А. Поменьше смотрите телевизор! // Журналист. 1967. № 6. С. 39–41.

7. Богомолов Ю. Предбанник преисподней [Электронный ресурс] // Сноб.ру. 2017. 1 дек. URL: <https://snob.ru/selected/entry/131911> (дата обращения: 02.05.2018).

8. Василенко Н. Пресса и малый экран // Сов. печать. 1966. № 9. С. 36–39.

9. Вывровцева Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных медиа // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. : Филология. Искусствоведение; вып. 94. 2015. № 5 (360). С. 207–213.

10. *Гринфельд В. А.* Корпоративная медиакритика в современных российских СМИ : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 193 с.
11. *Дьяченко В.* Охота к научению — признак силы // Журналист. 1967. № 9. С. 38–40.
12. *Ефимов С.* Мурлычет Шнуров по утрам [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2017. 4 сент. URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/26726.5/3753089/> (дата обращения: 02.05.2018).
13. *Ким М. Н.* Новостная журналистика : базовый курс. СПб., 2005. 349 с.
14. *Киселев А. Г.* Теория и практика массовой информации: подготовка и создание медиатекста. СПб., 2011. 400 с.
15. *Колесниченко А. В.* Настольная книга журналиста. М., 2013. 400 с.
16. *Корооченский А. П.* «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка [Электронный ресурс]. URL: <http://old.kpfu.ru/f13/rba-kanov/index.php?id=5&idm=0&num=23> (дата обращения: 29.04.2018).
17. *Кройчик Л. Е.* Публицистический жанр: природа и стратегия развития // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 171–176.
18. *Лазутина Г. В., Распопова С. С.* Жанры журналистского творчества : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2011. 320 с.
19. *Лонская А. А.* Репортаж: от идеи до гонорара. М., 2015. 334 с.
20. *Мальчевская Е. А.* Трансформация жанра рецензии // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 4. 2011. № 4. С. 74–77.
21. *Мельман А.* Как Украина превратила Владимира Соловьева из журналиста в пропагандиста // Московский комсомолец. 2014. 23 мая. С. 8.
22. *Мельман А.* Отлично, Георгий? Нормально, Константин! // Московский комсомолец. 2014. 27 июня. С. 8.
23. *Мельман А.* Лев Николаев навсегда // Московский комсомолец. 2014. 28 февр. С. 8.
24. *Муратов С. А.* Владимир Саптак — утопист или прорицатель? // Телерадиоэфир: история и современность / под ред. Я. Н. Засурского. М., 2005. С. 55–73.
25. *Набиева Е. А.* Рецензия как публицистический жанр. М., 2016. 159 с.
26. *Орлова Т. Д.* Феномен развития жанров в контексте развития журналистики нашего времени // Мультимедийная журналистика : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 марта 2018 г. / под общ. ред. В. П. Воробьева. Минск, 2018. С. 28–39.
27. *Пандорин Т.* Просто анекдот // Независимая газета. 2016. 12 февр. С. 8.
28. *Садовников А. А.* Литературная и телевизионная критика в Интернете: специфика, типология, принципы взаимодействия : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 208 с.
29. *Саптак В.* Телевидение, 1960: из первых наблюдений // Новый мир. 1960. № 10. С. 177–203.
30. *Саптак В. С.* Телевидение и мф: четыре беседы. М., 1963. 182 с.
31. *Тертычный А. А.* Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. М., 1998. 230 с.
32. *Туманов Д. В.* Творим золотым пером: мастер-класс для начинающих журналистов. 2-е изд., перераб. и доп. Казань, 2017. 282 с.
33. *Фокин Ю.* Заметки о телевидении // Советское радиовещание и телевидение. 1959. № 2. С. 31–32.
34. *Хорольский В. В.* Социокультурные аспекты глобализации массмедиа Запада. Воронеж, 2009. 247 с.
35. *Шайхитдинова С. К.* Медиаятика. Казань, 2007. 80 с.
36. *Шостак М. И.* Новости прессы. Заметки, репортажи, интервью. М., 2013. 197 с.
37. *Щербакова Г. И.* Медиакритика в журнале-газете «Гражданин» // Информационное поле современной России: практики и эффекты : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., 16–18 окт. 2014 г. / под ред. Р. П. Баканова. Казань, 2014. С. 139–149.
38. *Юровский А.* Нужна критика передач // Сов. культура. 1960. 1 мая. С. 5.

УДК 070.16:613.881 + 81'42

**Э. В. Чепкина
Ж. Д. Мельникова****ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТИНЫ,
СОБЫТИЙ И ПЕРСОНАЖЕЙ В ТЕКСТАХ ЖУРНАЛИСТСКИХ
РАССЛЕДОВАНИЙ О СЕКСУАЛЬНЫХ ДОМОГАТЕЛЬСТВАХ**

Тема сексуальных домогательств освещается в СМИ либо в жанре журналистского расследования, либо как сенсационное информационное сообщение. Дискурсивный анализ журналистских расследований о сексуальных домогательствах показал, что жанр требует особых практик конструирования истины, персонажа-жертвы и персонажа-агрессора. Позиция журналистов определяется необходимостью следовать общественному интересу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс СМИ; дискурсивные практики; журналистское расследование.

Начиная с 2016 г. тема сексуальных домогательств и сексуального насилия в контексте деловых, служебных и других неличных взаимоотношений регулярно появляется в российских СМИ. Публикации на эту тему преодолевают много лет существовавшее табу на публичное обсуждение таких вопросов. В 2017 г. журнал «Time» принял решение сделать персоной года «нарушителей молчания» — людей, которые открыто заявили о домогательствах [10]. Профессиональные журналистские практики освещения сложных ситуаций, задевающих чувства многих людей, заслуживают изучения, требуется обобщение опыта работы с жертвами и субъектами сексуальной агрессии. Это определяет актуальность нашего исследования.

Однако стоит отметить, что серьезные журналистские расследования, имеющие целью поднять важную социальную проблему, составляют меньшую часть от всего объема публикаций на данную тему. С большим количественным перевесом идут тексты, подменяющие аналитический подход установкой на сенсационность и эмоциональность. Между тем журналистские практики работы над темой сексуального насилия так или иначе формируют отношение к этой проблеме в обществе.

Для анализа практик конструирования аналитических публикаций в жанре журналистского расследования нами был использован метод дискурс-анализа. В качестве эмпирического материала рассмотрены тексты, опубликованные с сентября 2016 г. по ноябрь 2017 г. на сайте «Медузы». Мы выбрали публикации, касающиеся резонансного информационного повода — сексуальных домогательств в 57-й школе г. Москвы.

ЧЕПКИНА Элина Владимировна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Уральского федерального университета (e-mail: chepkina@gmail.com).

МЕЛЬНИКОВА Жанна Денисовна — бакалавр журналистики, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: zha.nochka@yandex.ru).

© Чепкина Э. В., Мельникова Ж. Д., 2018

Журналистское расследование призвано установить причины, которые делают возможными противоправные действия, разоблачить преступников и нравственно воспитать аудиторию [9, 74]. Аналитическая работа журналистов в ходе расследования позволяет на основе изученных фактов сформулировать общественно значимую проблему. Под общественно значимой информацией понимают то, что затрагивает жизненно важные интересы аудитории [3, 162], а поводом для расследования может стать все, что журналист считает морально недопустимым. Исследователь Л. Никитинский в книге «Апология журналистики» отмечает, что журналистика — это «...важнейшая и необходимая часть *публичного дискурса*, без которого общество перестает понимать самое себя. <...> В процессе *отношений журналистики* общество, проговаривая самое себя, устанавливает *конвенции*, понятия, *паттерны* поведения и *фреймы* — рамки восприятия, которые успели сформироваться внутри пройденного отрезка дискурса» [4, 76].

Дискурс — «социально упорядоченный механизм организации коммуникации, относительно устойчивое поле смыслов, единство которого обеспечивают специфические для него группы дискурсивных практик» [5, 8]. Практики конструирования событий и персонажей относятся к важнейшим в дискурсе СМИ. С ними тесно связаны практики конструирования истины и субъектных позиций дискурса. Современная журналистика не предполагает наличия одной общей для всех СМИ истины: «Дискурс СМИ представляет собой пространство коммуникации, в котором одновременно циркулируют разные, в том числе взаимоисключающие, мнения и транслируются, явным или скрытым способом, разные ценностно-нормативные, политические, профессиональные ориентиры» [Там же, 14].

Обратимся к журналистским расследованиям о домогательствах в 57-й школе. Начало деятельности журналистов положил пост журналистки «Медузы» Е. Кронгауз, опубликованный в «Фейсбуке» в конце августа 2016-го и посвященный сексуальным отношениям учителя московской школы с ученицами. Редакция «Медузы» уточняет в своих публикациях, что Е. Кронгауз опубликовала пост как частное лицо, как бывшая ученица 57-й школы, а разработку темы СМИ поручило другим своим корреспондентам. Второй особенностью текстов является то, что они публикуются параллельно с расследованием, которое ведет Следственный комитет РФ. Главная цель журналистов — объяснить преступный механизм (почему случившееся произошло?), ведь поиском виноватых уже занялись следственные органы.

Важно отметить, что значительная часть хронологии событий воссоздается здесь со ссылками на публикации в социальных сетях («в рамках флешмоба #Янебоюсьсказать Надежда Плузгян также писала о проблемах в 57-й» [2]), при этом главный субъект речи в текстах — это журналист. Изложение событий показывает, что журналисты пользуются такими методами сбора информации, как интервью, наблюдение (репортаж из школы), работа с документами, в частности, мониторинг СМИ и соцсетей. Вторую по значимости субъектную позицию занимают многочисленные эксперты, представленные в тексте (учителя, директора школ, психологи, чиновники). Именно они помогают журналисту выявить причины произошедшего, оценить ситуацию, а также наметить варианты решения

проблемы. Важно, что экспертные мнения здесь неоднородны, что отражает борьбу разных (прежде всего в плане оценки) дискурсивных практик вокруг персонажей и событий, о которых идет речь.

Ключевыми персонажами нарратива о домогательствах стали жертвы — ученики и ученицы 57-й школы, которые подверглись сексуальным домогательствам. Вокруг этих персонажей можно наблюдать накопление следующих смыслов: положительно-оценочных («*Сейчас говорят, что они герои... поступили абсолютно нормально, как принято в нормальном, цивилизованном, неизвращенном обществе*» [7]), негативно-оценочных («*Надо обязательно все проверить, потому что дети в этом возрасте... они фантазеры*» [Там же]) и амбивалентных («*Я категорически против того, чтобы выносить сор из избы. Решать проблему необходимо в коллективе*» [Там же]).

Как субъекты домогательств в текстах охарактеризованы учитель Б. Меерсон, его ассистентка М. Немзер, учитель Б. Давидович. И есть еще «безмолвные» свидетели преступления — директор школы С. Менделевич, его жена Е. Вишневецкая и другие педагоги школы. Вокруг и тех, и других можно также наблюдать борьбу дискурсивных практик в плане оценки их действий: положительно-оценочные смыслы (*Адвокат: «Подзащитный “не виноват” — и доказательств его вины в материалах дела нет*» [6]) и негативно-оценочные («*возникает вопрос: учитель, который так себя ведет, — а здоров ли он?*» [7]; ничто не оправдывает «*страусиную позицию*» руководства). Персонажи, выражающие сочувствие к жертвам, — это в основном выпускники и выпускницы школы, сочувствие к субъектам домогательств выражает значительная часть учителей, которые «*до сих пор считают, что обвинения необъективны и лживы*» [6]. Столкновение разных оценок в отношении участников истории о домогательствах свидетельствует о трудности обсуждения таких тем: общество очень неоднородно по отношению к возможности вынесения в пространство публичного обсуждения самого факта домогательств, практики их обсуждения вырабатываются с большим трудом.

Главным объектом конструирования в текстах расследований является само событие преступления, описанное через конкретные факты сексуальных домогательств. Виден поиск наименований для этого события: со стороны журналистов — «*проблема*», «*злоупотребление учительскими полномочиями*», «*сексуальные отношения*»; со стороны экспертов — «*скандал*», «*системная ситуация*», «*рядовое явление*», «*грязная история*», «*драматический опыт*»; со стороны руководства школы, «безмолвных» свидетелей — «*тяжелый кризис*», «*грехи*», «*пересекающиеся и подтверждающие друг друга слухи*», «*элемент шантажа и эмоциональные фантазии*»; со стороны выпускников школы — «*крутил романы*», «*системное насилие над ученицами*», «*чудовищные нарушения этических и моральных норм*»; со стороны учителей школы — «*затяжная нравственная болезнь*», «*попытки развалить школу*». Сами факты насилия никак не описываются и не интерпретируются журналистами.

Важно, что в анализируемых текстах конструируются еще два события, вносящие важные для понимания ситуации в целом акценты: расследование, которое ведут правоохранительные органы, и внутреннее расследование в школе.

Следователи оцениваются как те, кто *«совершенно не подготовлен иметь дело с такими сложными случаями»*, и в то же время они часть системы, которая среагировала оперативно и должна гарантировать соблюдение законности. Инициаторы внутреннего расследования имеют в текстах такие конфликтующие характеристики, как *«люди без греха в белых одеждах»* и *«герои»*, т. е. единого оценочного отношения нет и к ним тоже.

Для конструирования в текстах СМИ событий, к которым еще нет однозначного отношения в обществе, существенное значение имеют практики обоснования достоверности сообщаемого. Важным способом указания на достоверность публикуемых фактов является упоминание в тексте точных дат и имен (*«19 сентября 2016 года директором 57-й школы вместо Сергея Менделевича был назначен руководителем лицея № 1581 Александр Тверской»* [6]). Не менее важно точное указание на источник приводимых данных (*«В своем заявлении на сайте 57-й директор Сергей Менделевич пообещал создать из учеников, родителей и выпускников школы общественный совет»* [2]). На достоверность указывает и сохранение особенностей речи говорящего при пересказе, характерных выражений (*«...они шикали, улюлюкали, громко спрашивали, почему они должны меня слушать, хватит ломать комедию, театр. И “нельзя ли покороче свалить отсюда”»* [8]).

В рассказе о случившемся в 57-й школе эксплицитно сталкиваются противоположные ценностные позиции: первая — о насилии нужно молчать, чтобы сохранить лицо школы и *«плыть дальше»* (*«администрация школы делала вид, что ничего не происходит»* [2]); очень характерен для такой позиции капустник по мотивам произошедшего в школе: *«Решить внезапно возникшую для школы проблему, по мнению авторов спектакля, можно, только вернувшись в прошлое и добавив зелье забвения в чай писательнице — чтобы она забыла, о чем хотела написать, и никакого поста в фейсбуке не случилось вовсе»* [6]; *«капустник — это трагическое переживание о том, как было бы хорошо, если бы врач не произнес слово “рак”»* [Там же]; вторая — осуждение домогательств и признание необходимости говорить о случившемся (*«Тема того, что произошло, табуируется. Мне кажется, это большая ошибка учителей. <...> Нужно не делать вид, что его [скандала. — Э. Ч., Ж. М.] нет, а разобраться в нем...»* [8]).

Общественный интерес к обнародованным фактам в рассматриваемой группе текстов заключается в том, что, во-первых, публикуемая информация затрагивает вопросы благополучия и безопасности населения, в том числе детей; во-вторых, несмотря на то что делом заинтересовались следственные органы, необходимо провести и публичное исследование произошедшего с целью информирования аудитории; в-третьих, расследуемая ситуация затрагивает важные для общества болевые точки (следование стереотипу *«учитель всегда прав, а ребенок нет»*), проблема отсутствия органов саморегулирования в школах), и на позиции жертвы здесь незащитные члены общества, а на позиции субъектов агрессии — люди, наделенные властью. Более того, в самих текстах словами эксперта сформулирована еще одна причина, почему данная тема представляет общественный интерес, — это резонанс от затронутой проблемы и ее актуальность (*«Ситуация с 57-й школой — прямое следствие флешмоба #ЯНеБоюсьСказать. В свою очередь, этот флешмоб*

является проявлением того, что социологи называют второй волной модернизации. Плоды этого процесса — другое отношение... к иерархиям... к неравенству, другое отношение к насилию» [7]).

Итак, анализ дискурсивных практик, которые используются в жанре журналистского расследования, показал, что конструирование нарратива — цепочки взаимосвязанных событий — так или иначе отражает логику и глубину проведенной журналистом работы. Описание событий дается в необходимых для понимания сути дела деталях, но без излишних, «скандальных» подробностей. Журналисты не высказывают открыто собственную оценочную позицию, вместо этого они дают возможность высказать свою точку зрения участникам событий, благодаря чему наблюдается сбалансированное присутствие в текстах всех сторон конфликта. Достоверность обеспечивается через указание на точные фактические данные и столкновение противоположных позиций в ходе обсуждения темы — для сохранения объективности.

1. Берг Е. 57-я школа. Главное: Директор школы создает совет, «который поможет разобраться» с обвинениями в сексуальных домогательствах [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/01/57-ya-shkola-glavnoe> (дата обращения: 13.04.2018).

2. Берг Е. Что происходит в 57-й школе. Цепочка событий [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/05/chto-proishodit-v-57-y-shkole-tseepochka-sobytiy> (дата обращения: 13.04.2018).

3. Лозовский Б. Н. Журналистика и средства массовой информации : [крат. словарь]. Екатеринбург, 2007. 306 с.

4. Никитинский Л. Апология журналистики (в завтрашний номер: о правде и лжи). М., 2017. 239 с.

5. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» : [монография] / О. И. Астахова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др. ; под ред. Э. В. Чепкиной. Москва ; Екатеринбург, 2017. 196 с.

6. Сулим С. Зелье забвения Как 57-я школа пытается справиться с последствиями истории о домогательствах : репортаж Саши Сулим [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2017/02/14/kak-57-ya-shkola-pytaetsya-spravitsya-s-posledstviyami-istorii-odomogatelstvah-reportazh-sashi-sulim> (дата обращения: 13.04.2018).

7. Сулим С. 57-я школа. Как с этим быть дальше? Отвечают учителя, психологи, эксперты и чиновники [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/06/57-ya-shkola-kak-s-etim-byt-dalshe> (дата обращения: 13.04.2018).

8. Сулим С. «Школа делает вид, что ничего не происходит»: Монолог покидающего московскую 57-ю школу преподавателя Сергея Волкова [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/02/shkola-delaet-vid-chto-nichego-ne-proishodit> (дата обращения: 13.04.2018).

9. Тертычный А. А. Расследовательская журналистика : учеб. пособие. М., 2002. 384 с.

10. Человек года по версии журнала Time — женщины и мужчины, рассказавшие о домогательствах [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/news/2017/12/06/chelovek-goda-versii-zhurnalna-time-zhenschiny-rasskazavshie-o-domogatelstvah> (дата обращения: 15.04.2018).

11. Чрезвычайная ситуация на страницах газет: сенсация или социальная проблема? (По следам события) / сост. и ред. С. К. Шайхитдинова. Казань, 2002. 216 с.

Статья поступила в редакцию 14.06.2018 г.

УДК 070.15:39 + 316.774 + 004.032.6 + 81'42

Е. В. Каблуков

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ*

Рассмотрена эволюция представлений об идентичности, а также ключевые методологические проблемы, возникающие при ее изучении в русле дискурсивного подхода, такие как дискурсивный радикализм, отождествление идентичности субъекта и его образа, ограниченные возможности исследователя. Обосновано понятие модели идентичности как научной реконструкции идентичности исследуемого объекта. Предложена модель региональной идентичности россиян, ядром которой является совокупность пространственных и темпоральных идентификаций.

Ключевые слова: идентичность; региональная идентичность; практики идентификации; дискурс; дискурс-анализ; социальный конструктивизм.

Исследователи фиксируют небывалый рост интереса к идентичности, которую все чаще рассматривают в русле социального конструктивизма (конструкционизма) [3, 76; 22, 17; 26, 29]. Настоящая статья продолжает эту традицию и призвана наметить — пока лишь теоретически — новый подход к изучению региональной идентичности россиян в дискурсе СМИ. Для этого мы охарактеризуем эволюцию представлений об идентичности, выделим некоторые проблемы, возникающие в ходе современных дискурсивных исследований этого феномена и вынуждающие нас, среди прочего, обосновать понятие «модель идентичности», а также предложим собственный подход к научному моделированию региональной идентичности россиян, конструируемой в медиадискурсе.

Идентичность как предмет рефлексии

Эволюция научных и философских представлений об идентичности подробно описана британскими авторами Б. Бенвелл и Э. Стоко в монографии «Дискурс и идентичность». Как отмечают исследователи, интерес к изучению идентичности появляется в эпоху Просвещения, когда формируются два конкурирующих подхода: картезианский, с его конституирующим субъекта *cogito*, и эмпирический, согласно которому личность является результатом накопленного опыта и знаний. Первый подход изолирует сознание, а значит, и идентичность от внешних влияний, а второй, признавая рефлексивную природу идентичности, наделяет субъекта способностью сознательно ее формировать. В результате, как ни странно, эти противоположные направления порождают единый подход к идентичности, которая предстает как «инструментальный проект личности» [22, 18–19].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

С точки зрения романтической парадигмы, господствовавшей в первой половине XIX в., личность есть выражение чего-то внутреннего, природного, основанного скорее на чувственности, чем на разуме. Между тем уже Гегель в «Феноменологии духа» отказывается интерпретировать идентичность как автономный и изолированный феномен, поскольку она формируется во взаимодействии с социальным миром, т. е. с *другим*. В XX в. набирает популярность социологический подход к исследованию коллективной идентичности, которая также рассматривается как целостная социально детерминированная сущность. Так называемая социальная теория идентичности вводит понятия интруппы и аутгруппы, рассматривая идентичность как процесс различения этих групп. Тогда же эссенциалистская концепция целостной и стабильной идентичности подвергается критике, главным образом со стороны Мишеля Фуко, почву для которого подготовили Луи Альтюссер и Антонио Грамши [22, 19–32].

Таким образом, поворотными моментами в изучении идентичности можно считать, во-первых, отказ от концепции изолированного субъекта, независимого от внешних влияний, и, во-вторых, отход от эссенциалистской парадигмы. В результате формируется направление, рассматривающее идентичность с позиций социального конструктивизма — как дискурсивный феномен, лишенный целостности и характеризующийся динамичностью, фрагментарностью и ситуативностью [13, 21; 24, 154]. При таком подходе исследователи более не нацелены на поиск идентичности как некоторой сущности, принадлежащей индивидуальному или коллективному субъекту, а обращают внимание на бесконечную череду идентификаций данного субъекта, осуществляемых в дискурсе. В результате субъект (его идентичность) предстает как часть конструируемой социальной реальности, что соответствует общей установке социального конструктивизма.

В духе социального конструктивизма идентичность рассматривают представители философии [5], социологии [3], политологии [12], социально-экономической географии [18] и других дисциплин. Анализ лингвистических изысканий, связанных с идентичностью, представлен в работах Л. В. Ениной, которая придерживается конструктивистского подхода, но подробно характеризует и противостоящие ему лингвистические концепции жесткой — по терминологии Роджерса Брубейкера [4, 84] — идентичности, реализованные главным образом в исследованиях когнитивистов [7, 8]. Отправной точкой для наших размышлений можно назвать работу над коллективной монографией «Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта “информационная война”», развивающей идеи Л. В. Ениной и написанной под общей редакцией Э. В. Чепкиной [13].

Проблемы дискурсивного подхода к идентичности

Выделим некоторые проблемные узлы дискурсивных исследований идентичности, выполненных в рамках социального конструктивизма, и — по возможности — наметим способы разрешения этих проблем.

Проблема 1. В отличие от так называемого радикального конструктивизма, социальный конструктивизм не отрицает физическое существование реальности,

а лишь фокусируется на конструировании реальности в дискурсе [25, 27]. Между тем отголоски радикализма встречаются в работах, постулирующих исключительно дискурсивную природу идентичности: «Как идеологическая конструкция идентичность складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует. Неверно говорить, что идентичность отражается в языке, выражается через язык или опосредуется при помощи языка. Это позволило бы заключить, что идентичность существует как самостоятельная сущность где-то вне и независимо от языка. Идентичность дискурсивна, то есть лингвистична» [15, 45].

Логика на первый взгляд понятна: приверженцы дискурсивного подхода отказываются от попыток изучить «то, что происходит в сознании субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению» [14, 27], однако в своем отрицании когнитивного они впадают в дискурсивный радикализм, который базируется на логическом противоречии: если сознание остается непознаваемым, по крайней мере для представителей дискурс-анализа, то как можно отрицать саму возможность наличия в нем чего угодно, в том числе некоего «эфира идентичности»? Можно лишь констатировать, что дискурс-анализ изучает идентичность как дискурсивный конструкт, не оспаривая возможности изучать ее в качестве ментального феномена. Так, характеризуя понятие идентичности, коллектив авторов под руководством Рут Водак отмечает, что национальная идентичность представляется ментальным конструктом, воображаемым политическим сообществом, как сказал бы Бенедикт Андерсон [2], и при этом «национальная идентичность <...> производится, воспроизводится, трансформируется и разрушается посредством языка и других семиотических систем» [24, 153], т. е. может рассматриваться как дискурсивный феномен. Такое же мирное сосуществование когнитивного и дискурсивного подходов наблюдается в работах Т. ван Дейка [29].

Проблема 2. Отождествление идентичности говорящего субъекта (общности, которую он представляет) и образа неговорящего субъекта. Так, Э. В. Чепкина утверждает, что журналисты конструируют не просто внутритекстового адресата, но идентичность адресата, а также идентичность персонажей своих текстов [20, 62]. С нашей точки зрения, можно идентифицировать другого, но нельзя сконструировать его идентичность. Идентичность есть результат самоидентификации говорящего субъекта, которая осуществляется даже в том случае, когда данный субъект идентифицирует другого, что красноречиво показано в расхожей фразе: «То, что Молли сказала о Салли, больше говорит о Молли, чем о Салли». В противном случае — при отождествлении названных феноменов — теряется всякий смысл в использовании термина «идентичность», поскольку он, во-первых, синонимизируется с другим термином — «образ», а во-вторых, утрачивает всякую связь с традицией философского и научного осмысления персональной идентичности, которая мыслится как «тождество “я” (сознания, разума), сознание личностью единства своего сознания в разное время и в разных местах» [17, 316].

Впрочем, названная проблема решается, если речь идет о медиадискурсе, тяготеющем к «конструированию “своего круга”, в который входит редакция, журналист, аудитория...» [13, 145]. Представляется, что персонажи и адресат журналистских текстов, рассматриваемых в указанной работе Э. В. Чепкиной,

как раз входят в «свой круг» субъекта высказывания (журналиста и редакции СМИ), а потому, несмотря на мнимое противоречие, участвуют в конструировании соответствующей общей идентичности. Другими словами, то или иное медиа (к примеру, российское телевидение) конструирует идентичность аудитории и персонажей (в нашем случае — россиян) в силу того, что демонстрирует свое единство с этими субъектами.

Проблема 3. Последняя, но при этом наиболее значительная из выделенных нами проблем связана с ограниченными возможностями исследователя. Признавая, что идентичность — индивидуальная или социальная — конструируется в дискурсе, мы также сознаем, что она не может быть оттуда изъята ученым во всей ее сложности, поскольку это потребовало бы полного воссоздания данного дискурса в научном исследовании. Таким образом, идентичность, будучи интерпретируемой исследователем, перестает быть идентичностью изучаемого субъекта (объекта исследования) и становится лишь ее моделью, понимаемой как «упрощенный мысленный или знаковый образ какого-л. объекта или системы объектов, используемый в качестве их “заместителя” и средства оперирования» [1, 145].

Получается, что модель идентичности — это реконструируемая в соответствии с выбранной научной методикой идентичность объекта исследования, рассматриваемая как набор идентификаций, осуществляемых в дискурсе соответствующим субъектом высказывания, индивидуальным или групповым.

Отметим также, что понятие «модель идентичности» встречается в работах российских и зарубежных авторов [3, 76; 5, 8; 6, 63; 12, 9; 21, 145; 23, 9; 27, 87], однако, как правило, не получает специального определения, что обусловлено, очевидно, двумя причинами: во-первых, данное понятие обычно не становится центральным для названных исследований, а во-вторых, воспринимается авторами как производное от общеупотребимого научного термина «модель», не нуждающегося в дефинициях.

Модель региональной идентичности в дискурсе СМИ

В центре нашего внимания моделирование региональной идентичности. Под регионом понимается территория [9, 6], выделенная формально — в результате институционально оформленного установления или неформально — вследствие самоопределения жителей, ее населяющих. В первом случае мы имеем дело с административно-территориальными единицами, к примеру, субъектами Российской Федерации, а во втором — с так называемыми вернакулярными районами, например, Уралом или Сибирью [11, 16, 18]. Отметим, что названные критерии могут совмещаться, если территория, объединенная одной культурой, получает формальный статус, как, например, национальные республики в составе России.

Мы признаем регионом любую территорию, выделенную в соответствии с названными критериями, но отличную от территории государства и города, однако это не значит, что регион, как порой отмечают, непременно занимает промежуточное положение между городом и государством [3, 77], поскольку может объединять территорию или часть территории нескольких государств, как,

например, Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион. Кроме того, мы считаем нецелесообразным выделение регионов на основе критериев, отличных от территориального, к примеру, привязки «к субэтническим (лингвистическим) группам» [19], поскольку такой критерий не обеспечивает выделения собственно региона, а лишь определяет общность, которая может по-разному соотноситься с теми или иными территориями. Другими словами, выделяя идентичность донских казаков, мы не можем говорить о соответствующем регионе до тех пор, пока он не будет фиксироваться формально или неформально. При этом данная идентичность может естественным образом участвовать в конструировании идентичности жителей Ростовской или Волгоградской области. И последнее замечание: если мы говорим о региональной идентичности, то имеем в виду, естественно, не безлюдную территорию, а населенный регион, представители которого и являются субъектами, конструирующими, в том числе посредством медиадискурса, соответствующую идентичность.

Ядро модели региональной идентичности (как, впрочем, и национальной или городской, но мы не будем затрагивать эти уровни) составляет совокупность конструируемых представлений о пространстве-времени, поскольку именно они являются необходимыми и достаточными для конструирования региональной идентичности. Представим новый административный регион, не обладающий какой бы то ни было спецификой, кроме территориальной, поскольку регион соотносится с соответствующей территорией, и исторической, так как данная территория выделена и существует в определенных исторических условиях (ср. с понятием «историческая территория» у Э. Смита [28, 14]). Этого набора идентификаций, связанных с хронотопом, достаточно для конструирования региональной идентичности. Между тем все прочие направления идентификации не предполагают выделения региона, а объединяют носителей идентичности в иные — не региональные — воображаемые сообщества. Однако это не значит, что ядерные характеристики исчерпывают специфику региональной идентичности, поскольку данная специфика включает и другие актуальные в данный момент для данного дискурса идентификации субъекта, в числе которых можно выделить конфессиональную, этническую, политическую, экономическую, правовую, культурную и пр.

В заключение представим разработанную нами модель региональной идентичности россиян:

1. Пространственная идентификация жителей региона, предполагающая конструирование:

1) географического пространства региона;

2) отношения региона к другим географическим объектам: к соседним регионам России, более крупным регионам (макрорегионам) России, в которые входит данный регион, а также к России в целом; к иностранным географическим объектам и трансграничным регионам, которые включают как российские, так и зарубежные географические объекты.

2. Темпоральная идентификация жителей региона, которая складывается из следующих конструкторов:

- 1) прошлое региона, в том числе в связи с историей России;
 - 2) настоящее региона, которое предстает в СМИ как «информационный образ актуальности» [10, 8] и, с одной стороны, обособляет регион, а с другой — включает его в общероссийский контекст;
 - 3) будущее региона, в том числе в связи с будущим России.
3. Комплекс актуальных для анализируемого регионального дискурса идентификаций [13, 62–135]:
- 1) этническая и языковая;
 - 2) конфессиональная;
 - 3) политическая;
 - 4) культурная;
 - 5) экономическая.

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

3. Берендеев М. В. Социальная идентичность: исследования самоопределения калининградского регионального социума // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. : Гуманитарные и общественные науки. 2006. № 12. С. 75–82.

4. Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

5. Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2011.

6. Дряева Э. Д., Дубровский Д. И. Социокультурная идентичность в условиях современных коммуникаций и базовая идентичность индивида // Филос. науки. 2017. № 8. С. 63–75.

7. Енина Л. В. Идентификация политического субъекта в медиадискурсе // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 5 (84). С. 32–39.

8. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Полит. лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.

9. Ильина О. В., Халуторных Е. А. Дискурсивные практики региональной идентификации россиян в медиатекстах (на примере газеты «Искра» Кунгурского района) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 1 (159). С. 5–14.

10. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. М., 2005.

11. Калуцков В. Н. О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 3–9.

12. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009.

13. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». Москва ; Екатеринбург, 2017.

14. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 : Филология. 1999. № 1. С. 25–33.

15. Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Вена, 2001.

16. Смирнягин Л. В. Вернакулярный район // Социально-экономическая география: понятия и термины. Смоленск, 2013. С. 35–36.

17. Современный философский словарь. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Москва ; Минск, 1998.

18. Трофимов А. М., Шарыгин М. Д., Исмагилов Н. Н. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // Географический вестник. 2008. №1. С. 5–12.

19. *Туровский П. Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. С. 87–136.
20. *Чепкина Э. В.* Дискурсивные практики конструирования адресата региональной прессы: национально-гражданская идентичность // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 4 (156). С. 61–68.
21. *Barnard-Wills D.* Surveillance and Identity: Discourse, Subjectivity and the State. Farnham, 2013.
22. *Benwell B., Stokoe E.* Discourse and identity. Edinburgh, 2006.
23. *Breakwell G. M.* Coping with Threatened Identities. L. ; N. Y., 2015.
24. *De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.* The discursive construction of national identities // Discourse & society. 1999. № 10 (2). P. 149–173.
25. *Kleiner-Liebau D.* Migration and the construction of national identity in Spain. Madrid, 2009.
26. *Krzyżanowski M.* The discursive construction of European identities: A multi-level approach to discourse and identity in the transforming European Union. Frankfurt am Main, 2010.
27. Questions of Cultural Identity / S. Hall, P. du Gay (eds.). L., 1996.
28. *Smith A. D.* National Identity. Reno, 1993.
29. *Van Dijk T. A.* Discourse and context: A socio-cognitive approach. N. Y., 2008.

Статья поступила в редакцию 06.05.2018 г.

УДК 070.11(470) + 070.11(510) + 004.032.6 + 316.774

В. Ф. Олешко
Цао Лян

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТОВ: РОССИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ

Анализируется исследовательский опыт профессиональной культуры журналистов, системно представленный в публикациях представителей российских и китайских школ журналистики. Поскольку цифровая революция предопределила не только качественное изменение журналистики как социального института, но и трансформацию ряда векторов исследовательской практики, в статье доказывается, что доминанта профессиональной культуры дает возможность акцентировать внимание на аспектах, которые в прежние годы не брались во внимание или считались второстепенными. Содержательный анализ, по мнению авторов, также свидетельствует, что процесс формирования и развития профессиональной культуры журналистов России и Китая нельзя рассматривать в отрыве от исторических традиций и представлений (в том числе в массовом сознании) о сущности результативной деятельности массмедиа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: информационная культура; цифровая революция; профессия; профессиональная культура журналистов; личность; аудитория; диалог.

Бурное развитие информационных технологий во всем мире предопределило качественные изменения журналистики как социального института. Поскольку наступление цифровой эпохи характеризуется прежде всего разрушением монополии профессионалов на информирование, то с неизбежностью возникает вопрос: «Как в этих условиях не только сохранить возможности традиционного институционального влияния на массовую аудиторию, но и выработать эффективные методы взаимодействия с нею?» А в контексте развития глобализационных процессов актуализируется проблематика, позволяющая объединить опыт и наработки представителей медийных специализаций различных стран. Причем журналисты-практики при этом все чаще констатируют, что и противоречия развития массмедиа имеют всеобщий характер.

«Новый информационный порядок создает коридор возможностей для традиционных СМИ. Одновременно он ликвидирует их монополию на информационном рынке. Понимание происходящих коммуникативных процессов и, в частности, принципов функционирования социальных медиа, изучение особенностей современного медиапотребления позволяет редакциям адекватно реагировать на вызовы сетевой среды. Сегодня становится ясно, что трансформация массмедиа будет носить необратимый, глубокий, всесторонний и комплексный

ОЛЕШКО Владимир Федорович — кандидат филологических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: Vladimir.Oleshko@urfu.ru).

ЦАО Лян — аспирант кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: Lyan.tsao@urfu.ru).

© Олешко В. Ф., Цао Лян, 2018

характер, — отмечает, к примеру, генеральный директор крупнейшего издательского дома Алтайского края «АлтаПресс» Ю. П. Пургин. — Соучастие, вовлечение, взаимодействие вот новая коммуникативная основа, на которой строится работа. Для этого приходится интегрировать функционал новых медиа, использовать возможности сетевой среды. Но главной задачей остается сохранение качественного контента, основанного на работе журналистов» [9].

Следовательно, сам факт, что в медийной сфере субъектами информационной деятельности во всем мире теперь являются не только профессиональные журналисты, заставляет пересматривать и устоявшиеся годами исследовательские парадигмы. В контексте данной проблематики важными являются наработки и сравнительный анализ сделанного представителями российских и китайских научных журналистских школ исследований. Так, мы выяснили, что в условиях кардинально изменившихся векторов медийной практики одним из самых перспективных направлений работы, по мнению многих из них, является изучение профессиональной культуры журналистов. Совмещение институционального подхода и исследования непосредственно личности журналиста — одновременно индивидуума и представителя цехового сообщества — дает возможность под иным углом зрения рассмотреть представителей данной профессии и увидеть противоречия, характеризующие ее развитие в цифровую эпоху.

Системным изучением медиакультуры в целом занимаются, к примеру, представители Казанского (Приволжского) федерального университета (С. К. Шайхитдинова [16, 17]) и Уральского федерального университета (Н. Б. Кириллова [1]), что дает возможность увидеть перспективы междисциплинарных исследований в этой области научного знания. В. В. Тулупов и Л. Е. Кройчик из Воронежского государственного университета систематизировали профессиональные типы творческих личностей и роли, характерные для развития публицистического потенциала современной журналистики [2, 13]. Представители уральской школы журналистики за последние годы выпустили четыре межвузовских сборника статей и материалов с международным участием, подготовленных в рамках реализации общефакультетской темы исследований на факультете журналистики Уральского федерального университета, которые были посвящены изучению прикладных аспектов реализации принципов профессиональной культуры журналистов, а также основных ее фреймов. При этом наглядно представлялись отдельные структурные механизмы профессиональной культуры и разнохарактерных векторов ее развития [6–8, 12]. Необходимо также отметить, что актуальность и важность указанной проблематики в контексте профессиональной самоидентификации были отражены и в ряде системных социологических исследований, проводимых, к примеру, учеными факультета журналистики МГУ [11] и исследовательской группы «ЦИРКОН» [5]. В них, в частности, было доказано, что профессиональная идентичность журналиста может являться как показателем реализации его профессионально-личностных качеств, так и фактором, определяющим выбор той или иной специализации в условиях перманентной трансформации медийных практик. В работах других коллег анализировались этико-мировоззренческие компоненты современных медийных [4] и образовательных практик [10].

Китайские исследователи также в последние годы активизировали работу в данном направлении, поскольку доминанта профессиональной культуры дает возможность акцентировать внимание на аспектах, которые в прежние годы считались второстепенными для организации медийной деятельности. Так, ученые Китайского народного университета, в частности профессор Ван Вэньбин и его команда, пришли к выводу, что профессиональная культура — «...это система ценностей, способ мышления и нормы поведения, которые в долгосрочной профессиональной деятельности формировались постепенно, а также это соответствующие привычка, характер, этикет и атмосфера. Ее главное содержание: сознательность и строгое подчинение идеалам профессиональной миссии, увеличение числа профессиональных достижений, соблюдение профессиональных норм и профессионального этикета, следование принципам профессиональной психологии»¹ [21, 71]. Ученые из других китайских университетов также считают исследования в этой области одними из приоритетных, о чем, в частности, было заявлено в июле 2016 г. в Пекине на Форуме гуманитарных и социальных наук «Журналистское образование и развитие СМИ в Китае и России». В его работе приняли участие представители 35 ведущих университетов России и Китая, осуществляющих подготовку выпускников по данному направлению обучения.

Следовательно, логичной и закономерной является сегодня постановка вопроса о разработке общеметодологической базы системного изучения профессиональной культуры журналистов эпохи цифровых технологий и проведении серии прикладных исследований в рамках выявления аспектов ее взаимодействия с информационной культурой.

Основой возникновения и становления профессиональной культуры выступает, как известно, взаимодействие профессии и профессиональной культуры. Однако в обыденном и в научном сознании понятие «профессия» отражается зачастую неоднозначно. Поэтому, на наш взгляд, необходимо выделять и всегда иметь в виду составляющие трех групп определений этого понятия:

- профессия как совокупность знаний и трудовых навыков, принадлежащих конкретному человеку;
- профессия как род трудовой деятельности, служащий основным источником доходов;
- профессия как совокупность людей, занятых тем или иным видом труда.

В структуре профессиональной культуры в целом и в профессиональной культуре журналиста в частности можно выделять две взаимодополняющие стороны, которые в цифровую эпоху приобретают первостепенное значение, — праксиологическую и ментальную. Праксиологическая сторона характеризует способ взаимодействия субъекта профессиональной культуры с орудиями, средствами предмета труда, а также степень его готовности к осуществлению конкретного вида деятельности. Не нужно лишнего раз повторять, что для России и Китая прощание с «эрой Гутенберга» ознаменовало конец не только монополии на информирование и распространение текстов, но и монополии

¹ Здесь и далее авторизованный перевод с китайского соавтора статьи Цао Ляна.

на редактирование большинства из них, в частности, тех, что могут быть представлены любым субъектом информационной деятельности в Глобальной сети. Поэтому значимыми элементами праксиологической стороны профессиональной культуры становятся такие элементы, как профессиональные знания журналиста, его навыки и умения, в том числе стиль профессионального мышления, т. е. алгоритмы коллективной и индивидуальной профессиональной деятельности, помогающие победить в соперничестве за внимание массовой аудитории.

Ментальная же сторона выступает интегральной характеристикой состояния коллективного и индивидуального сознания и самосознания носителя профессиональной культуры, нравственно-мировоззренческих и эстетических предпосылок его результативной деятельности. Профессиональное сознание есть такой вид отражения действительности, в котором аккумулируется вся совокупность алгоритмов, норм, ценностей и языка, свойственных обособившемуся виду профессиональной деятельности. Профессиональное сознание обеспечивает целостность и взаимодействие праксиологической и ментальной сторон профессиональной культуры журналиста.

Поскольку движущей силой развития профессионального сознания, а также формирования творческого мышления журналиста выступает, точнее всегда должно выступать, постоянно воспроизводящееся противоречие между консервативным и динамичным началами, то отражением этого процесса является профессиональное самосознание. Именно оно, как свидетельствуют результаты исследований представителей уральской [3] и китайской (Х. Бай. Журналистика как профессия: исследование профессионального сознания современных журналистов-расследователей Китая. Шанхай, 2013) [20] школ журналистики, содержит устойчивые представления об определенной профессиональной, политической, социальной, психологической и нравственной идентичности членов группы/сообщества. Именно в профессиональном самосознании выделяется осознание общности интересов, формируются и функционируют механизмы социально-психологической консолидации группы и поддержания стабильности ее социального положения.

В одном ряду с профессиональным самосознанием журналистов стоит профессиональное мировоззрение как специфический срез общего мировоззрения и элемент профессиональной культуры. Объектом отражения профессионального мировоззрения выступает не только общая или специальная, но и социальная картина мира. Именно последняя обеспечивает интеграцию профессиональной группы в процессы производства материальных и духовных основ общественной жизнедеятельности, определяет ее социальную позицию по отношению к реальности, к перспективам развития общества, а в конечном итоге способствует формированию у нее специфического профессионального самосознания.

Особое место в профессиональной культуре журналиста принадлежит и профессиональному мышлению. Во многом обусловливаемое сегодня технологией и объективной логикой массово-коммуникационной деятельности профессиональное мышление, в свою очередь, выступает в качестве организующего начала в процессе становления и самоопределения журналистики

и дальнейшего развития данного вида профессиональной деятельности как истинно творческого.

Следовательно, в этом качестве профессиональная культура журналиста есть способ формирования и мера реализации социальных и индивидуальных сущностных сил субъектов профессиональной деятельности во благо всего общества, а не отдельных его групп. С начала XXI в. эта исследовательская парадигма особенно актуализировалась для ученых КНР, поскольку «...индустрия средств массовой информации Китая находится на очень высоком техническом и технологическом уровне развития. В связи с этим особое значение приобретает повышение уровня журналистского мастерства работников СМИ. Это крайне необходимо для того, чтобы полностью обеспечить потребности постоянно растущей читательской и зрительской аудитории Китая» [22, 7].

Причем представители «медиаобразовательного» направления исследований, в частности И. А. Фатеева, убеждены, что «отличительной особенностью современной цивилизации является согласованно-ускоренное развитие медийных и образовательных структур» [14, 4] и что в связи с этим проблема формирования и развития профессиональной культуры специалиста, в том числе журналиста, напрямую связана с качеством и характером полученного человеком образования. Как доказывается, обусловлено это тем, что в отличие от способностей, которые могут быть даны от природы, культурный багаж личности всегда является результатом некоего процесса, направленного на «окультуривание» исходного человеческого «материала».

Наиболее мобильными при этом являются уровни направленности личности (ее взгляды, установки, ценностные ориентации) и подструктура опыта, включающая в себя как опыт, приобретаемый в практической сфере (например, при выполнении профессиональных функций), так и опыт, формирующийся в процессе изучения различных дисциплин. Однако это не только пресловутые ЗУНЫ (знания, умения, навыки) — образование способно позитивно воздействовать на способы умственных действий, на самоуправляющиеся механизмы личности, на формирование ее эстетических и нравственных качеств.

Поскольку, как мы показали, тренды развития научного знания о профессиональной культуре журналистов имеют практическое значение для медийных отраслей как России, так и Китая, то обратимся теперь к истории вопроса. В силу малоизученности его в теории журналистики, акцентируем внимание на том, как формировались современные представления о сущности профессиональной культуры журналистов в Китае.

В конце XIX в. западные миссионеры и бизнесмены впервые начали проявлять религиозный и коммерческий интерес к информационной сфере на территории Китая, что, собственно, положило начало развитию журналистики как социального института в Поднебесной. Однако как профессия она оформилась только в начале XX в. после образования Китайской Республики (1912–1949). К этому времени «...в Китае уже было сформировано представление о сущности журналистики, включающее в себя различные профессиональные организации, достаточно развитую сеть газетных издательств и общественное восприятие журналистики

как явления. Создана была и основа для развития журналистики — в частности, можно говорить о том, что определенным образом сформировалось профессиональное самосознание журналистов, занимающихся сбором информации, написанием статей, работой над интервью и т. д.» [23, 18].

За минувшее столетие в Китае произошло много глубоких исторических и социальных изменений. Журналистика как область, тесно интегрированная со временем, также подверглась трансформациям. Профессия журналиста как объект исследования в научной сфере берет свое начало в 1980-х гг. Бай Хуньи свидетельствует, что «...сегодня в Китае существуют различные концепции и направления исследований журналистики в аспекте профессионализма. Основными принято считать: концепт изучения отношений между страной, рынком и журналистами, концепт юридической свободы журналистики и концепт законности журналистской деятельности» [20, 15].

Вместе с тем, как мы выяснили в ходе анализа теоретических источников, на данный момент в Китае не существует полных научных исследований в области профессиональной культуры журналиста. Однако есть несколько работ, частично описывающих ее особенности. Обратимся к некоторым из них. Так, Лу Е и Пань Чжундан полагают, что «...профессионализм в сфере журналистики Китая — это перформативный дискурс, созданный на базе практики и системы журналистики. Профессионализм является силой, стоящей наравне с силами рынка и политики и противопоставляющей себя им. <...> Профессионализмом является также идеология, основанная на общественном интересе и служении обществу. Кроме того, профессионализм является методом регулирования профессиональной группы на основании профессионального знания. Система контроля и пропаганды препятствует формированию профессиональной индивидуальности журналиста» [22, 16].

Технологические изменения и развитие процесса глобализации предопределили реформирование всех сфер жизни общества и в Китае. Прежде всего следует отметить, что в связи с произошедшими общественными изменениями СМИ перестали быть под полным контролем государства. «Позиция журналистов также подверглась изменениям: на смену пропагандистской деятельности пришло стремление к выгоде и материальным благам» [24, 58]. По этой причине, по мнению исследователя, конфликт между профессиональным сознанием представителей профессии и государственной системой пропаганды стал более ярким. «До тех пор, пока завершение реформирования не произойдет, профессионализм в Китае будет носить разрозненный характер. Становление профессионализма журналиста в Китае во многом связано с соблюдением технологии, включающей в себя следующие компоненты: “внешняя демонстрация” — это соответствие профессиональному стандарту, и “внутренняя демонстрация”, заключающаяся в соблюдении профессиональной этики» [24, 60–61].

Ли Фэнь, также выделивший в качестве главной доминанты исследования профессиональное сознание (на эмпирическом материале социологического опроса журналистов города Гуанчжоу), выяснил, что «в процессе формирования концепта профессионализма границы между традиционными представлениями образованных людей Китая, журналистским сообществом и “партийной концепцией

журналистики” стали более размытыми». «Журналистов можно, — по его мнению, — сравнить с “неактивными либералами” — они признают либерализм, но редко действуют согласно его принципам» [19, 175–176]. Кроме того, Ли Фэнем в ходе исследования было выявлено, что логика поведения журналистов во многом обуславливается не только социально-профессиональными установками, но и различными внешними факторами, включающими в себя воздействие правовой системы, собственников СМИ, политической и нравственной среды, и что при подготовке публикаций на серьезные политические темы журналист зачастую не руководствуется профессиональными стандартами и бизнес-стандартами, ибо они, по мнению респондентов, «не могут противостоять политической логике».

Проанализировав ряд современных уставных документов китайских СМИ, мы пришли к выводу, что несмотря на определенное тяготение к западным стандартам профессиональной деятельности, в целом у института журналистики Китая сохраняются существенные особенности. Так, воспринимая модель «западного профессионализма» на индивидуальном уровне как, возможно, желаемую в повседневной практике, журналисты в своей деятельности предполагают, в силу прежде всего ментальных различий общества, иную концепцию реализации. Ся Цзяньфан и Инь Ин, к примеру, на основании масштабного исследования сделали вывод, который процитировал в своей научной монографии Х. Бай: «...система критериев оценки качества творческой деятельности журналистов СМИ, которая в основном направлена на количественное соотношение выполненной работы с денежным вознаграждением, стимулирует ценностную ориентацию журналистов в их работе» [20, 17].

Вызывает большой интерес в силу прагматической востребованности современной практикой развития цифровых технологий в деятельности СМИ работа Ли Цзиньчуань, который проанализировал систему организации диалоговых или манипулятивных отношений между журналистами и аудиторией. Он выделил и системно представил возможности трех моделей развития социального института журналистики в Китае, которые он обозначил как либерализм конфуцианства, маоизм и коммунистический капитализм (в оригинале — 共产资本主义, по мнению автора: во имя коммунизма практикуется капитализм). «В рамках модели либерализма конфуцианства журналист считается образованным по канонам конфуцианства, а аудитория — это “невежественные люди”, которые должны быть воспитаны интеллектуальной элитой. Согласно концепции маоизма, журналист считается кадровым работником, а аудитория — политической народной массой. В рамках модели коммунистического капитализма журналист — это источник информации, который получает прибыль от своей деятельности, действуя на границе дозволенного государством. Аудиторией считаются и политические народные массы, и массовые потребители» [20, 20].

Х. Бай в своей наиболее полной и системной из изданных в Китае по проблематике профессиональной культуры журналистов книге, которую мы неоднократно цитировали, представил также и мнения тех, кто не считает, что происходящие в медийной сфере изменения можно свести лишь к нескольким моделям. Так, по мнению Гу Синь, несмотря на то, что общественный контроль по-прежнему существует, СМИ уже начали обретать журналистскую свободу слова, произошло

снижение влияния правительства. Журналисты получили ограниченное независимое пространство в сфере своей деятельности.

Чэнь Ян же в своих работах вообще делает вывод об изменении в целом роли журналистов в Китае. Хотя при этом убеждена, что роль СМИ и роль журналистов все еще находятся в переходном состоянии. Средства массовой информации ограничиваются сообщением фактов, а журналисты не дают дополнительную оценку событий, являясь лишь наблюдателями. Автор выделяет четыре основные роли современных китайских журналистов: 1) пропагандист, 2) участник, 3) стремившийся к выгоде и 4) наблюдатель [24, 58–61]. А исследователь современной китайской журналистики Джонатан Хассид, как бы развивая наработки коллеги, пишет и о четырех видах журналистов, рассматривая их с точки зрения степени независимости деятельности: «пропагандисты компартии» (communist professionals); «журналисты-инициаторы» (advocate professionals); «профессиональные журналисты американского типа» (American-style professionals); «будничные журналисты» (workaday journalists) [18, 813].

Безусловно, те или иные роли современных китайских журналистов формируются в зависимости от истории и текущего положения дел. Одновременно с научно-техническим прогрессом, экономическим реформированием, развитием информационных технологий меняется и осознание, понимание важности общественной роли массмедиа и профессиональных и индивидуально-личностных характеристик журналистов. Чжао Юэчжи в связи с этим считает, что многие китайские журналисты, получив выгоду от реформ 1990-х гг., больше не стремятся к идеологическим столкновениям с правительством, а «...предпочитают налаживать отношения сотрудничества с политическими и экономическими элитами. Хотя некоторые и продолжают быть голосом партии и правительства, но фактически многие из журналистов стали голосом экономической элиты Китая» [20,23].

В целом же, сравнивая исследовательские парадигмы профессиональной культуры российских и китайских ученых, можно отметить, что их развитие предполагает много общих векторов. Во-первых, это учет влияния глобализационных и технологических факторов, во-вторых, прикладная направленность проводимых исследований и, в-третьих, стремление к полноценному учету влияния фактора межкультурных коммуникаций, с включением возможностей, предоставляемых Глобальной сетью. Однако, как показал содержательный анализ публикаций по данной тематике, процесс формирования и развития профессиональной культуры журналистов России и Китая нельзя рассматривать в отрыве от исторических традиций и представлений (в том числе в массовом сознании) о сущности результативной массово-коммуникационной деятельности. Мы считаем, что в эпоху цифровой революции сотрудничество наших журналистских школ даст импульс и для разработки технологий организации диалоговых отношений традиционных СМИ с различными группами аудитории. Поскольку проблема конкурентоспособности этих средств массовой информации, в силу традиционного влияния на аудиторию, особенно на старшее поколение, и в новых условиях одинаково актуальна для наших стран.

1. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2006. 448 с.
2. Кройчик Л. Е. Диалоговые ресурсы публицистики // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, № 2. С. 139–149.
3. Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Адаптация журналистов к конвергентным основам информационной деятельности (результаты социологического исследования 2014–2016 гг.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 3 (153). С. 27–36.
4. Панкеев И. А. Депрофессионализация журналиста как один из факторов маргинализации профессии // Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 45–46.
5. Представления журналистов о профессии и профессиональном сообществе: анализ. отчет социол. исслед. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/dd6/zhurnalisty_otchet.pdf (дата обращения: 02.02.2018).
6. Профессиональная культура журналиста как фактор информационной безопасности. Екатеринбург, 2008. 320 с.
7. Профессиональная культура журналиста: актуальные проблемы образования. Екатеринбург, 2011. 323 с.
8. Профессиональная культура журналиста: проблемы межкультурной коммуникации. Екатеринбург, 2016. 288 с.
9. Пургин Ю. П. Сетевая революция: вызовы традиционным СМИ [Электронный ресурс] // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2014. Т. 1, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-revoljutsiya-vuzovyu-traditsionnym-smi> (дата обращения: 12.04.2018).
10. Саблина Т. А. Ориентация студентов-журналистов на ценности профессиональной культуры // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2011. № 2 (121). С. 314–317.
11. Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Исследования журналистов в историческом контексте // Теория и социология СМИ: ежегодник. М., 2010. Ч. 2. С. 3–67.
12. Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры. Екатеринбург, 2005. 320 с.
13. Тулутов В. В. Профессиональные типы и роли в журналистике // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 135–139.
14. Фатеева И. А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации: монография. Челябинск, 2007. 270 с.
15. Чжан Лигуан. Особенности развития журналистики Китая на рубеже третьего тысячелетия: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
16. Шайхитдинова С. К. Медиакультура: демон кентавра // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 22. С. 275–283.
17. Шайхитдинова С. К. Векторы медиакультуры // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2013. Т. 155, кн. 1. С. 189–198.
18. Hassid J. Four Models of the Fourth Estate: A Typology of Contemporary Chinese Journalists // The China Quarterly. 2011. № 208. P. 813–832.
19. Lin F. Organizational Construction or Individual's Deed? The Literati Tradition in the Journalistic Professionalization in China // International Journal of Communication. 2010. № 4. P. 175–197.
20. 白红义. 以新闻为业: 当代中国调查记者的职业意识研究. 上海. 2013.
21. 王文兵, 王维国. 论中国现代职业文化建设 // 中国长春市委党校学报. 2004. № 4.
22. 李金铨. 超越西方霸权——传媒与“文化中国”的现代性. 香港. 2004.
23. 方艳, 申凡. 我国新闻职业形成于民初的社会学解读 // 新闻与传播研究. 2011. № 6.
24. 陈阳. 当下中国记者职业角色的变迁轨迹——宣传者、参与者、营利者、和观察者 // 国际新闻界. 2006. № 12.

Статья поступила в редакцию 19.04.2018 г.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГЕРОЯ В СИНТЕТИЧЕСКОМ ЖАНРЕ ПОРТРЕТНОГО РЕПОРТАЖА

В статье анализируется ситуация в современной отечественной портретной журналистике, раскрывается понятие портретного репортажа как нового синтетического жанра, характеризуются его общие черты. Рассматриваются особенности создания и построения текста в жанре портретного репортажа на основе сопоставления автора-художника и автора-мыслителя. В качестве эмпирического материала используются публикации Марины Ахмедовой в рубрике «Фигура» в журнале «Русский репортер» за 2017 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: портретный репортаж; портретная журналистика; синтетический жанр; автор в портретном репортаже.

Проблема конструирования образа героя является одной из центральных в теории и практике журналистики. Особый интерес представляет создание образа в так называемых «портретных жанрах», под которыми в настоящее время рассматриваются несколько форматов — от блиц-репортажа до портретного очерка.

При этом у исследователей нет единого мнения относительно того, что считать портретными жанрами. Так, например, А. В. Колесниченко пишет о портрете как о самостоятельном тексте, классифицируя виды портрета и выделяя его составляющие. Создание портрета, с ее точки зрения, может быть «теплым» или «холодным», в зависимости от того, встречался лично журналист со своим героем или нет. Структура такого текста, по мнению исследователя, состоит из шести составляющих: важнейшие этапы жизни персонажа, интересные случаи, комментарии персонажа, наблюдения автора, наблюдения тех, кто знает персонажа, и новостная зацепка [9].

Многие исследователи, приступая к перечислению портретных жанров, начинают с портретного очерка как с текста, где наиболее полно раскрываются характер и мотивация героя. Этому способствуют и жанрообразующие черты очерка, и возможности его объема. А. А. Тertychnyy указывает на то, что очерку свойственно репортажное и исследовательское начало, это позволяет описать и проанализировать описанное. Доминировать может и что-то одно, это зависит от замысла автора. Цель портретного очерка, как полагает исследователь, показать, каким ценностям служит герой, в чем видит смысл своего существования. Для читателей же важно увидеть, какими средствами герой отстаивает свои ценности и «смыслы». Характер героя в портретном очерке как раз и раскрывается

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: vestnik-va@mail.ru).

ЩЕПЕТКИНА Юлия Михайловна — студентка 3-го курса департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета (e-mail: julia_shchepetkina@mail.ru).

© Амиров В. М., Щепеткина Ю. М., 2018

в описании его борьбы, поступков, действий. Поэтому идеальный случай для очеркиста — найти нетривиальную ситуацию в жизни героя. Однако талантливый очеркист, подключая ассоциации и метод условности, способен раскрыть характер героя и без особой ситуации [10].

Е. В. Зеленина выделяет два вида портретного очерка: социальный портрет, героем которого становится представитель профессии, и проблемный портретный очерк, где в качестве основы выступает общественно значимая проблема [6, 42].

Среди традиционных для современной журналистики портретных жанров называются также портретное интервью и портретная зарисовка.

Героем интервью-портрета становится человек, привлекающий интерес широкой публики. Как и в очерке, журналист должен показать ценности героя, его убеждения. Однако интервью, в отличие от очерка, ограничено форматом диалога, поэтому раскрытие личности происходит посредством рассказа о наиболее значимых биографических периодах, выяснения взглядов героя [Там же].

О разновидностях портретных интервью пишет М. И. Шостак. Исследователь различает три основных вида возможных портретов: психологический портрет, портрет антигероя и звезды. Цель психологического портрета — показать аудитории неординарного человека, интересного всем. Задача автора портрета антигероя — разоблачить собеседника, заострить внимание на противоречиях. «Звездное» интервью должно в игривой форме поддержать имидж героя и в то же время раскрыть его подлинные черты. Есть еще и коллективный портрет, цель которого — показать людей, объединенных общими интересами, в одной ситуации [11].

Сложнее всего, пожалуй, создать эмоционально-психологический портрет собеседника. Реплики героя в таком интервью должны служить «наглядным свидетельством характера». Для создания психологического портрета мало наблюдательности и собранности, пишет М. И. Шостак. Здесь необходимы впечатлительность, общительность и хорошая интуиция [Там же].

Исследователь Е. В. Долгова кроме портретного интервью выделяет еще портретную беседу, когда о герое говорят его знакомые, коллеги, близкие люди. В качестве неосновных портретных жанров автор называет психологический тест, астрологический портрет, а также самопортретирование (объявления и письма читателей) [4].

Портретная зарисовка, по мнению Е. В. Зелениной, имеет общие черты с репортажем, но ее особенность — запечатлеть момент встречи с героем. Жанр зарисовки в основном свойственен региональной прессе. В отличие от очерка, зарисовка не имеет ни сюжета, ни проблемы и невелика по объему. Такой текст можно сравнить с эскизом в изобразительном искусстве. Несмотря на сходство с репортажем, зарисовка моментальна и локальна. Она изображает ситуацию, всегда ограниченную во времени и пространстве [6, 43].

Сегодня, по словам Е. В. Зелениной, автора книг и статей о публицистике, журналистика «не дотягивает до образа» [Там же, 38]. То есть журналистике, одно из образующих свойств которой — оперативность, не хватает средств, художественной полноты.

Современный репортаж нацелен на знакомство аудитории с миром «другого», выступающим в качестве параллельного мира для читателя. Незнакомая сфера жизни выбирается журналистом с целью заинтересовать аудиторию. Таким образом, становятся актуальными категории идентичности, другого и оппозиция «свой — чужой» [8, 92].

Тем не менее в качестве исключения сегодня можно встретить портретные тексты, создающие полноценные образы героев. Пожалуй, местом их сосредоточения можно назвать журнал «Русский репортер». Тексты Марины Ахмедовой в рубрике «Фигура» сложно причислить к какому-то из уже давно существующих жанров. В связи с этим исследователи говорят о появлении нового синтетического жанра — портретного репортажа.

По определению Е. В. Зелениной, портретный репортаж — синтетический жанр, который сочетает в себе и анализ проблемной ситуации, и особенности художественно-публицистических жанров: эмоциональное воздействие на читателя, раскрытие характера героя. Действительность выступает лишь в качестве фона для создания портрета [6, 43]. То есть у портретного репортажа много общего с портретным очерком, единственное отличие — разные форматы.

Исследователь, кратко определяя жанр, связывает его с творчеством Марины Ахмедовой и Дмитрия Соколова-Митрича. На наш взгляд, тексты Дмитрия Соколова-Митрича больше тяготеют к портретному очерку, потому что содержат лишь элементы репортажа, тогда как основное грамматическое время в его текстах — прошедшее. В текстах же Марины Ахмедовой действия в гораздо большей степени разворачиваются в момент письменной речи. Попробуем проанализировать основные подходы к конструированию образа героя на основе портретных репортажей этого, безусловно, яркого автора.

Сама Марина Ахмедова выделяет несколько составляющих репортажа: сверхидея, эффект присутствия, расшифровка, структура, субъективность, «слово героям», эмоции [2].

Конструирование образа персонажа может основываться как на отдельных критериях, так и на противоречиях. Е. В. Зеленина и Т. В. Порецкая в контент-анализе медиагероя журнала «Русский репортер» выделяли следующие критерии конструирования образа: название, жанр, пол и возраст, профессиональная деятельность, тип героя (рядовые граждане, средний класс, элита), отношение автора, внешность героя, характер, окружение (условия), портрет [5, 159].

Образ другого может быть классифицирован по нескольким критериям: по этнической, субкультурной, профессиональной, гендерной или социальной принадлежности. Но при этом нередко автор, подчеркивая разницу между его героем и читателем, в своем тексте последовательно разрушает стереотипы, связанные с образом другого, о чем в своей статье пишут Е. А. Исакова и О. А. Михайлова [8, 92].

О. В. Ильина утверждает, что образ персонажа в СМИ часто «конструируется в рамках диалектического противоречия тождественности и самости». Иными словами, значение «тот же самый» противопоставляется значениям «другой», «различающийся», «отличный». На практике конструирование тождественности

может выражаться в следующих примерах: обычный человек, среднестатистическая москвичка, типичный представитель своего поколения, простой американец; выражения «такой, как все», «я, как все», «он, как и любой другой». Практики конструирования самости указывают на исключительность, самобытность персонажа. По мнению О. В. Ильиной, они включают в себя два вида номинаций: объединенную общим смыслом «известный человек» (знаменитость, звезда, культовая фигура) и объединенную смыслом «необычный человек» (великий мудрец, великий пророк, титан) [7, 61].

Герой в журналистском произведении может стать и антигероем. Антигерой появляется из следующих противопоставлений: «свой — чужой», «мы — они», «добро — зло». Понятие антигероя в мифологическом сознании общества тождественно образу врага, субъекта, несущего угрозу интересам и ценностям или даже существованию другого субъекта. На практике конструирование образа врага чаще всего применяется к террористам, военным и политическим противникам. При этом журналисты не только очерняют или дегероизируют врага, но и прибегают к комплиментарности, наделяют антигероя высокими профессиональными качествами, чтобы на его фоне герои, т. е. «свои», «мы», «добро», выглядели еще в более выгодном свете [1, 65].

В очерке, как писал А. Тертычный, могут сталкиваться автор-художник и автор-мыслитель, так как в очерке одновременно имеют место репортажное и исследовательское начала [10]. Но те же самые начала присутствуют и в портретном репортаже, поэтому сделаем попытку охарактеризовать особенности рассматриваемого жанра из противопоставления автора-художника и автора-мыслителя. Вот как это выглядит в материалах М. Ахмедовой, которые мы рассмотрим по следующим критериям: **описание окружающей среды; характеристика героя самого себя; характеристика героя другими героями; эмоции, которые вызывает образ героя, взаимодействие героя с репортером.**

1. Автор-художник по-особенному, образно видит окружающий мир. Так, в тексте появляются средства выразительности: эпитеты, метафоры, метонимия, синтаксический параллелизм, градация и т. д. Также автор-художник по-особенному воспринимает время, обогащая исторический смысл места. Например: *Неглубокое дно ямы затянуто зеленой травой, а сто лет назад, говорят, в ней было пять сажень и семь вершков, и еще на аршин стояла ледяная вода. И убивавшие царскую семью будто бы рассказывали потом, что за ночь вода подморозила царские тела; когда их достали на другой день, чтобы перепрятать, те лежали разрумившиеся и словно живые* [3].

2. В текстах встречается и другой вид образов, не являющихся реальными, — непосредственно образы, придуманные автором. Речь идет не о банальном вымысле, а опять же об особом видении окружающего мира. Придуманные сказочные или фольклорные образы дополняют атмосферу происходящего, являются логическим продолжением увиденного и услышанного (и снова — логика, видим автора-мыслителя): *Дождь мягко тарабанит в темное окно и как будто просит: «Впустите, впустите»; как будто царь уже пришел и зовет отворить ему, впустить из холода в бедную тесноту вагончика, где*

сбравшиеся мужчины с грустными глазами и тяжелой судьбой вздох мечтают о наступлении монархии, а вместе с ней — о социальной справедливости [3].

3. Автор-мыслитель может использовать интертекст и нарушенную хронологию событий для привнесения дополнительных смыслов в текст. В материале «Имеющий дело с жизнью» повествование о руководителе детского хосписа протоиерее Ткаченко обрамляется отрывками из «пособия по умиранию» — книги о зеленых динозаврах, специально созданной для детских хосписов. Репортаж начинается с одного из таких фрагментов, затем они вновь вводятся в текст, как бы разрывая его, а заканчивается он уже стилизованным под это «пособие» рассуждением М. Ахмедовой, в котором появляется герой ее материала и его хоспис. С помощью интертекстуальных вставок раскрывается значение дела, которым занят герой, что, в свою очередь, помогает создать образ самого героя.

Интертекст присутствует и в публикации «Я на войне с бесами», где действие несколько раз меняется: то репортер находится в Среднеуральском монастыре, то беседует со знакомым бизнесменом в Екатеринбурге. Автор-мыслитель как бы монтирует репортажную пленку. Сменяющееся место действия позволяет нужной информации появляться в нужном порядке, что способствует передаче сверхидеи статьи.

Принимая во внимание все вышесказанное, попробуем дать собственное определение жанра. **Портретный репортаж** — жанр, вбирающий в себя черты аналитических и художественно-публицистических жанров, целью которого является создать полноценный образ главного героя и донести через него до читателя сверхидею текста.

Рассмотрим систему приемов конструирования образа героя в синтетическом жанре портретного репортажа на одном из лучших материалов М. Ахмедовой. В репортаже «Имеющий дело с жизнью» [3] героем является протоиерей Ткаченко, основавший детский хоспис в Санкт-Петербурге.

Практически с первых строк репортажа автор начинает создавать ощущение особенного пространства, и в это пространство он вводит главного героя: *Протоиерей Александр Ткаченко ходит по дорожке парка, окружающего детский хоспис. В это время в парке неуютно и дует ветер, шевеля полы протоиереева пиджака.* Описание ветреной погоды появляется не случайно, поскольку дальше мы знакомимся с пространством самого хосписа: — *Там за дверью — пациент, — сказано было таким тоном, будто одно лишь колебание воздуха от чужих шагов могло спугнуть дух, установившийся в палате.* Контраст окружающей среды и атмосферы внутри хосписа дает почувствовать, что хоспис — особое пространство, святое, существующее по своим законам, а проводником в это пространство для обычных людей служит главный герой.

Описаниям внутреннего пространства, интерьера уделяется особое внимание. Читатель понимает: этот мир уникален.

— *Моей задачей было сделать так, чтобы это место не было похоже на больницу, — начинает он, ведя за собой процессию ко входу. — Я хорошо знаю советские*

больницы, и во мне было сильное желание изменить такой подход. Поэтому у нас большой холл, и никаких регистратур, никаких гардеробов и прочего.

Речь героя звучит сдержанно, он не ставит себе создание хосписа в особую заслугу, достойную награды, для него это «служба обществу».

Протоиерей Ткаченко, кажется, продумал это пространство до деталей. Он заботится не только о позитивных детских эмоциях, но и о страхе. *«Страх постоянно присутствует в нашей жизни, мы все время либо радуемся, либо страдаем. Неконтролируемый страх вылезает в виде снов и навязчивых идей. Если выразить его через игрушку, через рисунок, он станет контролируемым и его можно будет описать»*, — говорит он. Причем его слова относятся не только к больным детям, но и ко взрослым. Для него взрослые тоже дети, только менее искренние. Здесь начинает проявляться мировоззрение нашего героя.

Далее мы узнаем, что, как и в любом священном месте, где есть главная его часть — алтарь, в хосписе тоже существует комната, в которую сам протоиерей заходит только после того, как несколько раз вздохнет. Это комната, куда приносят умершего ребенка. Здесь родители прощаются со своими детьми. Это действие носит характер ритуала.

Такие параллели с религиозным учреждением в тексте тоже не случайны. Протоиерей говорит о том, что создавать подобные хоспису места церковные люди могут лучше, чем люди светские: *«Сознание церковных людей не забито существующими условностями, они строят то, что считают благом для человека»*. Он называет свой хоспис «святая святых».

На вопрос, почему он занялся хосписом, герой отвечает: *«Судьба так сложилась»*. Он не говорит ничего о том, что не мог без боли смотреть на страдания людей или что Бог дал ему миссию помогать людям. В речевом поведении протоиерея скромн. Многие объясняется его ответом: *«Я — человек церковный — пришел в церковь, чтобы служить обществу»*.

В лиде репортажа написано, что протоиерей Ткаченко «полон парадоксов». Несмотря на его духовный сан, он рассуждает как светский человек, говоря о том, что мать имеет право на аборт, если ее ребенок может родиться инвалидом. Это мнение противоречит традиционным конфессиям. Ткаченко же ссылается на социальную доктрину церкви и считает такую позицию честной.

В сознании читателя зачастую существует стереотипное представление о церкви как об институте, который противопоставлен прогрессу, науке, как о рассаднике консервативных и ультраконсервативных взглядов. Однако герой репортажа протоиерей Ткаченко разрушает этот стереотип. Более того, он привносит в образ церковного человека такие качества, как особую чуткость, эмпатию, мудрость, чувство ответственности за окружающих.

В смысловом центре репортажа, в непосредственной беседе репортера с протоиереем, мировоззрение героя раскрывается максимально. Он, например, не считает детей в хосписе несчастливими, даже наоборот. Он называет их жизнь просто другой. Целый волшебный мир, созданный благодаря его усилиям, он называет «учреждением здравоохранения». Потому что, по его мнению, так должна выглядеть любая больница. Болезни и все тяготы — не проявление Божьей воли, а зло,

идущее от человека, так как зло людям делать проще, чем добро. Свое мировоззрение герой называет цельным и дающим ответы на все его вопросы.

Тут же обозначается разница взглядов репортера и героя. Репортер удивляется, когда протоиерей называет себя счастливым человеком: *«Но вы постоянно имеете дело со смертью»*. *«Я имею дело с жизнью»*, — отвечает герой. Разница мировоззрений в какой-то момент становится противостоянием. *«Не пытайтесь навязать мне образ шизофреника. Я просто говорю о том, что я священник и моя деятельность связана с совершением богослужения»*, — не выдерживает протоиерей, когда журналист говорит о свойстве некоторых людей слышать и видеть Бога там, где его нет.

Как мы показали выше, в некоторых репортажах можно встретить интертекстуальные вставки. Здесь текст репортажа в нескольких местах прерывается отрывками из книги про зеленых динозавров, специально созданной для хосписов. Последний отрывок размещен в финале текста, причем это не оригинальная цитата из книги, а авторская стилизация под нее: *Так говорит пособие по умиранию для зеленых динозавров. Или пособие по жизни. Ведь известно, какой ответ даст протоиерей, взяв книгу в руки, на вопрос «Чей дух витает в этом хосписе?»*. *«Дух жизни»*, — без колебаний скажет он. Финальный абзац жизнеутверждающий, как и весь текст. Автору удается передать ту особенную атмосферу детского хосписа, которую так старается поддерживать ее создатель. Его поведение в этом особенном пространстве вызывает чувство солидарности, уважения. Возможно даже, что кого-то позиция протоиерея и его деятельность подвигнут тоже помогать нуждающимся.

Образ героя в репортаже «Имеющий дело с жизнью» конструируется не просто в контексте окружающей среды, а в пространстве, созданным им самим. Это пространство, в частности, демонстрирует его мировоззрение, отношение к миру и тем, кто нуждается в помощи. Среди его парадоксов можно называть и тот, что Ткаченко, будучи в хосписе, гораздо больше думает о жизни, чем о смерти, и не чувствует в этом пространстве несчастья. Такая сложная фигура, как протоиерей Ткаченко, разрушает стереотипные представления о церковном человеке и церкви вообще. Получается, что репортаж Марины Ахмедовой показывает человека с той его стороны, которая может читателю что-то дать, будь то нравственная установка или особенное отношение к социальной группе. Сам герой может привлечь внимание читателя на какую-то важную проблему, привлечь его к собственному опыту через репортера. Таким образом, через конструирование образа героя автор передает сверхидею своего репортажа.

Таким образом, с одной стороны, в портретном репортаже говорится о реальном человеке. С другой стороны, мы видим этого героя глазами одновременно автора-художника и автора-мыслителя. Внимание постоянно сосредоточено на образе героя репортажа, даже если повествование его напрямую не касается, ведь действительность служит фоном для раскрытия характера героя.

Рассмотренные нами особенности можно отнести к индивидуальным характеристикам творчества Марины Ахмедовой. Однако в них отражается синтез аналитичности, присущей аналитическим жанрам, и публицистичности, характерной

для художественно-публицистических жанров. Что и доказывает синтетичность портретного репортажа.

Портретный репортаж — эффективная форма для создания образа героя. Поскольку жанр сочетает и аналитичность, и художественные средства выразительности, он, как и очерк, способен максимально полно изобразить человека с его ценностями, мыслями, показать подробно его образ жизни. Но главной его особенностью становится репортажное время, позволяющее знакомить читателя с героем «здесь и сейчас».

1. *Амиров В. М.* Антигерой: некоторые особенности конструирования отрицательных образов в журналистике военных конфликтов // Полит. лингвистика. 2015. № 2. С. 63–66.

2. *Ахмедова М.* Как написать психологический портрет героя : [ред. портал]. URL: http://redactor.in.ua/ru/interview/4532.Marina_Ahmedova_Kak_napisat_psihologicheskii_portret_geroya (дата обращения: 06.02.2018).

3. *Ахмедова М.* Имеющий дело с жизнью // Рус. репортер. 2017. № 1. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2017/01/imeyuschij-delo-s-zhiznyu/ (дата обращения: 07.02.2018).

4. *Долгова Е. В.* «Портрет делового человека» в системе журналистских жанров медиаскурса: соотношение понятий // Universum: Филология и искусствоведение : [электрон. науч. журн.]. 2016. № 3–4 (26). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3065> (дата обращения: 04.01.2018).

5. *Зеленина Е. В., Порецкая Т. В.* Медиагерой нашего времени (по результатам контент-анализа журнала «Русский репортер») // Изв. Иркут. гос. экон. акад. 2014. № 5 (97). С. 157–166.

6. *Зеленина Е. В.* «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты // Вопр. теории и практики журналистики. 2014. № 2. С. 33–52.

7. *Ильина О. В.* Практики конструирования образа персонажа в прессе: между тождественностью и самостью // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 2 (101). С. 60–64.

8. *Исакова Е. А., Михайлова О. А.* Конструирование образа другого в медиарепортаже (на примере персонажа «Полицейские») // Полит. лингвистика. 2015. № 1. С. 92–97.

9. *Колесниченко А. В.* Практическая журналистика [Электронный ресурс] // EVARTIST. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text28/0044.htm>. (дата обращения: 04.01.2018).

10. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати [Электронный ресурс] // EVARTIST. URL: http://evartist.narod.ru/text2/06.htm#%D0%B7_01 (дата обращения: 04.01.2018).

11. *Шостак М. И.* Журналист и его произведение [Электронный ресурс] : учеб.-метод. лит. для учащихся и студентов. URL: http://www.studmed.ru/view/shostak-mi-zhurnalist-i-ego-proizvedenie_20bd31a2855.html (дата обращения: 04.01.2018).

12. *Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера* : [лексикогр. онлайн-портал]. URL: <https://shansky.lexicography.online/п/портрет> (дата обращения: 03.01.2018).

Статья поступила в редакцию 20.06.2018 г.

УДК 070:004.738.5 + 004.738.5:655.41 + 004.774.2

Н. С. Гегелова
А. А. Исмаилова

СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

С каждым годом количество сетевых СМИ увеличивается. Традиционные массмедиа переходят в онлайн-среду, а новые игроки на рынке уже при создании отдают предпочтение сети Интернет. Статья посвящена обзору истории развития тенденций онлайн-журналистики. Проанализированы четыре эпохи Web (1.0–4.0). Показано, что роль сетевых СМИ в обществе связана с предоставлением оперативной и объективной информации, вовлечением аудитории в редакционную деятельность. Прогнозируется эпоха Web 4.0 (2021–2030 гг.). Даются ключевые характеристики периода.

Ключевые слова: интернет-журналистика; веб-журналистика; сетевые СМИ; конвергентная журналистика; социальные сети.

Россияне все больше предпочитают получать новости из сети Интернет. По статистике Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) с апреля 2015 по май 2017 г. использование сети Интернет как основного источника информации увеличилось на 8 % (с 33 до 41 %) [8].

Исследователи предполагают, что традиционные СМИ вскоре полностью будут заменены их сетевыми клонами и новыми изданиями в сети Интернет. По статистике Роскомнадзора, в 2017 г. зарегистрировано 402 сетевых издания. Годом ранее было зарегистрировано 191 издание. Число печатных изданий в этот период резко сократилось — с 377 в первом квартале 2016 г. до 270 в начале 2017 г. Наглядно видим, что количество зарегистрированных сетевых СМИ уверенно растет, превышая количество печатных изданий [4].

По Закону РФ «О средствах массовой информации» под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с данным Законом.

Эпоха Web 1.0 (1990–2000 гг.) считается первым поколением Всемирной паутины. Образуется сетевая морфология, которая открывает пользователям Интернета доступ ко всем информационным порталам, разрешает получать размещенную в Сети информацию.

Первым сетевым изданием, не имеющим печатных аналогов, стала американская газета «The Electronic Trib», основанная в 1990 г. Дэвидом Карлсоном [1, 22].

В России первые веб-сайты появились в 1993 г. [9, 17]. В 1993–1995 гг. сеть Интернет формируется как средство массовой коммуникации. В этот период

ГЕГЕЛОВА Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, г. Москва (e-mail: mikhail0001@mail.ru).
ИСМАИЛОВА Айсулу Айсовна — аспирант кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, г. Москва (e-mail: alsou.ismailova@gmail.com).

создаются предшественники первых отечественных сетевых изданий. Это специализированные проекты литературной направленности, веб-обозрения и электронные библиотеки.

В 1992 г. впервые была распространена в Сети электронная версия газеты «Известия» посредством электронной почты и почтового сервиса FTP (File transfer protocol — Протокол передачи файлов) [9, 17].

Двумя годами позже, в 1994 г., открылся сайт «Московский либертариум». Сайт был создан на базе Института коммерческой инженерии для поддержки общественной деятельности и научных либеральных разработок.

1 ноября этого же года запускается полнотекстовая электронная библиотека Максима Мошкова (специалист в области информатики, системный администратор, веб-разработчик; был программистом в таких изданиях, как Газета.ru, Лента.ru, Вести.ru, AllNews.ru и др.). Библиотека сформирована благодаря пользователям сети Интернет — они присылают оцифрованные тексты, далее материалы размещаются в библиотеке М. Мошкова. Электронная библиотека включает прозу, поэзию, историческую, детскую и приключенческую литературу, фантастику, детективы, а также научные, исторические и культурные издания. «Все началось с книжного голода. Я, пока учился в школе и в университете, в библиотеку бегал чуть ли не каждый день, был записан в четырех разных библиотеках. А книжек там всегда не хватало. И вот, когда я кончил учиться и поступил на работу, то вдруг обнаружил, что есть компьютеры, в компьютерах есть файлы, и среди файлов встречаются файлы книжек. Я застал файлы, у которых была удивительная кодировка, путаница с большими и маленькими буквами. На работе я начал эти файлы коллекционировать. Тогда это была моя персональная библиотека на служебном компьютере. После — имеющуюся у меня персональную коллекцию файлов разместил в Интернете по протоколу www» [5].

Российские пользователи выкладывают справочную и юридическую литературу. В этот период появляются такие небольшие издания, как «Вечерний Интернет», «Паровозов-News», «dz-online» и др. [7, 54].

Тогда же зародились и многие современные популярные издания. Например, в 1995 г. возникла электронная версия «Учительской газеты», печатный формат которой появился еще в 1924 г. «Учительская газета» являлась органом Министерства просвещения СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, а в настоящее время существует как независимое издание. После того как Интернет прочно вошел в жизнь общества, было решено перейти на онлайн-площадку.

Чуть позже открываются сайты информационных агентств «РосБизнес-Консалтинг» и «Национальная служба новостей». Эти сайты функционируют и сегодня. В 1997 г. был основан также «Русский журнал» — ежедневное российское общественно-политическое интернет-издание.

Экономический кризис в 1998 г. оказал заметное влияние на функционирование сетевых изданий в России. Население обращалось к сетевым изданиям, чтобы получить оперативную и объективную информацию из Интернета. «Так примерно за один день в русском Интернете возникает само понятие о средствах массовой

информации», — говорит российский журналист, общественный деятель и популярный блогер А. Б. Носик. По словам председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева, Носик — «первопроходец российского Интернета, внесший существенный вклад в его развитие». Взлет российских сетевых изданий стал одним из положительных последствий августовского кризиса 1998 г. — в то время как многие печатные издания закрывались одно за другим, в Рунете начался бум. После кризиса резко возрос интерес аудитории к средствам массовой информации в Сети, сформировалось само понятие СМИ в Сети [9, 59].

Следующим событием для сетевой журналистики России стал конец 90-х гг. XX в. и начало 2000 г., когда проходили выборы в Государственную думу (19 декабря 1999 г.) и выборы Президента Российской Федерации (26 марта 2000 г.). Эти события стали отправной точкой в развитии сетевых СМИ. В этот период появляются новые сетевые издания, которые заявляют о своей гражданской позиции в политике и СМИ (АПН.ру, Грани.ру и др.)

Газета.ru — первое общественно-политическое интернет-издание, которое появилось в феврале 1999 г. Кроме российских новостей, издание, под руководством Антона Носика, освещает и мировые новости, активно продвигает себя в новых медиа: «Twitter» (более 2 млн подписчиков); «Facebook» (более 600 тыс. подписчиков); «ВКонтакте» (более 130 тыс. подписчиков); «Instagram» (более 20 тыс. подписчиков). В сентябре того же года в рамках проекта были образованы онлайн-издания Лента.ru и Вести.ru.

По рейтингу автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа «Медialogия», Лента.ru входит в топ-5 самых цитируемых интернет-ресурсов за 2017 г.

Эпоха Web 2.0 (2001–2010 гг.) — период ознаменован созданием и распространением диалоговых систем: от ресурса к пользователю и от клиента к серверу. Его еще называют «синтаксическим» периодом. Основателем термина Web 2.0 стал Тима О'Рейли, который подробно описывает эту интернет-технологию в своей статье «What Is Web 2.0» от 30.09.2005 г.

2000 г. в онлайн-журналистике — год инвестиций. Российские медиа расширяются за счет появления новых участников в сетевом пространстве.

Россия в этот период развития сети Интернет опирается на американский опыт: занимается скупкой и развитием крупных информационных ресурсов. Планировалось увеличение прибыли от медиапродаж, но скоро стало понятно, что получать доход таким образом проблематично и способ не оправдывает себя.

В августе 2000 г. началась реализация проекта Postfactum.Ru. Это сетевой информационный ресурс, который освещает российскую и международную политику, а также экономику и культуру.

В 2000–2003 гг. происходит коммерциализация интернет-медиа. В эти годы полностью меняется парадигма сетевых СМИ. Все СМИ, кроме правительственных, лишились государственной поддержки, все они вынуждены были существовать на собственные средства или сами должны были искать себе спонсоров. Журналистика вернулась к доперестроечной ситуации: СМИ стали бизнесом.

Переход к новым рыночным отношениям сказался сразу — резко выросли цены на бумагу, что повлекло рост цен на газеты и журналы. Основная часть аудитории перешла в Интернет. Как следствие, выросла популярность сетевых изданий. В связи с коммерциализацией медиа развивается реклама в интернет-изданиях. В Сети появляются крупные рекламные онлайн-агентства «Манифест», «ИМНО», «Два Солнца» и др. [3]. Данный период характеризуется оперативностью подачи и получения информации, а также появлением новых профессий в сфере интернет-журналистики: дизайнеры, кодировщики, спичрайтеры и др.

До 2010 г. происходят изменения контента, подачи материалов и их структуры в интернет-изданиях сети Интернет. Тогда читатель активно внедряется в журналистику и диктует свои пожелания по новостной политике. С одной стороны, можно быть штатным журналистом какого-либо издания и выполнять поручения главного редактора, с другой — блогером, гражданским журналистом и не зависеть от политики редакции. В связи с бурным развитием «новых медиа» исчезли барьеры между автором и читателем. Любой пользователь получил доступ к аудитории.

Появляется понятие конвергентной журналистики. Конвергенция в журналистике (от лат. *convergens* — совпадающий) — процесс слияния, интеграции информационных и коммуникативных технологий в единый информационный ресурс [2, 12].

Период Web 2.0 часто называют периодом социальных связей. В это время активно развиваются социальные медиа (социальные сети, видеохостинги, интернет-сервисы и др.). Пользователи становятся не только читателями, но и создателями информации. Появляются интернет-клоны традиционных СМИ, например, передачи популярных каналов можно смотреть в сети Интернет как в записи, так и в прямом эфире с любых носителей, имеющих доступ к Всемирной паутине.

Эпоха Web 3.0 (2011–2020 гг.) — так называемая «семантическая» сеть. Период характеризуется массовым распространением межсерверных отношений. Возникает реляционная структура сети Интернет в рамках автоматизированных информационных процессов между серверами. Данный термин сформулирован руководителем Netscape.com Джейсоном Калаканисом.

Как известно, семантика изучает смысловое значение языка. Работа компьютерных машин в данный период заключается в распознавании информации, вводимой пользователями в поисковую строку. Теперь запросы пользователей отслеживаются не только за счет совпадения слов в поисковых строках, но и смысла этих запросов. Данному направлению и его развитию уделяется большое внимание со стороны профессионального сообщества. В 2008 г. Microsoft, крупнейшая транснациональная компания по производству программного обеспечения, приобрела американскую поисковую систему Powerset (технология семантического поиска). По словам маркетолога группы поиска и навигации Rambler Media, семантические запросы через несколько лет займут до 20 % поискового рынка [3].

В этот период журналистика стремительно уходит в онлайн-среду. Все больше людей предпочитают смотреть, а не читать. Новостные длинные тексты без визуализации уже не привлекают пользовательского внимания.

По рейтингу автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа «Медиаология», в 2017 г. следующие ресурсы вошли в топ-5 самых цитируемых интернет-ресурсов (индекс цитируемости в СМИ):

RBC.ru — 21 462, 53;

Gazeta.ru — 18 337, 73;

Life.ru — 12 781, 73;

Lenta.ru — 12 169, 37;

Fontanka.ru — 6 942, 07.

С развитием новых медиа, в частности социальных сетей, многие издания создают и развивают свои страницы на таких онлайн-площадках, как «Facebook», «ВКонтакте», «Instagram», «Twitter». Зачастую аудитория изданий в социальных медиа превышает аудиторию веб-сайтов. По рейтингу автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа «Медиаология», топ-5 самых цитируемых интернет-ресурсов в 2017 г. (индекс цитируемости в соцмедиа):

Meduza.io — 6 795 272;

RBC.ru — 5 870 500;

Lenta.ru — 4 393 217;

Life.ru — 3 681 338;

Gazeta.ru — 3 326 125.

Эпоха Web 4.0 (2021–2030 гг.). По прогнозам К. А. Хайдарова (эколог, математик, сейсмолог, инженер, программист, преподаватель), в 2021–2030 гг. настанет эпоха Web 4.0, так сказать, «прагматический Web». Сервер будет управлять всеми пользователями в режиме онлайн. По словам К. А. Хайдарова, широко распространятся управляющие отношения с пользователями, возникнет объектно-реляционная управляющая структура сети Интернет в рамках автоматизированных производств, финансовых органов, правительств и других информационных систем. Управляющие функции перейдут к гиперсерверам сети Интернет, которые будут играть роль глобального мозга и мирового правительства.

Основная функция Web 4.0 — интеллектуальная. Появятся персональные сверхинтеллектуальные электронные агенты (e-agent), доступ к которым будет круглосуточным из любой геолокации. Идентификация пользователей для общения с агентом будет проводиться посредством отпечатка пальца, черт лица или голоса.

В данный период прогнозируется максимальное удобство работы со Всемирной паутиной: экономия времени, автоматизация и запланированность действий, оказание оперативной профессиональной помощи и др. Агенты станут не только посредниками между пользователями и Интернетом, но и полноценными респондентами онлайн-среды.

На сегодняшний день журналистика в сети Интернет — это быстрорастущая технология, которая является самым востребованным цифровым способом создания, хранения и передачи информации.

1. *Акопов А. И.* Типологическая характеристика сетевых периодических изданий Интернета // Акценты. 1999.
2. *Вартанова Е. Л.* К чему ведет конвергенция в СМИ. М., 1999. 12 с.
3. Владелец Mail.ru вошел в поиск. Фонд Юрия Мильнера купил долю в поисковике Nigma.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/908582> (дата обращения: 25.04.2018).
4. 10 лет интернет-библиотеке Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24203692.html> (дата обращения: 17.03.2018).
5. История интернет-рекламы [Электронный ресурс]. URL: <http://profi-media.ru/istoriya-internet-reklamy/> (дата обращения: 01.04.2018).
6. Источники информации: мониторинг. Какими источниками информации люди пользуются и каким — доверяют? [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13323> (дата обращения: 08.02.2018).
7. *Калмыков А. А., Коханова Л. А.* Интернет-журналистика. М., 2005. 54 с.
8. Количество зарегистрированных в 1 квартале 2017 года сетевых СМИ превысило количество печатных изданий [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news45306.htm> (дата обращения: 23.02.2018).
9. *Машкова С. Г.* Интернет-журналистика : учеб. пособие. Тамбов, 2006. 59 с.

Статья поступила в редакцию 17.05.2018 г.

УДК 070.22-055.1 + 82-36-055.2

Т. А. Глебович

АНЕКДОТ КАК СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В МУЖСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ЖУРНАЛЕ

Создание публичного образа героини рассматривается через анализ характеристик транслируемого жанрового текста (анекдота). Выявляется отражение взглядов, мнений, жизненной позиции героини в теме, сюжете, идее анекдота. Анализируется процесс формирования эмоций образа через транслируемое слово, через языковые и коммуникативные особенности жанрового текста. Исследуются функциональные возможности анекдота в презентации образа героини.

К л ю ч е в ы е с л о в а: образ; анекдот; стратегия; эмоции; функции; контекст; коммуникативная ситуация; создание; интеллектуальный журнал.

Присутствие женской рубрики в мужском журнале предполагает определенную форму взаимодействия с типичными представлениями о моделях поведения, говорения, создания образа и ставит вопрос о целевом назначении публикуемых в ней материалов. Развлекательная направленность подобной рубрики (вернее, специфика предлагаемого развлечения — женский анекдот)

ГЛЕБОВИЧ Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск (e-mail: tatanova11@gmail.com).

© Глебович Т. А., 2018

находится в определенном противоречии с интеллектуальной концепцией, интенцией и имиджем издания. Это противоречие позволяет предположить наличие сознательно выстраиваемой интриги (сознательного подтекста во взаимодействии журнала с читателями), наличие дополнительных возможностей и целей в функционале рубрики и в использовании жанра. В работах отмечается, что рубрика хорошо встраивается в контекст игровых подходов к взаимодействию с читателем и форм его реализации [9], в ней присутствуют элементы пиара медиаперсоны (героини), анонсируется ее ближайшее публичное мероприятие. Форма коммуникации героини с аудиторией заставляет задуматься о причинах использования «риторического» жанра анекдота и о его роли в формировании образа публичной персоны.

Esquire позиционируется в работах как одно из наиболее интересных интеллектуальных изданий, его концепция и характеристики становятся предметом различных исследований [4, 9, 15]. Бельский отмечает, что в соответствии с типологическими характеристиками отличительными чертами издания являются «развлекательно-познавательное» целевое назначение, обращение к социальной и культурной тематике, следование «стандартам качественной прессы» и «журналистики мнений» [4]. Разнообразие форм и форматов, содержательная оригинальность, трансформация традиционных жанров — неполный перечень его (журнала) общепризнанных особенностей.

Журнал претендует на формирование особой касты своих читателей, на определенный тон, который узнается своей аудиторией. Кроме того, Esquire считается оппозиционным по отношению к общепринятым точкам зрения, и таким образом, его задача — создавать прецедент проявления индивидуально маркированного «я», предлагать особое мнение по любым проблемам, а также форму его подачи. Концепция, проблематика, особое отношение к языку и новинкам чтения (из самых обсуждаемых) формируют особый образ издания. В этом контексте привлекательно рассмотреть представляемый героиней анекдот как способ (стратегию) создания ее публичного образа.

Обзор литературы

Образ героини (героя) медийного текста рассматривается в различных дисциплинарных направлениях (социология, психология, стилистика, лингвистика медийного текста), с позиций многочисленных методологических подходов. Д. В. Захаров говорит о том, что в истории и современной практике отечественных медиа женские образы «занимают особое место» [8]. В продолжение традиционных определений понятия (тип, характер, отражение действительности) отметим работы, анализирующие женский образ с позиций формируемых СМИ стереотипов [12, 17, 18]. Именно взаимодействие с последними и является, по мнению исследователей, непременным атрибутом создания образа героини (героя) в журналах определенного типа [17]. В то же время тенденция к разрушению стереотипов, в первую очередь связанных с созданием женских образов, характеризует именно Esquire [9]. Нестандартный подход к формированию женского

образа на страницах издания обуславливает попытку его рассмотрения через потенциал разговорного жанра.

В определении жанра отмечается, что анекдот — это «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка» [1]. Он «обыгрывает» определенную «прецедентную ситуацию» [23].

Комизм анекдота обуславливается двусмысленностью описываемой ситуации, реализуется ресурсами языка на всех его уровнях. Важнейшими признаками жанра являются отсутствие автора, изобразительность, ситуативность и уместность. Основным содержательный мотив анекдота — пародирование типической или социально значимой ситуации, определяющее смеховую природу событий [1].

Присутствие комизма (или его отсутствие) в анекдотической ситуации зависит от готовности слушателя (читателя) к ее восприятию. Особую роль здесь играют фоновые знания, собственная точка зрения, навык восприятия подтекстовой информации, развитость ситуативного мышления.

Определение жанра предопределяет несколько возможных направлений исследовательского интереса и соответственно предполагает ряд возможных подходов к его рассмотрению. В работах выделяются формы существования анекдота (бытовой, литературный, медийный), система противоречий, изначально присутствующая между ними, функциональные особенности и возможности жанра, его многочисленные языковые характеристики.

С точки зрения формы реализации анекдота следует сказать о противоречии устной и письменной разновидностей. Анекдот бытовой, представленный в устном общении, отличается по своим характеристикам и параметрам [24] от анекдота, передаваемого письменным текстом. Он может терять в процессе письменной передачи базовые жанровые характеристики, в частности, комизм. По мнению В. В. Васильевой, анекдот «ослабляется» письменной формой существования и становится средством создания выразительности медиатекста, точнее, средством социальной оценочности [6]. Также в работе отмечается, что «указание на анекдот», встречающееся в медийных текстах, превращает последний в логизированный аргумент [Там же]. Следует также отметить, что Е. Я. Шмелева выделяет «напоминание об анекдоте» («указание на анекдот» в других источниках) в качестве отдельного речевого жанра. Напоминание позволяет преподнести жанровую ситуацию без «речевой маски» героя. Отдельно исследовательница останавливается на цитировании анекдота в текстах СМИ и подчеркивает, что цитирование больше соответствует публицистической речи по тональности и форме общения с читателем [25].

Коммуникативные и функциональные особенности письменной разновидности жанра не только ставят вопрос об ее возможностях (и ограниченности) в качестве формы общения с читателем, но и позволяют говорить о разнообразии интерпретаций анекдота в современном медийном тексте. По мнению В. В. Антроповой, интерпретационный подход соответствует реалиям современной информационно-коммуникативной культуры [2]. В этом смысле анекдот может быть рассмотрен как особое коммуникативное событие, предполагающее интерактивный отклик и столкновение интерпретаций [16].

Литературная предыстория жанра, точнее, его роль в истории литературных жанров представлена в общеизвестной монографии Е. Курганова [13]. Исследователь выделяет следующие жанрово-интенциональные характеристики анекдота. В качестве функциональной эстетической доминанты — способность анекдота парадоксально «обнажить, раскрыть явление», преподносить метафорически наиболее репрезентативные «черты личности» или «целого типа». Также подчеркивается второстепенная роль комизма, который проявляется вследствие парадоксального преобразования реальности. Следующей значимой жанровой характеристикой анекдота Курганов называет концептуальность. Идея, заложенная в анекдоте, может проявляться в самой непредсказуемой форме (парадокс, «интересный ракурс», «контрудар»), но концептуальное начало жанра сохраняет свою ведущую роль [Там же].

С точки зрения коммуникативной составляющей анекдот характеризуется подчеркнутым «недиалогизмом» жанровой ситуации, «столкновением логик» и «пересечением контекстов». Названная специфика работает на «актуализацию скрытых смыслов» и «столкновение миропониманий» [Там же].

Отдельного внимания, по мнению Курганова, заслуживает психологический компонент бытования жанра. Автор определяет его как «эксперимент», как феномен «переключения эмоциональных регистров». Психологическая подоплека и коммуникативная ситуация анекдота подчиняются закону пуанты и с языковой точки зрения реализуются через буквализацию метафоры. Непонимание контекста и незнание «кода метафоры» порождают «тотальное взаимонепонимание» — базовую психологическую ситуацию анекдота, в которой слово теряет свое «коммуникативное назначение» [Там же].

Последняя характеристика жанровой специфики отчасти актуализируется, на наш взгляд, в женском анекдоте Esquiv'a. Традиционное непонимание контекста заменяется его отсутствием. Анекдот становится первым и единственным речевым действием героини рубрики «от первого лица». Рассказанный без и вне контекста, он (анекдот) формирует первое эмоциональное впечатление об образе, построенное не на диалогическом коммуникативном взаимодействии, но на интерпретации предлагаемой ситуации и позиции рассказчицы. «Недиалогичное» и лишнее контекста предварительной ситуации общения слово анекдота начинает играть решающую роль в преподнесении героиней собственного «я», становится особой формой, стратегией формирования публичного образа.

Жанровые возможности анекдота в контексте медиасреды активно исследуются с функциональной точки зрения. В работах подчеркивается, что реализация анекдота в медиатексте непосредственно связана с его функциями. Исследователи устанавливают связь анекдота с другими прецедентными текстами (Тарасенко называет эту функцию отсылочной) и со способностью анекдота быть проводником в последующий текст (метатекстовая функция) [19], обусловленной его интертекстуальным [11] потенциалом.

В контексте присутствия анекдота в отдельно взятом медиатексте выделяются актуализирующая (направленная на последующую тему), иллюстрирующая (анекдот — аргумент авторского тезиса) и резюмирующая (анекдот — вывод)

функции [20]. Отдельно выделяется функциональная особенность анекдота, связанная с развитием текстовых эмоций, установлением доверительного контакта «определенного рода интимности» с читателем [Там же].

В контексте связи анекдота рубрики с анонсом ближайшего публичного мероприятия героини (выставки, спектакля, фильма, концерта и т. д.) следует сказать о его коммуникативной характеристике, связанной с обязательным последующим событием (Коньков подчеркивает, что подобная характеристика определяется понятием перформативности [10]). Провокационная ситуация анекдота, рассказанного с «чистого листа» (без отсылки к теме, проблеме, идее уже состоявшегося общения) не только погружает читателя в экспериментальную ситуацию общения, но и обуславливает последующее действие (посещение публичного мероприятия).

Помимо филологических характеристик жанра, для рассмотрения его роли в создании образа героини рубрики следует обратиться к психологической характеристике текстов подобного рода. В психологическом контексте форму текстов рубрики «Красивая женщина рассказывает анекдот» можно определить как жанр самопрезентации, жанр рассказа о себе [5]. О. В. Бородачева предлагает исследовать такого рода тексты с точки зрения определенной модели речевого поведения: «...речевая компетентность в рассказах о себе может быть описана содержательной моделью, включающей актуализирующий, мотивационный, инструментальный и индивидуально-стилевой блоки...» [Там же]. Модель, соответствующая возрасту взрослого человека, обуславливается стремлением к «самоактуализации и самодетерминации» [Там же]. Представляется, что самодетерминация, связанная с восприятием героиней себя в контексте критического восприятия окружающего мира, обуславливает выбор темы и формы анекдота и актуализирует ее (героини) личностную «критическую автономию» [7].

Анекдот как стратегия создания образа

Интенция рубрики «Красивая женщина рассказывает анекдот» — преподнесение читательской аудитории образа успешной женщины, свободной, как отмечалось, от традиционных для «глянца» стереотипов [9]. Стратегией создания подобного образа становится транслируемое героиней прецедентное чужое слово (анекдот). Отметим, что под стратегией мы будем понимать единство содержательных, эмоциональных, языковых характеристик и функций анекдота, становящееся ведущим способом создания публичного образа, представляющее взгляды и мнения героини, ее эмоциональную индивидуальность, особенности речевого поведения и манеру подачи себя. К сказанному можно добавить, что анекдот (в соответствии с одной из литературных традиций) становится своеобразной темой героини, ее индивидуальной картиной мира, с которой она приходит в контекст рубрики. С этой точки зрения рассмотрим текстовые материалы.

Женские анекдоты, представленные в рубрике, предвосхищаются ее непосредственным названием («*Красивая женщина рассказывает анекдот*») и общим

заголовком («*Поступки и намерения*»). Собственно формирование иронической, критически преподносимой картины мира женского анекдота начинается с этого единого для всех материалов заголовочного комплекса. Заголовок входит в структуру следующего за ним текста. По сути, он является общей «метатекстовой» [22] фразой для всех анекдотов и работает на предполагаемую комическую (двусмысленную) ситуацию, формирует эту ситуацию (как и предписывает жанр) до начала текста.

Подзаголовок («*Красивая женщина рассказывает анекдот*») обыгрывает два стереотипа. Традиционно развлечение достойного общества острым словом считается мужской задачей. В нашем случае стереотип разрушается (оспаривается), роль остролова передается женщине, формируется ситуация иронического ожидания, кроме того, некоторым общеизвестным ироническим смыслом обладает и определение «*красивая женщина*». Соответственно подзаголовок рубрики разрушает традиционные представления о ситуации рассказывания анекдота. Языковые характеристики рассматриваемой фразы (повествовательный характер, прямой порядок слов, лаконичность) подчеркивают игру с привычными ассоциациями. Дополняет эту игру подтекстовая сноска-комментарий: «*Редакция Esquire не гарантирует, что этот анекдот непременно будет смешным*». Сноска разрушает еще одну из жанровых интенций — обещанное удовольствие от комичной ситуации, которое должен получить читатель.

Итак, название рубрики и сноска развивают ситуацию игры (языковой), основанную на многозначности понятия «*красивая женщина*», разрушению жанрового ожидания (анекдот может быть несмешным) и включении в разговор про развлекательный жанр подчеркнуто официального текста («*Редакция Esquire не гарантирует...*»). Представляется, что названная игровая ситуация подчеркивает главную цель материала: анекдот рубрики призван не столько быть анекдотом в классическом понимании, сколько презентовать героиню, ее модель речевого и повседневного поведения, сформировать публичный образ.

Следующей общей чертой текстов рубрики становятся общие композиционные особенности. Текст, помимо анекдота, включает в себя фотографию героини, делающую акцент на ее индивидуальности, и краткий биографический материал (небольшой рассказ о наиболее значимых событиях, анкету). (Сразу оговоримся, что элемент креолизации текста — фотография — не будет учитываться в аналитическом разборе, так как взаимодействие вербального и визуального образов может стать темой отдельного исследования). Короткий рассказ о значимых событиях жизни дополняет образ рассказчицы индивидуальными особенностями, становится компонентом интерпретации анекдота, фактологической базой презентации образа.

Для рассматривания стратегии формирования публичного образа героини были выбраны материалы, содержащие анекдоты четырех тематических групп: анекдот (один пример) о прецедентной для культуры личности; анекдоты, представляющие метафизическую (религиозную) тему; анекдоты о женском мышлении и речевом поведении; анекдот (один пример) о представителях определенных профессий.

Анекдот о прецедентной личности

Настасья Хрущева, композитор (Esquire. 2016. № 4):

Я Бахтин, я не хочу ничего решать. Я хочу диалог-хронотоп-карнавал [28].

Из биографического материала: *В восемь лет написала диссертацию по вулканологии «Сейсмические особенности августа», из духа противоречия стала музыкантом, закончила питерскую консерваторию и аспирантуру, преподает историю зарубежной музыки. Музыка Настасьи Хрущевой звучит на сценах Александринского театра и БДТ им. Товстоногова (в спектакле «Война и мир Толстого»), а также в постановках андеграундного театра «Тру» [28].*

Персонаж анекдота — «я», воспринимающее себя и свое место в мире в контексте науки и культуры, демонстрирует пафос завышенной самооценки. Сюжет анекдота позволяет охарактеризовать его как анекдот с фоновыми знаниями [3], в котором актуализирован образ персоны «под маской» (вероятно, с намеком на публикацию знаменитой научной серии). Анекдот реализует метатекстовую функцию [19], становится отсылкой к корпусу научных текстов и образу великого исследователя, реализует интертекстуальные возможности жанра. Наличие в его содержании «мира чужих ролей» [3] отражает «биографический сюжет» рассказчицы и становится характеристикой ее образа. (В биографическом материале подчеркивается стремление героини попробовать свои силы «под маской», примерить различные роли, выбрать свою и добиться успеха.) Самодостаточный текст анекдота (у него, как и у других анекдотов рубрики, нет коммуникативного контекста) и его интертекстуальный потенциал порождают двойную пародию, двойной иронический взгляд. Персонаж анекдота с высокой самооценкой и слабой волей создает эмоциональный контраст с целеустремленностью героини, позволяет ей поиронизировать над интеллектуальными притязаниями как формой поведения и перетекает в насмешку над усилием подать себя с наиболее интересной стороны. Подобное развитие эмоции обуславливает стратегическое планирование собственного публичного образа, становится и формой рефлексии, и фундаментом адекватного самовосприятия, и стержнем для различных творческих проявлений. В этом смысле анекдот обуславливает адекватную самооценку героини и рациональное отношение к собственным поступкам (даже в случае рассказа о диссертации по вулканологии, написанной в восьмилетнем возрасте).

С точки зрения языкового оформления анекдот интересен использованием рассказа о персонаже от первого лица, превращением собственного имени (Бахтин) в имя нарицательное, обыгрыванием культурологических концептов (диалог-хронотоп-карнавал) и языковой игрой на синтаксическом уровне (нарушение правил управления: «..хочу диалог...»). Названные особенности принадлежат не только отдельному образцу жанра, но и являются компонентом речевого поведения героини, формой прецедентного слова, ставшей формой слова авторского. Выбранный рассказчицей анекдот представляет собой систему отсылок (имя героя, перечень концептов, событие в научном мире), объединенных весьма условным жанровым сюжетом, и позволяет играть с множеством смыслов транслируемого прецедентного слова. Структура жанрового текста и его эмоции формируют подчеркнuto

сложный образ героини, хорошо адаптированной в современной культурной и научной среде и воспринимающей собственную состоятельность иронически.

Анекдоты, представляющие религиозную (метафизическую) тему

Виктория Нарахса, режиссер и хореограф (Esquire. 2016. № 2):

— *Для улучшения качества обслуживания ваш разговор будет записан.*

— *Отец Кирилл, я исповедуюсь в другой раз [26].*

Из биографического материала: *С пяти лет знала, что уедет из родного Хабаровска. Занималась балетом, гимнастикой, рисованием и боксом. Мечтала построить свой мир на сцене, реализовала мечту в Москве [26].*

Анекдот — рассказ о несостоявшейся исповеди состоит из двух реплик диалога и значительного количества содержательных, языковых, эмоциональных характеристик, формирующих образ публичной персоны. Содержательный план анекдота представляет этическую позицию героини, демонстрирует степень личностной свободы и готовность отвечать за свои «по поступки и намерения». (Анекдот выражает определенную позицию, касающуюся религии, и может стать не только способом создания публичного образа, но и причиной преследования.) Через тему и парадокс анекдота героиня позиционирует себя в качестве человека с определенной системой ценностей и взглядов, который не боится оппозиционного характера своей точки зрения. Следует отметить, что изложение жизненной позиции героини связано с языковым оформлением анекдота (абсурдизация узнаваемых примет действительности), а развитие образа проецируется на психологический эксперимент (замена обязательных условий коммуникации определенного типа). Образ героини материала и персонаж анекдота испытываются взаимодействием двух несопоставимых контекстов и тем самым уравниваются, соединяются в жанровом эксперименте.

Эмоция, заложенная в анекдоте, — это эмоция предельно жесткой насмешки (даже стеба) по поводу тотального контроля над любыми человеческими проявлениями, в том числе над формами внутренней жизни и рефлексии. Эта эмоция укрепляет представление о взглядах героини, обуславливает перечисляемые в биографическом комментарии события и формы преобразования собственной жизни. В целом названный эмоциональный посыл не только формирует сильный образ публичной персоны, но и актуализирует перформативную функцию жанра [10], вынуждая читателя в продолжение интерпретации созданного образа принять собственные этические решения.

С языковой точки зрения диалог анекдота формирует некоммуникативную ситуацию через смешение стилей (официальный (цензорский) стиль включается в интимную ситуацию исповедальной коммуникации) и через простоту, лаконизм и подчеркнутую правильность (нормативность) построения фраз-реплик, которые должны подчеркнуть названный стилевой и коммуникативный конфликт. Анекдот, актуализируя прецедентную фразу из цензорского обихода, выполняет функцию иллюстрации по отношению к затекстовой (повседневной) действительности.

Иллюстративная функция анекдота добавляет в публичный образ героини особую достоверность и узнаваемость.

Полина Гришина, актриса (Esquire. 2016. № 5):

Страшный суд. В аду собираются представители разных конфессий и возмущаются, что не попали в рай. «Боюсь, вы неправильно выбрали религию, — говорит им менеджер ада. — Угадали мормоны» [29].

Из биографического материала: *В детстве жила при монастыре, где работал отец. Отец хотел видеть дочь монахиней. Выбрала мирскую жизнь, получила образование в художественном училище. В Москве работала мультипликатором, закончила ГИТИС, стала театральным художником. Актёрский дебют состоялся в картине Ивана Вырыпаева «Спасение» (роль монахини Анны) [29].*

Анекдот Полины Гришиной представляет собой иронико-драматическую сцену в загробном мире. Вопрос «неправильного выбора религии» характеризует этическую позицию и точку зрения героини, превращает анекдот в достаточно жесткий вызов некоторым тенденциям, относящимся к взаимоотношениям общества с официально признанными конфессиями. Образ мормонов в качестве победителей метафизической викторины становится и средством оценки значения религиозных установок и институтов, и способом маркирования «критической автономии» [7] собственной личности. В целом анекдот, по всей видимости, иллюстрирует и результирует жизненный опыт героини (реализуя тем самым соответствующие функции жанра в медиатексте [20]).

Совместно с кратким рассказом о монастырском детстве и несостоявшейся духовной карьере образы анекдота эмоционально наполняют драму самоопределения и сложный путь обретения себя, своего внутреннего стержня. Эмоция противоречия, внутреннего сопротивления, желания быть собой развивается в жесткую иронию, характеризующую отношение героини к внешним установкам и ценностям. Можно предположить, что жесткая, разрушительная ирония, направленная на освобождение собственного внутреннего мира, становится доминантой образа публичной персоны.

В языковом отношении анекдот обыгрывает метафизический концепт «ад». Если сопоставить языковое оформление образов анекдота с классификацией О. Макаровской, то можно выявить речевую оригинальность в представлении «персониферы ада» (исследовательница не обнаруживает в рассматриваемых анекдотах номинации «менеджер ада» [14]). Лексическое и синтаксическое (подчеркнуто книжное) оформление реплики «менеджера» работает на иронический эмоциональный потенциал жанрового текста и на ведущую эмоцию презентации образа героини.

Анекдоты о женском мышлении и речевом поведении

Юлия Александрова, актриса (Esquire. 2016. № 3):

Как показывает практика, девушки, которые одевают платья, чаще выходят замуж, чем те, кто надевают [27].

Сюжет анекдота-монолога представляет и обыгрывает два различных (и одновременно стереотипных) житейских сценария, сопоставляет модели поведения, характерные для двух узнаваемых типов (можно сказать, что он реализует иллюстративную функцию применительно к контексту повседневной реальности). Сюжет демонстрирует обратную сторону неграмотной речи — житейскую состоятельность обладательниц, их успешность в определенных сферах жизни.

Образ рассказчицы контрастирует с групповым портретом успешных персонажей анекдота и демонстрирует ироническое сочувствие неудачницам. Образ не соотносится с сюжетом, героиня презентует себя отдельно от анекдотической классификации, ее ирония распространяется не только на представляемые анекдотом сценарии, но и на интенцию рубрики и читательские ожидания. Героиня предлагает «женскую» тему анекдота, но иронически воспринимает ситуацию подобного общения и стереотипы успешности/неуспешности, диктуемые общими представлениями о «глянце» и женской рубрике. Ирония и рефлексия, связанные с определением себя в рамках стереотипов, становятся доминантой образа героини.

В языковом плане анекдот строится на прецедентной лексической (речевой) ошибке. Сама форма «одевают» дает исчерпывающую характеристику определенному женскому типу. Начиная анекдот вводная конструкция («Как показывает практика»), принадлежащая отнюдь не разговорной речи, создает иронический контраст с типажом (типажам) анекдота и усиливает транслируемую анекдотом житейскую аксиому. Сравнительная синтаксическая конструкция («*девушки, которые одевают...*, ...*чем те, кто надевают*») подчеркивает конфликт типических персонажей и позицию рассказчицы и формирует эмоцию иронической неуверенности в той или иной позиции.

Текст биографического материала представляет героиню через взгляд со стороны, дает мотивацию профессионального выбора и обоснование личных достижений. Анекдот и биографический материал развивают различные (даже противоположные) стороны публичного образа. При этом эмоции анекдота ставят перед читателем провокационный и иронический вопрос о том, какую грамматическую форму все же предпочтет героиня, включают последнего в интерактивный процесс развития образа через интерпретацию.

М а н и ж а, п е в и ц а, D I Y - а р т и с т (Esquire. 2017. № 2):

Очень жаль, что до женщины его мечты я чуть-чуть... недомолчала! [30].

Анекдот, достаточно часто встречающийся в тематических разделах Интернета, обладает специфической чертой. Он взаимодействует с образом рассказчицы, авторизуется, может восприниматься как оригинальная фраза. Подобная иллюзия соединяет образ рассказчицы и образ персонажа анекдота. Ситуация текста, состоящего из одного предложения, построена на противоположности женских и мужских коммуникативных (речевых) предпочтений и на различиях в речевом поведении. Анекдот про несостоявшуюся коммуникацию (несостоявшиеся отношения) иронически преподносит практику типичного женского речевого поведения и представляет собой пародию на морализаторский вывод.

Содержательное наполнение анекдотической ситуации оказывается в явном противоречии с тенденцией разрушения «женских стереотипов». Героиня анекдота (объединившая персонаж и образ рассказчицы) не претендует быть интеллектуальной личностью с качественным культурологическим багажом, предпочитает остаться женщиной. Подобный эксперимент по продвижению женской непосредственности и исконно женских качеств заканчивается предсказуемо. Он же (эксперимент) становится характеристикой образа героини, а обусловленные им эмоции — доминантой образа.

Не случайно в тексте анекдота травестируется прецедентная фраза «мужчина моей мечты» («...до женщины его мечты...»). С функциональной точки зрения фраза становится иллюстрацией к определенным личностным характеристикам (и персонажа, и героини), реализует эмоцию иронического сожаления о несоответствии ожиданиям и представлениям о современной женской роли и моделях поведения.

В плане языкового оформления в анекдоте-монологе выделяется интонация, содержащая эмоциональную паузу, и обыгрывается семантика глагольных форм с приставкой «недо-». В этом смысле глагол (окказионализм) «недомолчала» становится отдельной характеристикой образа, подчеркивает желание быть собой и экспериментировать даже на уровне речи.

Биографическая информация взаимодействует с языковой формой анекдота и дает героине возможность реализовать еще один окказионализм: своих слушателей Манижа называет «слушатели». Лингвистические изыски должны, по всей видимости, подчеркнуть неординарность картины мира героини, ее смелость изменять и речь, и модели человеческих отношений.

В целом манера самопрезентации героини и ее образ строятся на создании интриги, на языковой игре со словообразовательными возможностями языка. На стыке образов жанрового персонажа и реальной публичной персоны именно анекдот определяет степень иронии и подлинности в публичном представлении героини, позволяет читателю интерпретировать предлагаемую концепцию женского образа или сформировать свою. Анекдот и построенный на нем материал работают на «критическую автономию» рассказчицы во всех сферах жизни, ставшую своего рода самоцелью. Эмоция иронического восхищения собой и своими поступками в любом контексте и ситуации становится доминантой публичного образа.

Анекдот о представителях творческих профессий

Анастасия Потемкина, художник (Esquire. 2017. № 5):

Критик язвительно говорит художнику: «Хотите знать мое мнение о вашем произведении? Оно не стоит ровным счетом ничего!» «Верю, — скромно отвечает художник, — но тем не менее я готов его выслушать» [31].

Из биографического материала: *В детстве отец показывал маленькой Насте съедобные растения, у нее сложились особые отношения с природой. Темы ее*

творчества — сорняки, животные и жертвы дискриминации. Создала лабораторию по изучению городской фауны и флоры [31].

Сюжет анекдота строится на противопоставлении двух узнаваемых персонажей с противоположным эмоциональным потенциалом, на конфликте мнений и двух типических (подчеркнем — мужских) способов презентации себя. Способ критика — продавливание своего непререкаемого авторитета, способ художника — подчеркнуто вежливая игра с пафосом чужого самомнения и неподтвержденными амбициями.

Происхождение персонажей и сам сюжет анекдота связаны, вероятно, со сферой деятельности героини. Результат игровой анекдотической коммуникации позволяет ей заявить о своей картине мира, о своем эмоциональном опыте в достаточно ироничной форме. В плане презентации образа анекдот продвигает определенную форму эмоционального взаимодействия, соответствующую взглядам героини, создает для рассказчицы речевую маску, позволяющую озвучить определенные житейские принципы.

С точки зрения формы и средств выражения анекдот представляет собой диалог с авторским комментарием, его сюжет порождает мягкую иронию, реализует критику определенной формы эмоционального, речевого поведения. Сама конфликтная «некоммуникативная» ситуация развивается через языковую игру, построенную на двусмысленности (неоднозначная роль местоимения «*оно*» в синтаксическом строении фразы, связанная с его категориальным значением и приводящая к «коммуникативному сбою» [21]). Лингвистическая подоплека анекдотического события также работает на образ героини — образ человека, хорошо знакомого с формами лингвистически корректного выражения эмоций, взглядов, мнений.

В целом анекдот решает задачу эмоционального наполнения образа (продуцирует эмоции интеллектуальной игры с неискренним псевдопафосным эмоциональным посылом и речевыми недочетами персонажа), выстраивает определенную форму самопрезентации. Не выступает в роли аргумента, резюме или иллюстрации, возможно, в очень незначительной степени актуализирует метатекстовую функцию жанра — отсылает к теме взаимодействия творца и критика в общекультурном контексте.

Выводы

Часто лишенный комического компонента, письменный, реализованный в рамках интеллектуального издания анекдот становится своего рода экспериментом в плане речевой самопрезентации героини и модели ее поведения в коммуникативно сложной, изначально недиалогичной, лишенной контекста ситуации. Анекдот актуализирует смысловой фон образа и житейский опыт героини (использует возможности самых разных реалий — от житейских ситуаций до концептосферы), преподносит формы остроумия, иронии, сарказма и языковые средства их создания как знак личностной состоятельности, как формы свободного и успешного речевого поведения. Через представление

двух (и более) смыслов на уровне содержания, функционала, эмоциогенности и языкового оформления анекдот развивает «критическую автономию» образа известной личности, демонстрирует процесс и результат критического мышления и подчеркнуто индивидуального поведения героини, продвигает механизмы языковой реализации личностной критики как формы самовыражения и создания уникального образа.

Анекдот как стратегия создания образа реализует ряд функций:

— функцию создания эмоционального наполнения образа: анекдот задает ведущую эмоцию самопрезентации героини или формирует иерархию эмоций образа, эмоционально его обуславливает;

— функцию индивидуальной (личностной) критики определенных шаблонов, стереотипов, моделей житейского и речевого поведения;

— функцию контекста образа. Анекдот становится ведущей темой разговора, формирует картину мира героини, определяет сферу ее общечеловеческих интересов.

Также анекдот, представленный вне коммуникативного контекста, выполняет перформативную функцию, становится особым коммуникативным событием и требует незамедлительного ответного действия — интерпретации. Включая активное восприятие читателя, анекдот формирует интерактивный образ героини (публичной персоны). Для читателя становится своеобразным уроком, «школой злословия» и мотивом посетить анонсируемое мероприятие.

Кроме того, образ публичной персоны (героини) в определенной степени модерируется жанром. Контекстом анекдота и фоном формирования образа становятся общественные установки, гендерные стереотипы, банальные жизненные цели и шаблонные представления, которые героиня должна подтвердить, опровергнуть, трансформировать в свою пользу, имея в качестве инструмента содержательный, стилистический и коммуникативный потенциал анекдота и условный потенциал интерпретационной компетентности читателя. В этом смысле анекдот также предстает как стратегия формирования образа героини. Жанр отдает процессу создания и презентации публичного образа функциональные возможности и текстовый потенциал и активизирует, включает в создание образа интерпретационную активность читателя.

1. *Абильдинова Ж. Б.* Жанровая специфика анекдота [Электронный ресурс] // Вестн. ЧелГУ. 2010. № 21. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-anekdota> (дата обращения: 01.11.2017).

2. *Антропова В. В.* Анализ медиатекста как универсальный метод массовой коммуникации, или Все дороги ведут к тексту [Электронный ресурс] // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2013. № 2 (12). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mediateksta-kak-universalnyy-metod-massovoy-kommunikatsii-ili-vse-dorogi-vedut-k-tekstu> (дата обращения: 10.11.2017).

3. *Бабушкин А. П.* «Реальный мир» и «Возможные миры» в анекдоте с фоновыми знаниями [Электронный ресурс] // Вестн. ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realnyy-mir-i-vozmozhnye-miry-v-anekdote-s-fonovymi-znaniyami> (дата обращения: 06.11.2017).

4. *Бельский Д. О.* Типологическая специфика мужского журнала [Электронный ресурс] // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. 2014. № 3. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22294216> (дата обращения: 10.11.2017).

5. *Бородачева О. В.* Речевая компетентность в рассказах о себе // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat : [электрон. б-ка]. URL: <http://www.dissercat.com/content/rechevaya-kompetentnost-v-rasskazakh-o-sebe#ixzz4xAJmSAzk> (дата обращения: 10.11.2017).

6. *Васильева В. В.* О потере анекдотом своей комической природы в профессиональном медиатексте [Электронный ресурс] // Век информации. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1818409> (дата обращения: 12.11.2017).

7. *Веселовская Е. В.* Анализ медиатекста как средство формирования критической автономии личности в мире медиа [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-mediatexta-kak-sredstvo-formirovaniya-kriticheskoy-avtonomii-lichnosti-v-mire-media> (дата обращения: 11.11.2017).

8. *Захаров Д. В.* Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70–90 гг. XX века на примерах журналов: «Работница», «Крестьянка», «Космополитен» // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat : [электрон. б-ка]. URL: <http://www.dissercat.com/content/transformatsiya-obraza-zhenshchiny-v-sredstvakh-massovoi-informatsii-rossii-v-70-90-gg-xx-ve#ixzz50aEGAn3J> (дата обращения: 20.10.2017).

9. *Зверева Е. А.* Версии глянцевого издания в социальных сетях: соответствие заявленного типа издания реальной аудитории [Электронный ресурс] // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2 (24). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/versii-glyantsevykh-izdaniy-v-sotsialnyh-setyah-sootvetstvie-zayavlenogo-tipa-izdaniya-realnoy-auditorii> (дата обращения: 20.10.2017).

10. *Коньков В. И.* Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа [Электронный ресурс] // МИРС. 2016. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mediarech-soderzhanie-ponyatiya-i-printsipy-analiza> (дата обращения: 10.11.2017).

11. *Кузьмина Н. А.* Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2011. Вып. № 1. URL: <http://mediascope.ru/issues/304?page=1> <https://elibrary.ru/item.asp?id=16971864> (дата обращения: 25.10.2017).

12. *Куприянова О. В.* Образ женщины в средствах массовой информации в контексте гармонизации российского общества // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat : [электрон. б-ка]. URL: <http://www.dissercat.com/content/obraz-zhenshchiny-v-sredstvakh-massovoi-informatsii-v-kontekste-garmonizatsii-rossiiskogo-ob#ixzz50VIRduJZ> (дата обращения: 10.11.2017).

13. *Курганов Е.* Анекдот как жанр русской словесности. М., 2014. 264 с. [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=%2B90cPVPzzU1pY92%2FGL%2FKc%2FGVzkt7InVybC16Imh0dHA6Ly9saWUucHVzaGtpbnNraWpka20ucnUvTGlua0NsaWNrLmFzcHg%2FZmlsZXRpY2tldD1WT1RDaDB2SWZEMCUzRCZ0YWJpZD0xMDU4OSIsInRpdGxlIjoiTGlua0NsaWNrLmFzcHg%2FZmlsZXRpY2tldD1WT1RDaDB2SWZEMD0mdGFiaWQ9MTA1ODkiLCJ1aWQjOiIwIiwieXUiOiI4ODI1MzkyOTQxNTA5MDEzYyYiwiwibm9pZnJhbWUiOnRydWU5InRzIjoxNTA5NjA4NjQ5NzgzfQ%3D%3D&page=1&lang=ru (дата обращения: 12.10.2017).

14. *Макаровская О.* (Olga Makarowska) Концепт *ad* в русском интернет-анекдоте [Электронный ресурс] // STUDIA WSCHODNIOSŁOWIAŃSKIE TOM 16, ROK 2016. URL: http://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/5318/1/sw_16_2016_O_Makarowska_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82_%D0%B0%D0%B4_%D0%B2_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%B5.pdf (дата обращения: 12.10.2017).

15. *Овсянникова Е. К., Насонова М. В., Овсянникова Л. В.* Проблема формирования гендерных стереотипов в дискурсе глянцевого журнала: социологический аспект [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-gendernyh-stereotipov-v-diskurse-glyantsevykh-zhurnalov-sotsiologicheskij-aspekt> (дата обращения: 20.10.2017).

16. *Почепцов Г. Г.* Анализ анекдотов [Электронный ресурс] // Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. Гл. 4 : Методы анализа массовых коммуникаций. URL: http://ligis.ru/librari_2/049/34.html (дата обращения: 18.10.2017).

17. *Смеюха В.* Гендерные стереотипы в современных женских журналах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D2422%26level1%3Dmain%26level2%3Darticle> (дата обращения: 28.10.2017).

18. *Соколова Е. А.* Образ женщины в провинциальной прессе: гендерные стереотипы [Электронный ресурс] // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. № 2 (10).. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhenschiny-v-provintsialnoy-presse-gendernye-stereotipy> (дата обращения: 06.10.2017).

19. *Тарасенко Т. В.* Анекдот и медиатекст [Электронный ресурс] // Язык и социальная динамика. 2011. № 11–1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22885448> (дата обращения: 10.11.2017).

20. *Тарасенко Т. В.* Метатекстовые функции анекдота в медиатексте [Электронный ресурс] // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. 2012. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metatekstovye-funktsii-anekdota-v-mediatekste> (дата обращения: 11.11.2017).

21. *Твердохлеб О. Г.* Лингвистика «недоразумения» как языковая игра в анекдоте [Электронный ресурс] // Филол. науки. 2016. № 44–3. URL: <http://novainfo.ru/article/5569> (дата обращения: 22.10.2017).

22. *Фефелова Г. Г.* Композиционные и структурные характеристики текста анекдота [Электронный ресурс] // Вестн. Башк. ун-та. 2016. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kompozitsionnye-i-strukturnye-harakteristiki-teksta-anekdota> (дата обращения: 10.11.2017).

23. *Халикова Л. М.* Основные характеристики текста анекдота [Электронный ресурс] // Вестн. Башк. ун-та. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-teksta-anekdota> (дата обращения: 25.10.2017).

24. *Шмелев А. Д.* Русский анекдот. Текст и речевой жанр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klex.ru/jtt> (дата обращения: 01.11.2017).

25. *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформации речевого жанра. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2425/shmelevy.pdf> (дата обращения: 05.09.2017).

26. Esquire. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-off.info/journal-for-men/23158-esquire-1-yanvar-2016-rossiya.html> (дата обращения: 06.09.2017).

27. Esquire. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-off.info/journal-for-men/23205-esquire-3-mart-2016-rossiya.html> (дата обращения: 05.09.2017).

28. Esquire. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-off.info/journal-for-men/23400-esquire-4-aprel-2016-rossiya.html> (дата обращения: 05.09.2017).

29. Esquire. 2016. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-off.info/journal-for-men/23589-esquire-5-may-2016.html> (дата обращения: 06.09.2017).

30. Esquire. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-off.info/journal-for-men/26023-esquire-2-fevral-2017.html> (дата обращения: 05.09.2017).

31. Esquire. 2017. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal-off.info/journal-for-men/27048-esquire-5-may-2017.html> (дата обращения: 06.09.2017).

Статья поступила в редакцию 11.12.2017 г.

УДК 821. 161. 1-13 + 821.161.1-343

П. Ф. Лимеров

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОЭМЫ К. Ф. ЖАКОВА «БИАРМИЯ»: К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОТОПА

В статье рассматривается эпическая поэма коми писателя, философа, поэта, ученого Каллистрата Жакова (1866–1926) «Биармия», являющаяся реконструкцией гипотетического северного эпоса, некогда бытовавшего на территории Европейского Севера. Рассмотрен аналитический путь Жакова: как этнолог он выделяет «пережитки» эпоса и мифологии в фольклоре коми, реконструирует мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов, выявляет круг мифологических сюжетов, связанных с космологическими представлениями, подвигами героев древности, а затем, ориентируясь на «Калевалу» Лённрота, скандинавские саги и русские былины, составляет единый эпический сюжет. Сюжет поэмы строится как эпическое повествование о древних героях коми народа, живших в отдаленную историческую эпоху, когда существовала связь между людьми и Природой, людьми и богами, реальностью и мифом. Соответственно, в сюжетных коллизиях принимают участие не только сами герои, но и различные божества, а также природные объекты. Особое значение Жаков уделяет воссозданию эпического северного мира. Этот мир — это не что иное, как северная цивилизация, главным царством которой является легендарная Биармия со столицей Кардор в устье Двины. Биармия окружена другими царствами и княжествами, в числе которых и Вычегодская Пермь, откуда в Кардор приплывают свататься герои эпоса. Весь этот мир мудро управляется богами, постоянная апелляция к которым фиксируются в параллельных основному сюжету отступлениях. Эпический мир Жакова определяется его стремлением представить «светлое прошлое» как идеальное мироустройство золотого века в сравнении с реалиями современного мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мифопоэтика; эпическая поэма; Биармия; Пермь; мифологическая модель мира; космогонический миф; художественное пространство.

9 октября 1911 г. на заседании Архангельского общества изучения Русского Севера был прочитан доклад «О методах изучения северного народного эпоса».

ЛИМЕРОВ Павел Федорович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар (e-mail: plimeroff@mail.ru).

© Лимеров П. Ф., 2018

Докладчиком был известный петербургский ученый, профессор Психоневрологического института К. Ф. Жаков. Определив виды эпоса — былины и сказки, докладчик совершил экскурс к теории былин, а также «доказал» в контексте штудий мифологической, сравнительной и исторической школ, что «сказка есть остаток прежних религиозных преданий». Было очевидно, что профессор придерживается популярной в то время концепции заимствований, полагая, что фольклорные эпические произведения кочуют от народа к народу, поэтому, чтобы определить оригинальные произведения, нужно изучить культуру народа и сравнить ее с эпосом. При этом необходима «исчерпывающая запись» всех произведений народного эпоса в данной местности. В этом смысле сравнительное изучение северно-русского эпоса и «Калевалы», скандинавских саг, вкупе с данными археологии, может дать представление об «общей картине культуры древнего Севера», из чего и определяется дальнейшая необходимость изучения северного эпоса [7, 1226]. Надо сказать, что профессор Жаков не был случайным человеком в обществе архангельских краеведов. С 1910 г. он состоял действительным членом этого общества, а в 1916 г. даже был избран его представителем в Союзе исторических обществ России [24, 322].

К. Ф. Жаков (1866–1926) вошел в историю науки как самобытный философ, создатель философской системы лимитизма — философии предела. Он преподавал математику, в то же время писал труды по литературоведению, исследовал прозу Кнута Гамсуна, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, Альфонса Доде. Известен был Жаков и как писатель, открывший русскому читателю мир Севера, мир коми-зырянских охотников, крестьян и колдунов. Его книги издавались в Петербурге с 1905 по 1916 г. Однако научную деятельность Жаков начинает как этнограф. По материалам первых своих экспедиций 1899–1900 гг. он публикует работы «Языческое миросозерцание зырян» (1901) и «Этнологический очерк зырян» (1901) в журналах «Научное обозрение» и «Живая старина». Вторая работа была отмечена особо Русским географическим обществом, наградившим его серебряной медалью [24, 321]. В полевые этнографические экспедиции в различные губернии России Жаков ездил вплоть до 1917 г., до самой своей эмиграции в Прибалтику, из которой на родину он уже не вернулся. Конечно, за эти годы им было написано довольно много статей и очерков, посвященных этим поездкам, но немало фольклорных сведений он использует и в своем художественном творчестве. Более того, есть все основания полагать, что во многих литературных произведениях Жаков реализует свои реконструкции мифологической картины мира коми-зырян [14, 45–62; 15, 147–157; 16, 29–39]. Венцом своей научно-литературной деятельности он по праву считал поэму «Биармия» [10, 27–185], которую полагал реконструкцией древнего северного эпоса или, точнее, одного из северных эпосов, эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам обширной территории Европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью — бассейном Северной Двины, обозначенной в поэме как Биармия. Поэма была написана в 1916 г., во время поездки Жакова в Прибалтику, но она так и не была опубликована из-за начавшихся революционных событий.

Впрочем, попытка издания все же была: в 1920-е гг. в Риге ученики Жакова из «Общества лимитистов» инициировали перевод поэмы на латышский язык и поручили его Яну Райнису. Поэт перевел первые восемь частей поэмы, они были опубликованы в 1928 г., а в 1980 г. эти переводы вошли в восьмой том собрания сочинений Райниса [11, 136–137]. Впервые на русском языке с параллельным переводом на коми поэма была опубликована только в 1993 г. в Сыктывкаре. Инициатором публикации выступил А. К. Микушев, написавший в качестве предисловия к изданию статью «Коми Калевала» [21, 5–25], в которой рассмотрел некоторые художественные особенности поэмы в контексте литературного творчества К. Ф. Жакова.

Сразу же после создания, в 1916 г., рукопись поэмы была передана А. М. Горькому, с которым Жаков поддерживал дружеские отношения с 1912 г. Горький, высоко оценивавший литературное творчество Жакова, на этот раз был в недоумении. Жаков вспоминает, что после чтения рукописи «Биармии» Горький поинтересовался: «Народное это произведение или единоличное?», на что Жаков ответил вопросом же: «“Слово о полку Игореве” народное или не народное произведение?» Горький не знал, что сказать» [8, 39]. Очевидно, что оба писателя по-разному подходят к определению «народности». Для Горького «народность» — это принадлежность произведения к устному творчеству конкретного народа, и Жаков, как этнолог, конечно же, это понимал. Но с точки зрения Жакова, в истории случалось, что авторские произведения, в полной мере отражавшие мировоззрение народа, становились народными, при этом теряя авторство, — как это и произошло с древнерусской поэмой «Слово о полку Игореве». Для Жакова, на протяжении многих лет собиравшего и изучавшего фольклорные произведения и строившего на их основе реконструкции дохристианского мировоззрения, легшие в основу поэмы, сама она не могла не быть произведением «народным», сохраняя при этом его авторство. По глубокому убеждению Жакова, поэма «Биармия» и есть эпос коми народа, восстановленный им по крупицам фольклорных материалов, не только собранных им самим во время полевых экспедиционных практик в Коми крае, но и заимствованных у родственных народов. Для Жакова понятие принадлежности к фольклору Севера, как он говорил, к северному эпосу, означало естественность, изначальную *со-природность*, присущую северным народам.

По-видимому, Горький все же убедил Жакова написать пояснения к поэме, и тот пишет предисловие, в котором объясняет свой замысел: создать эпос на основе отечественных и зарубежных источников. Конечно, события поэмы — авторский вымысел, но он пишет: «При современном состоянии этнографии и “доисторической, первобытной истории” можно сказать, что саги, как и былины, как и сказки, составляют поэтическую историю народа. Все, что говорится в сагах о Биармии, имело место, как доказывают другие данные, у вогулов, остяков и других финских племен Восточной России и Сибири» [цит. по: 24, 317]. Примечательно, что до наших дней дошла как раз рукопись, переданная Горькому, — она хранится в его архиве в ИМЛИ РАН.

Основной проблемой, которую следовало преодолеть Жакову при написании поэмы, было полное отсутствие сведений о дохристианской истории народа коми,

неизвестны были Жакову и коми эпические песни. Путь восстановления эпоса был таков: пользуясь методами антропологической теории, выделить «пережитки» эпоса и мифологии в фольклоре коми, реконструировать мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов, очертить круг мифологических сюжетов, связанных с реконструкциями космологических представлений, подвигами героев древности, эксплицирующих диахронический аспект мифоистории, а затем, ориентируясь на «Калевалу» Лённрота, скандинавские саги и русские былины, составить единый эпический сюжет. Принципиальное значение в замысле должна иметь и концепция эпического мира, в котором происходит развитие сюжета. Жаков ставит своей задачей воссоздать мир, которого сейчас нет, но который когда-то был в географических координатах современного Русского Севера. Именно воссоздать, а не выдумать — в этом задача Жакова сходна с научной реконструкцией. Другое дело, что подвергается реконструкции не историческая действительность, а «поэтическая история народа» — как ее определяет Жаков. Соответственно, граница между гипотезой и вымыслом оказывается предельно тонкой, а иногда и вовсе исчезает.

Цель данной работы — рассмотреть особенности построения мифопоэтического пространства-времени (хронотопа) поэмы. Вопрос о пространстве-времени литературного произведения, поставленный в трудах М. М. Бахтина [1, 11], в дальнейшем разрабатываемый В. Н. Топоровым [26], М. Ю. Лотманом [18], Д. С. Лихачевым [17], не утратил своей актуальности и сегодня — главным образом потому, что создание особого мира произведения всегда связано, как отмечает Д. С. Лихачев, «с идеей произведения, с теми задачами, которые художник ставит перед собой» [Там же, 335].

В центре внимания Жакова — гипотетическая северная цивилизация, главным государством которой является легендарная Биармия. На западе Биармия граничит с некими недружественными племенами, а цивилизация распространяется на восток, включая в свой состав разные страны и народы. Время этой цивилизации угадывается неточно: уже не нападают на Биармию викинги, но еще при жизни героев поэмы становится слышно о народе Роч — русских, приблизившихся к границам страны. Тем не менее это эпоха некоей мифической стабильности, когда жизни этой северной цивилизации ничто не угрожает. Д. С. Лихачев о свойствах эпической эпохи писал, что это «своеобразный остров» во времени, в «старине» [Там же, 255]. Жаков помещает свою северную цивилизацию именно на такой «остров во времени», очень условно связанный с историческими реалиями. Известно только то, что некогда Биармия погибнет под натиском народа Роч, исчезнут и другие государства-княжества Севера, но само по себе эпическое время поэмы длится неопределенно долго.

Замысел поэмы о древних временах подготавливался всем предыдущим творчеством Жакова. Многие его художественные произведения являются авторскими интерпретациями мифологических сюжетов или же фантастическими новеллами на мифологические темы [4, 148]. Есть даже попытка начала создания эпической саги. Речь идет о новелле «Царь Кор» [9, 439–457], в 1911 г. опубликованной в журнале «Вестник знания» в Санкт-Петербурге, а также вышедшей отдельной

книжкой в Архангельске – с подзаголовком «Чердынское предание». В этой новелле Жаков впервые обращается к проблеме гипотетического устройства пространств Севера. Сюжет открывается сценой пира в тереме царя Кора. Для повествования сцена пира чрезвычайно важна – она дает возможность сказителю, а в данном случае автору, представить все наиболее значимые элементы эпического миропорядка, а также раскрыть конфликтные ситуации, двигающие сюжет [20, 17]. Здесь впервые читателю представлены герои царства Кора, среди которых его дети – Редигар, «странствовавший по Биармии», и красавец Мичаморт. Из списка яств, которыми наполнен стол, можно узнать о связях царства Кора с южными странами (заморское вино) и с Севером – Печорой, Колвой, Вишерой. Эпический певец-сказитель Вэрморт воспекает подвиги царя Кора, покорившего остяцкого царя Сямдея и вогульского князя Беренделю в походе за Уральские горы в Сибирь. О славе Перми – царстве Кора «у истоков светлой Камы, // Желтой Иньвы, красной Чаньвы» [9, 411] узнают народы рек Оби, Иртыша и Тобола. Вторая песня Вэрморта посвящена подвигам Редигара в его путешествии в Биармию. Эта страна располагается от устья Эжвы-Вычегды, вниз по Северной Двине до самого студеного моря Саридз. Предположительно, Редигар поднялся в верховья Камы и по волоковому пути перешел на верхнюю Вычегду (Эжву) и спустился по этой реке сначала до ее впадения в Двину, где, собственно, и начинаются земли Биармии. Далее, он проплыл на лодке с «белокрылым парусом» до устья Двины и прибыл в столицу страны Кардор, «к птице Каленик поближе»¹ [Там же, 442]. Редигар посещает царя Рамдая и знакомится с его дочерью Гарианой, а после этого участвует в ритуале жертвоприношения, которое Рамдай устраивает богу Юмале, чтобы заключить брак между царевичем Перми и царевной Биармии, своей дочерью Гарианой. Третья песня Вэрморта посвящена богам Перми: великий Ен, мать луны, трехглавый бог солнца, вихрь Войпель, подземный Куль и мать земли Му, супруга бога солнца – осеяют своей любовью землю Перми. Итак, все пространство Севера, включая Урал, поделено между двумя большими царствами – Биармией и Великой Пермью, которая на Урале граничит с царством вогулов и княжеством остяков. Пунктирно намечена мифологическая вертикаль – главный бог Биармии Юмал, соответствующий пермскому Ену, и некоторые пермские боги, более детальное описание которых Жаков дает в других своих произведениях.

Равновесие миропорядка нарушается преступлением Мичаморта, обесчестившего Тариалу, дочь жреца бога Войпеля. Сразу после этого на страну нападают полчища врагов, и становится ясно, что страна погибнет. Но Ен посылает вещью птицу Рык, чтобы спасти царское семя Перми. Птица уносит царя Кора, царевича Мичаморта с Тариолой и сказителя Вэрморта с Камы на север, в верховья Вычегды на холм Джеджим Парма. Здесь также живут коми, и царь Кор делает попытку восстановить государственное устройство Великой Перми – поставить царство,

¹ Птица Каленик – в авторской мифологии Жакова персонификация северного сияния, а также персонифицированный образ Севера в целом.

но появляется некий старик, отговаривающий его менять местный уклад: «Мы живем здесь вольно, как звери лесные, как птицы воздуха...» [9, 454].

Загадочная северная страна Бирамия, известная по скандинавским сагам, не раз становилась объектом научного и чисто обывательского интереса. Посвященная Биармии библиография работ достаточно обширна [см.: 5, 311–356], но имеет только косвенное отношение к теме нашей статьи. В той или иной мере сюжеты этих работ строятся вокруг проблемы локализации Биармии, вопроса этимологии топонима *Bjrmaland* и его соотношения с древнерусским топонимом *Пермь*. Судя по всему, Жаков не придерживается предложенной К. Ф. Тиандером этимологии *Bjrmaland* от древнескандинавского **berm-*, **barm-* в значении «береговая полоса» с последующей славяно-русской огласовкой *Пермь* [25, 67–68]. В его концепции Биармия и Пермь разведены географически: Пермь располагается в бассейне Камы, а Биармия — в Заволочье. Обе страны имеют сходные политические устройства — это царства, правителями которых на время повествования являются Рамдай Биармийский и Кор Пермский. При этом столицей последнего является город Искор, а не Чердынь — известная столица Великой Перми. Очевидно, что Жаков имеет ввиду тот регион Великой Перми, который в Патриаршей летописи назван «верхней землей» с городом Искором, в противоположность «нижней земле» с городами Урос, Чердынь и Покча [12, 148]. Это статья за 1472 г. о походе воеводы князя Федора Пёстрога на Великую Пермь, здесь же упоминается и имя пермского воеводы Бурмата, сражавшегося с войском Пестрого на стенах Искора. Этот герой есть и у Жакова — по сюжету новеллы он также держит осаду Искора от полчищ напавших на город врагов. Однако события, о которых рассказывается в новелле, не имеют никакого отношения к эпохе Ивана III. Жаков выходит за пределы исторической памяти, восстанавливая уже забытую устную традицию. Отсюда подзаголовок новеллы «Чердынское предание», хотя едва ли Жаков имел ввиду определенный фольклорный текст. Иными словами, время царя Кора относится к эпохе, предшествующей истории, эпохе пограничья между мифической эпохой и историческим временем, что характерно для эпических сюжетов.

Спустя пять лет Жаков возвращается к истории Перми-Биармии, но существенно меняет формат текста. Если новелла «Царь Кор» — произведение прозаическое, и только в песнях Вэрморта соблюдается калевальская метрика, то «Бирамия» полностью написана калевальским размером. Для исследователей этот факт нередко становится поводом для обвинения Жакова в подражательности финскому эпосу [24, 317], но это не совсем верно. Конечно, при написании поэмы Жаков ориентировался на «Калевалу» — об этом достаточно убедительно свидетельствует работа О. В. Ведерниковой [4, 92–99], менее заметно влияние скандинавской мифологии, но, как показывает исследование Е. К. Созиной, и оно есть [22, 134–141], тем более если учесть, что сама тема путешествия пермян в Биармию не что иное, как поэтическая инверсия темы путешествий в Биармию викингов в скандинавских сагах. Однако все это только средства для решения одной задачи: показать древний, дохристианский мир коми народа с его бытом, языческими обрядами, мифологией, с выраженной религией природы

и соответствующим общенародным пантеоном богов. Адекватным способом решения этой задачи стало обращение к эпосу как к наиболее архаичной форме героического повествования о событиях древности.

Поэма состоит из 47 глав и отчетливо делится на две части. В первой части (21 глава) рассказывается о путешествии князя-оксоя Джеджим Пармы Яура в Биармию и его женитьбе на биармийской царевне Райде. Вторая часть (26 глав) поэмы полностью посвящена теме культурного обустройства Вычегодской Перми: это, во-первых, воспитание и обучение сына Яура Югыморта, его длительное путешествие на Восток в поисках новых знаний; во-вторых, это культуртрегерская деятельность самого князя Яура и его соратников. Путешествие Яура и его спутников — Вэрморта и Ошпи Лыадорса начинается с холмов Джеджим Пармы — с верховьев Вычегды-Эжвы в предгорьях Тиманского кряжа вниз по Вычегде к месту ее впадения в Северную Двину. Далее от устья Вычегды путешественники продолжают движение уже по территории Биармии. Из песни Вэрморта читатель узнает, что Яур — владетель Джеджим Пармы, ему принадлежат реки Вымь, Эжва-Вычегда, Сыктыв-Сысола, Локчим, а также озера Симты, Сёйты, Донты, Койты. Совокупность этих территорий названа в поэме Пермью, это княжество, которым правит Яур. Вычегодская Пермь в мифопоэтической концепции Жакова является преемницей древнего царства Камской Перми, точнее, ее «верхней земли» с разрушенной (по Жакову) столицей Искором. Яур — внук царя Кора, тогда как Оксор, нынешний царь Биармии, является сыном Рамдая, правителя Биармии времени царя Кора.

Оксой Яур — букв. князь Яур; ср.: оксой — к. *õксы* «князь» / удм. *эксэй* «царь» [19, 211]. Слова *яур* в коми языке нет, можно предположить, что необычные имена правителей Перми — Кор, Редигар, Гариона, Яур — должны, по мысли Жакова, выделить их из подданных, имеющих коми имена. Имена спутников Яура восходят к языку коми и переводятся как Медвежонок из Лыадорса (Ошпи Лыадорса) и Лесной человек (Вэрморт). Вэрморт — необычный персонаж. В новелле «Царь Кор» он — один из приближенных царя Кора, вместе с другими перенесенный птицей Рык из Великой Перми в верховья Вычегды, на холм Джеджим Парма. В поэме он назван «туном-волшебником», музыкантом и «сердцеведом», он — волхв, обладающий древним магическим знанием, и это знание унаследовано им от волхвов древней Камской Перми, прародины жителей Джеджим Пармы. Буквально с первых страниц поэмы читатель видит, как магическое знание Вэрморта поддерживает равновесие в хрупком мире Вычегодской Перми. Имя героя «Лесной человек» в контексте мифопоэтики Жакова также значимо. Следует обратить внимание, что поэма начинается с обращения автора-повествователя к Лесу с просьбой, чтобы он дал ему «песни величавые», научил заклинаниям тунов-волхвов и рассказал историю героев: «Лес мой древний, лес священный... // ...Кто здесь был в веках минувших, // О делах их благородных» [10, 28]. Это обращение не риторическая фигура, в структуре «Биармии» Лес не просто пейзаж, на фоне которого происходит действие, это такой же действующий персонаж, как и герои-люди. Подобное понимание Леса, несомненно, восходит к мифологическим представлениям коми, где Вёр-ва (букв. Лес-вода) — обобщенное понятие

Леса, включающее в себя все, что находится в лесу, вместе с реками, озерами ручьями и существами, которые обитают в нем. Лес сам по себе выглядит как огромное мыслящее живое существо, населенное живыми, разумными «жителями» *вёр-ва олысьяс* — деревьями, животными, духами леса и воды. От того, насколько гармоничной является связь между человеком и обитателями леса, зависит в общем и сама возможность человеческого бытия. В этом смысле Вэрморт, как человек Леса, является и его персонификацией, отсюда его долгожительство — он современник Рамдая, царя Кора и Мичаморта, но все также молод и при их внуках — Райде и Яуре. Вэрморт хранитель и знаток священных знаний древности, тающихся в лесных глубинах.

В свою очередь, источником всех знаний мира является Золотая книга неба, которую читает небесный Бог Енмар. В Золотой книге записаны судьбы всех живых существ на земле, а также историческая судьба мира от его сотворения до эсхатологического завершения в будущем, причем все, что написано в Книге неба, имеет статус закона и не подлежит исправлению. Следит за исполнением законов Золотой книги волшебная птица Рык, пророчески объявляющая людям начало важных событий. Небесная книга Енмара имеет земной аналог, ее автор — *Комиморт* (букв. перевод с коми языка «Коми человек»), в данном случае это собственное имя сказителя. В поэме он назван туном-волшебником, т. е. человеком, который обладает древними магическими знаниями. К нему направляет автора-повествователя волшебный Ворон, посредник между миром повествователя и читателя и миром Леса, мифа. Жаков изображает сказителя как старца (ср. Енмар-старец), который, сидя за столом в «серой» избушке, пишет свою книгу. Можно догадаться, что содержанием книги являются священные сказания древности, в том числе и история Перми — Коми земли. Е. К. Созина отмечает преемственность сказительской традиции, которая передается от бога Енмара к туну-волшебнику Комиморту, а затем и к повествователю, лирическому герою поэмы. Преемственность касается и образа книги, в которую записываются древние сказания: отражением книги Енмара на небесах является книга Комиморта в лесной избушке, сам лирический герой воссоздает в поэме то, что он услышал от древнего сказителя [22, 130]. Отсюда преимущество записанного слова перед памятью народа — именно в книге должны сохраняться сказания. Сказители Жакова *читают* из книги, а не исполняют устно, как это бывает в аутентичных исполнительских традициях. Таким образом, письменная традиция трансляции эпоса имеет законный статус: она санкционирована архетипической книгой небесного Бога и освящена древними сказителями. И литературный эпос самого Жакова является продолжением этой традиции.

Биармия начинается от устья Вычегды-Эжвы. Здесь путешественников встречают первые чудеса этой страны — путь им преграждает огромная голова великана, первого стража Биармии. Это прямая отсылка к сюжету поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», где голова великана также преграждает герою путь в мифическую страну. Отсылка значима: таким образом Жаков вводит финский колдовской миф Пушкина в состав мифопоэтики Севера. Однако, в отличие от пушкинской головы, голова Ягморта сохраняет не только душу-дыхание *лов*,

но и душу орнитоморфного двойника *орта*, журавля — *Тури*, в этом облике имеющего способность путешествовать и даже помогать героям. Стычка с головой Ягморта становится первым испытанием Яура, и мирное решение проблемы — это своего рода экспозиция его дальнейших бескровных подвигов. И действительно, на протяжении всего сюжета поэмы ее герои не совершают убийств — в этом отличие литературного эпоса Жакова от аналогичных поэм. Его поэма подпадает под тип эпического произведения, который британский исследователь эпосов С. М. Боура характеризует как шаманский. В центре внимания такого рода произведений герои, обладающие магическими (шаманскими) способностями, в отличие от героев, совершающих великие подвиги благодаря своим «природным способностям» и «естественному превосходству» — в собственно героической поэзии [3, 5–15]. Герои поэмы Жакова не убивают, они, благодаря своей магии, останавливают, изгоняют врагов или обращают их в друзья. Так, от волшебной игры Вэрморта на домбре и пения заклинаний превращается в камень Рымда, главный воин Биармии, засыпают стражи городских ворот — злые лайки и коты, засыпают жители Кардора, а проснувшись, уже не держат зла на героев. Магическое пение Вэрморта сродни волшебным песням героя «Калевалы» Вяйнямёйнена: последний таким же образом усыпляет жителей Похьёлы при похищении сампо [13, 318], но Похьёла, в отличие от Биармии, становится вражеской страной для героев.

Эпический Кардор располагается в устье Двины, при впадении ее в море: «У студеных волн, покрытых // Бурной пеною прибрежной...» [10, 51], в том самом месте, где теперь находится г. Архангельск. Как известно, в скандинавских сагах нет сведений о биармийских городах. Викинги могут «бросить якорь» у мыса «среди островов Вины» или подняться выше по реке на торжище, которое исследователи соотносят с местом, где позднее был основан г. Холмогоры [5, 322]. Но Жаков намеренно «строит» свою столицу Биармии на месте современного Архангельска, устанавливая преемственную связь города с древним северным царством. Представление о биармийском прошлом Архангельска подчеркивается и топонимом «Кардор» — город, который выступает как наименование столицы Биармии, а не Архангельска². (Ср.: Город как наименование Архангельска: «В сакральной географии Русского Севера только один избранный, отмеченный локус называется Городом и только он один имеет Имя» [23, 34].) Но если Н. М. Теребихин видит сакральность Архангельска в соответствии с реалиями православных святынь, то Город-Кардор жаковской Биармии — это сакральный центр древнего языческого мира, наделенный известными мифопоэтическими реалиями.

Топография Кардора имеет очертания средневекового городища: город возвышается над тундрой, он обнесен земляным валом и тыном. За тыном и валом — ряд кумирниц, среди которых выделяется кумирница Юмалы — небесного бога. Сам бог вырезан из ольхи, но голова его из золота, руки и плечи покрыты серебром.

² Этимология слова «Кардор» такова: коми называли словом «кар» крепость, построенную в 1584 г. в устье Двины, а словом «Кардор» — сам город Архангельск: Кар-дор — букв. «место около крепости» [18, 117].

В городе множество избышек жителей, а в центре возвышается синий терем царя Оксора, сына Рамдая. Мифологический облик Кардору придают его стражи: прикованный медной цепью к столбам возле ворот пес, названный Жаковым «Цербер Севера», и огромный кот, обходящий крепостные стены. Цербер (Кербер) — персонаж греческой мифологии, трехголовый пес, страж Аида, мира умерших. Персонаж Жакова — обычная крупная лайка, наименование Цербер в данном случае скорее нарицательное. Но отсылка к греческой мифологии значима: Жаков включает биармийский миф в теллурический контекст, таким образом подготавливая будущее исчезновение северного царства, его «чуждой» уход (В. В. Абашев) под землю. Кот — тоже далеко не случайный персонаж. Жаков прямо цитирует А. С. Пушкина, немного его перефразируя: «Кот огромный всюду бродит, // Сказки древние проходим // Шепчет в уши о минувшем, // Песнь заводит беспрерывно // Кот сибирский...» [10, 52]. Пушкинский образ Лукоморья уточняется: Жаков представляет его читателю как биармийский текст, включенный в общую северную мифологию. То, что кот — «сибирский», указывает на локус Лукоморья в излучине Оби — то самое место, где на европейских картах XVII в. помещалась статуя Золотой бабы. Сибирь не подчиняется Кардору, в Сибири есть свои царства со своими правителями. Но присутствие «сибирского кота» на стенах Кардора намекает и на связи Биармии с Сибирью.

Взаимосвязи «стран» древнего мира Севера Жаков показывает в сцене свадебного пира Яура и Райды. «Список» гостей князя Перми таков: царь Оксор из Биармии, волшебная птица Каленик и дух Ягморта в виде журавля Тури, вогульский князь Беренделя со свитой, царь Югры Сямдей, самодийский (ненецкий) князь Того-Лого, сибирский царь Бариткула, Кочеморт с Лузы, «кудесник» Лунморт с Сыктыв (Сысолы), Тюреньшей, «волшебник Выми», «прехитрый» Войморт с Вишеры. Эти герои, несмотря на данные им автором характеристики, почти не принимают участия в сюжетных перипетиях поэмы, их вполне можно назвать персонификациями своих локусов. В совокупности все эти герои представляют мир, известный и доступный главным персонажам поэмы. География мира расширяется в связи с путешествиями сына князя Яура — Югьдморта. Прежде всего, Югьдморт заново открывает землю предков — Камскую Пермь с городом Чердынь. Затем, перевалив через Урал, Югьдморт попадает в город Кыштым, служит князю Чору, а затем следует в глубь Сибири в город Некор, главный город царя Бариткулы. Последнее путешествие Югьдморт совершает к Енисею, к тунгусам, и после этого возвращается в Джеджим Парму.

Мотив пути, благодаря которому пространство поэмы постоянно расширяется, имеет для Жакова исключительно важное значение. Герои Жакова выходят в путь не в погоне за приключениями, цель их путешествий всегда одна — поиск новых знаний. Таковы герои его новелл, таковы и герои эпоса. За путешествием князя Яура в Кардор стоит не только его сватовство к биармийской царевне, но и приобщение его самого и его спутников к биармийской культуре. Так, например, после свадебного путешествия Яур учит своих подданных выращивать хлеб, ковать железо. Его сын Югьдморт отправляется в путь, потому что ему не хватает знаний хранителя древней мудрости Леса Вэрморта. География его путешествий

обширна. Он отправляется на историческую родину — в Камскую Пермь и гостит у царя Чердыни, затем пересекает Урал и достигает столицы Сибири — города Некор. Здесь он входит во двор царя Сибири Бариткулы, воюет с остяками, за это царь выдает за него замуж свою дочь Таргитолу. Югидморт совершает еще и путешествие на Енисей, к тунгусам, но главное в том, что он добывает новые знания — вплоть до «древних книг Китая», и только после этого он возвращается на родину, в Джеджим Парму. Этот сюжет не что иное, как еще одна отсылка Жакова к его первой книге «На Север. В поисках за Памом Бурмортом», к образам странствующих в поисках знаний Пама Бурморты и автора-героя Жакова. Однако хронологически путешествие Югидморты им предшествует, т. е. в мифопоэтике Жакова оно является первым приращением языческого знания. Соответственно, выстраивается ряд знатоков языческого учения, на первом месте — Вэрморт (Лесной), как носитель чистого языческого знания Перми, на втором — Югидморт (Светлый), включивший в мифологию Биармии-Перми знания Сибири и Китая, на третьем — Пам Бурморт (Пам Добрый), соединивший пермскую религию с учением индийской философии о Брахме-Брахмане, и, наконец, сам Жаков-Гараморт, наследник языческих учений, позиционирующий разработанную им философию лимитизма как синтез всех религий, наук и философии.

Таким образом, творчество Жакова, по крайней мере в его части, посвященной репрезентации северного языческого мира, можно представить как единый текст, обусловленный мифопоэтической рефлексией автора. Автор и сам включен в текст, причем на правах не только обладающего памятью о прошлом, но и в какой-то мере творца этого прошлого, а также и пророка, которому открыты видения будущих времен. Структурно этот текст имеет вид динамичной, внутренне гармонизированной системы, цельность которой определяется авторской задачей восстановить в максимальной полноте языческий метатекст, который сам Жаков называл «северным эпосом». Под «северным эпосом» Жаков понимал некий протоэпос, «пережитки» которого он обнаруживал в структуре эпических произведений северных народов: калевальских рунах, скандинавских сагах, части русских былин, коми преданиях. В заключение можно сказать, что поэма «Биармия», написанная калевальской метрикой и содержащая реминисценции из скандинавских саг, русского фольклора и коми мифологии, судя по всему, задумывалась как ось реконструируемого «северного эпоса», эксплицировавшая наиболее древний хронотоп языческого мира, равный золотому веку. От этой оси, как лучи, расходятся сюжеты жаковских новелл, раскрывающие развитие и угасание языческого мира, его историческую «встречу» с христианством и имплицативное бытие в недрах нового мира.

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*. М., 1975. С. 234–407.

2. Бахтин М. М. *Автор и герой в эстетической деятельности (фрагмент первой главы)* // Бахтин М. М. *Литературно-критические статьи*. М., 1986. С. 5–25.

3. Боура С. М. *Героическая поэзия*. М., 2002. 792 с.

4. *Ведерникова О. В.* «Калевала» и «Биармия»: сопоставительный аспект // Тайё сьылём — коми олём / В этой песне коми жизнь : сб. тр. об основоположниках коми литературы. Сыктывкар, 2008. С. 92–99.
5. *Головнев А. В.* Антропология движения. Екатеринбург, 2009. 496 с.
6. *Жаков К. Ф.* Языческое мирозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. № 3. С. 63–84.
7. *Жаков К. Ф.* О методах изучения северного народного эпоса // Научное обозрение. 1911. № 41. С. 1226.
8. *Жаков К. Ф.* Лимитизм. Рига, 1929. 225 с.
9. *Жаков К. Ф.* Царь Кор // Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990. С. 439–457.
10. *Жаков К. Ф.* Биармия. Сыктывкар, 1993. С. 27–185.
11. *Ковальчук С. Н.* Биармия — место встречи К. Жакова и Я. Райниса // Арт. 2016. № 2. С. 136–137.
12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. VIII, Т. 12. 266 с.
13. *Лёнпрот Э.* Калевала. Петрозаводск, 1985. 383 с.
14. *Лимеров П. Ф.* Поиски литературной идентичности: языческий миф в творчестве К. Ф. Жакова // Человек. Культура. Образование. 2015. № 4. С. 45–62.
15. *Лимеров П. Ф., Созина Е. К.* Поэтическая мифология Каллистрата Жакова в культурно-философском контексте // Вестн. УдГУ. 2013. № 4. С. 147–157.
16. *Лимеров П. Ф., Созина Е. К.* «Биармия» Каллистрата Жакова как реконструкция северного эпоса // Урал. ист. вестн. 2014. № 3. С. 29–39.
17. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. 360 с.
18. *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 413–447.
19. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
20. *Мельникова Е. А.* Тема пира и дихотомия героического мира англосаксонского эпоса // Литература в контексте культуры. М., 1986. С. 16–30.
21. *Микушев А. К.* Коми «Калевала» // Жаков К. Ф. Биармия. Сыктывкар, 1993. С. 5–25.
22. *Созина Е. К.* Книга К. Ф. Жакова «Биармия» в контексте мифотворчества писателя // Арт. 2009. № 4. С. 134–141.
23. *Теребихин Н. М.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004. 272 с.
24. *Терюков А. И.* История этнографического изучения народов коми. СПб., 2011. 514 с.
25. *Тиандер К. Ф.* Поездки скандинавов на Белое море. СПб., 1906. 450 с.
26. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1. С. 318–381.

Статья поступила в редакцию 11.06.2018 г.

**ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ
АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА
(книга стихотворений «Камень»)***

В статье рассматриваются проблемы поэтического познания и его выражения, определяется макроструктура авторского словаря языка О. Э. Мандельштама (на материале книги стихотворений «Камень»), параметризуется микроструктура словаря, осмысляются и описываются теоретические и методологические основы создания авторского идеографического словаря поэта. Разрабатывается потекстовый (текстово-гнездовой) способ расположения словарных статей. Поэтическая идеография как метод лингвистического и филологического изучения лексики, текстовой семантики и индивидуально-авторской картины мира производится в русле фундаментальных и прикладных исследований уральской семантической школы. Метод поэтической идеографии опирается, с одной стороны, на семантические исследования лексического тезауруса стихотворения, а с другой — на теорию и практику идеографической лексикографии. Устанавливается полная структура словарной статьи авторского словаря с учетом лексикографических, лингвистических, семантических, функциональных и идеографических параметров поэтического слова и лексических объединений, групп и классов слов. Моделируется и составляется семантическая, функционально-денотативная и идеографическая карты (сценарии) стихотворения «Дано мне тело — что мне делать с ним...». Идеографическая карта стихотворения является итоговой частью авторского словаря языка О. Э. Мандельштама книги стихотворений «Камень». Делаются выводы о том, что метод поэтической идеографии позволяет выявить функционально-денотативную и семантическую специфику поэтического слова. Моделирование семантического, функционально-денотативного и идеографического сценария (карты) стихотворения позволяет выявлять языковую, текстовую и концептуальную картину мира, запечатленную в книге О. Э. Мандельштама «Камень» (первой книге стихотворений одного из крупнейших поэтов XX в.).

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэтическая идеография; авторский идеографический словарь; семантическая, функционально-денотативная, идеографическая карты стихотворения; словарная статья; микроструктура авторского идеографического словаря; поэтическое познание.

Данная работа является продолжением цикла статей, посвященных исследованию семантической организации поэтического текста (далее — ПТ), изучению поэтолекта О. Э. Мандельштама и репрезентации этапов создания авторского

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

ГЛАЗЫРИН Вячеслав Александрович — магистрант Уральского федерального университета (e-mail: glazyrinslava@bk.ru).

КАЗАРИН Юрий Викторович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка, прикладной лингвистики и текстологии Уральского федерального университета (e-mail: said55@ya.ru).

© Глазырин В. А., Казарин Ю. В., 2018

идеографического словаря языка Осипа Манделштама на материале книги «Камень» [2, 25]. В предыдущих работах были осмыслены, описаны и разработаны теоретические и методологические основы создания идеографического словаря языка поэта. Поэтическая лексикография (термин Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина) как лексикографический метод является частью общей литературно-художественной идеографии (в сфере авторской лексикографии). Существование поэтической идеографии как метода определяется наличием нескольких групп факторов гносеологического, лингвистического, лингвокультурного и лексикографического характера. Прежде всего следует отметить, что метод литературно-художественной идеографии [1, 27] применяется к тексту, который является результатом особого вида познания — познания поэтического [6, 14], направленного на этико-эстетическое освоение устойчивых предметов, связанных с основным объектом поэтического познания — с невыразимым. Данные предметы [5, 69] представляют собой конститутивные сущности бытия, такие как жизнь, смерть, любовь, душа, Дух, Бог, время, вечность, пространство, бесконечность, мироздание и др. Наличие в культуре словесности многих уникальных поэтолектов определяет необходимость их изучения и лексикографического описания различных аспектов единиц ПТ, в частности, единиц лексических. Создание авторского идеографического словаря — это объективная необходимость: такой словарь содержит в себе не только количественные и формальные характеристики единиц ПТ (в данном случае — лексем), но и отражает, репрезентирует и интерпретирует содержательные аспекты слова: его семантику, функции, денотативную тематику и идеографическую специфику слова как единицы одновременно и авторского, и национального лексикона.

В предыдущих работах нами были описаны типологические признаки авторских словарей с опорой на классификацию Л. Л. Шестаковой [8, 53], выявлена системно-структурная специфика авторского словаря: его макро- и микро-структура [2, 27], а также была разработана и апробирована словарная статья авторского словаря языка О. Э. Манделштама на материале его книги «Камень» [Там же].

Словарная статья идеографического словаря языка поэта представляет собой систему, единство разнородных характеристик, качеств и свойств слова/лексемы/словоформы, функционирующей в том или ином ПТ. Данная статья содержит в себе следующие параметры:

1. Заглавная единица.
2. Контекстная словоформа.
3. Грамматическая информация.
4. Стилистическая характеристика.
5. Словарное (лексическое) значение слова.
6. Контекстное значение.
7. Идеографический анализ слова.
8. Семантическая карта стихотворения.
9. Функционально-денотативная карта стихотворения.
10. Идеографическая карта стихотворения.

Следует отметить, что расположение лексического/лексикографического материала в авторском словаре производится не в алфавитном, а в текстово-гнездовом, или потекстовом, порядке. Таким образом, словарная статья авторского словаря имеет следующую структуру: 1. Формально-грамматическая информация (блок-1: пункты 1, 2, 3); 2. Стилистическая информация (блок-2: пункт 4); 3. Лексико-семантическая информация (блок-3: пункты 5, 6); 4. Идеографическая информация (блок-4: пункты 7, 8, 9, 10). Нужно отметить, что каждая словарная статья включает в себя текст стихотворения, за которым следуют вокабула (лексема) и 4 блока лингво-текстовой информации. Таким образом, в авторском идеографическом словаре О. Э. Мандельштама (книга «Камень») содержится 79 словарных статей — по числу стихотворений, составляющих книгу (79 стихотворений).

Представим в качестве примера одну из словарных статей (стихотворение «Дано мне тело — что мне делать с ним...») авторского словаря О. Мандельштама.

Словарная статья авторского идеографического словаря О. Э. Мандельштама (книга «Камень»)

*Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить,
Кого, скажите, мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пусть мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть!*

1909

Давать/дать — (дано [мне] — кратк. прич. прошед. врем.) — 3. Наделить кого-л. какими-л. способностями, возможностями и т. п. → Наделить человека [телом];

4.1.1. Человек как живое существо — Человек как живой организм — Форма и строение организма человека;

10.1. Сверхъестественное — Сверхъестественное явление;

11.7.2. Общественно-государственная сфера — Религия — Объект религиозного поклонения;

15.1.1.1. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Начало бытия, существования, действия — Начальная фаза бытия, существования.

Тело, -а, ср. р. — (тело — вин. пад., ед. числ.) — 2. Организм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях → Организм человека [как творение];

4.1.1. Человек как живое существо — Человек как живой организм — Форма и строение организма человека;

10.1. Сверхъестественное — Сверхъестественное явление;

15.1.2.1. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Собственно бытие.

Делать/сделать — (делать [с ним]) — 3. Поступать, действовать каким-л. образом → Поступать, действовать, [жить];

15.1.2.2. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Бытие-существование в определенном времени и пространстве.

Единый, -ая, -ое; един, -а, -о — (единым — тв. пад., ед. числ.) — 1. Целостный, нераздельный; сплоченный. / 3. Один, единственный → Целостный, завершённый // единственный, уникальный;

15.2.9.1. Универсальные представления и смыслы — Универсальные смыслы — Завершённость (целостность)/незавершённость — Завершённость, целостность;

15.2.5.2. Универсальные представления и смыслы — Универсальные смыслы — Обычность/исключительность — Исключительность.

Радость, -и, ж. р. — (радость [тихую] [дышать и жить] — вин. пад., ед. числ.) — 1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. / 2. То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, даёт счастье [это значение актуализировано контекстом «радость <...> дышать и жить»];

8.1.1.3.1. Человек и его внутренний мир — Эмоции — Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций — Радость-грусть — Радость;

15.1.2.2. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Бытие-существование в определенном времени и пространстве.

Тихий, -ая, -ое; тих, -а, -о — (тихую — вин. пад., ед. числ.) — 5. Без значительных событий, неприятных происшествий, без волнений и тревог, безмятежный → Неинтенсивный, спокойный;

15.2.7.2. Универсальные представления и смыслы — Универсальные смыслы — Интенсивность/неинтенсивность — Неинтенсивность.

Дышать — 1. Вбирать и выпускать легкими воздух, делать вдохи и выдохи;

4.1.2. Человек как живое существо — Человека как живой организм — Физиологические состояния и процессы, характерные для человека.

Жить/прожить — 1. Существовать, быть живым;

15.1.2.2. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Бытие-существование в определенном времени и пространстве.

Благодарить/поблагодарить — (благодарить [кого]) — Выражать благодарность → Выражать благодарность, восхищение [творением];

9.2.2. Язык и речь — Речь — Речевое сообщение;

8.1.1.7.2. Человек и его внутренний мир — Эмоции — Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций — Общие понятия, связанные с эмоциями — Одобрение/неодобрение — Восхищение.

8.1.2.2.1. Человек и его внутренний мир — Эмоции — Особенности протекания и проявления эмоций в речи — Внешние проявления эмоций в речи, поведении, мимике, жестах — Проявление эмоций в речи.

Садовник, -а, м. р. — ([я] садовник — им. пад., ед. числ.) — Специалист по уходу за садом и выращиванию садовых растений → Человек как творец;

11.12.10. Общественно-государственная сфера — Сельское хозяйство — Человек в сфере сельского хозяйства;

11.7.2. Общественно-государственная сфера — Религия — объект религиозного поклонения;

11.8.7.1. Общественно-государственная сфера — Искусство — Человек в сфере искусства — Автор художественного произведения.

Цветок, -а, м. р. — ([я] цветок — им. пад., ед. числ.) — 1. Часть растения; орган размножения, обычно имеющий вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками → Человек как творение;

3.1.1. Живая природа — Растительный мир — Общие понятия, связанные с растениями;

11.7.3. Общественно-государственная сфера — Религия — Догмат;

11.8.3. Общественно-государственная сфера — Искусство — Создание произведений искусства.

Темница, -ы, ж. р. — (в темнице [мира] — предл. пад., ед. числ.) — Место заключения, тюрьма → Место заключения, клеть, пространство, ограничивающее физическое существование человека;

14.7.2. Восприятие окружающего мира — Пространство — Часть пространства;

8.2.1. Человек и его внутренний мир — Оценка — Общая оценка.

Мир, -а, м. р. — ([в темнице] мира — род. пад., ед. числ.) — 1. Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве → Все космическое пространство;

14.7.1. Восприятие окружающего мира — Пространство — Тип пространства.

Одинокий, -ая, -ое; -нок, -а, -о — ([я не] одинок — кратк. прил., м. р., ед. числ.) — 2. Имеющий мало общего с окружающими, чуждый им, далекий от них → Не чуждый другим людям / неединственный;

8.1.1.6.1. Человек и его внутренний мир — Эмоции — Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций — Дружелюбие-одинокчество — Дружелюбие.

Стекло, -а, ср. р. — (на стекла [вечности] — вин. пад., мн. числ.) — 2. Изделие из этого материала (1. Твердый, достаточной прочности и разной степени прозрачности материал, получаемый при остывании сплава кварцевого песка с некоторыми другими веществами), предмет → Изделие из этого материала / метафорическая номинация жизни (на стекла вечности легло дыхание и тепло);

15.1.2.1. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Собственно бытие.

Вечность, -и, ж. р. — ([стекла] вечности — род. пад., ед. числ.) — 2. Течение времени, не имеющее ни начала ни конца → Промежуток времени от сотворения мира до его возможного конца;

14.8.2. Восприятие окружающего мира — Время — Промежуток времени и единицы измерения времени.

Ложиться/лечь — (легло — прош. врем., ср. род.) — 3. Распространиться по поверхности, покрыть собой что-л. → Распространиться по поверхности // являться доказательством бытия;

12.3.4.1. Конкретная физическая деятельность — Помещение — Покрытие объекта — Собственно покрытие объекта;

15.1.2.1. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Собственно бытие.

Дыхание, -я, ср. р. — ([мое] дыхание — им. пад., ед. числ.) — 1. Вбирание и выпускание воздуха легкими или (у некоторых животных) иными соответствующими органами как процесс поглощения кислорода и выделения углекислого газа живыми организмами → 1. Влага, как результат выпуска горячего воздуха на охлажденное стекло. 2. Жизнь человека. 3. Произведения искусства, созданные творцом-поэтом;

11.8.0. Общественно-государственная сфера — Искусство — Поэзия;

15.1.2.2. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Бытие-существование в определенном времени и пространстве;

4.1.2. Человек как живое существо — Человек как живой организм — Физиологические состояния и процессы, характерные для человека.

Тепло, -а, ср. р. — ([мое] тепло — им. пад., ед. числ.) — 3. Теплый воздух, исходящий от нагретого, горячего предмета;

15.1.2.2. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Бытие-существование в определенном времени и пространстве;

4.1.2. Человек как живое существо — Человек как живой организм — Физиологические состояния и процессы, характерные для человека.

Запечатлевать/запечатлеть — (запечатлется — возвр.) — 1. Передать, воплотить в произведении искусства, рисунке, фотографии и т. п. → Передать, воплотить;

11.8.3. Общественно-государственная сфера — Искусство — Создание произведений искусства;

15.1.2.2. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Бытие-существование в определенном времени и пространстве.

Узор, -а, м. р. — 1. Рисунок, представляющий собой определенные переплетения линий, фигур, сочетание красок и т. п. → Метафорическая номинация влаги на запотевшем стекле;

2.5. Вещества и материалы — Жидкие вещества;

15.1.2.2. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Бытие-существование в определенном времени и пространстве;

11.8.3. Общественно-государственная сфера — Искусство — Создание произведений искусства.

Узнавать/узнать — (неузнаваемый — страд. прич. наст. врем., муж. р., ед. число) — 5. Обнаружить в ком-л. кого-л. знакомого или в чем-л. что-л. знакомое. → Не обнаружить знакомые черты, не осознать сходство;

8.3.5.4.1. Человек и его внутренний мир — Интеллект — Понимание — Процессы понимания и их результат.

Недавний, -ая, -ее — (с недавних [пор] — род. пад., мн. числ.) — 2. Существующий еще немного времени, возникший незадолго до настоящего момента;

14.8.4. Восприятие окружающего мира — Время — Время относительно момента речи.

Пора, -ы, ж. р. — ([с недавних] пор — род. пад., мн. числ.) — Время, период; какой-либо определенный момент, период для чего-либо;

14.8.4. Восприятие окружающего мира — Время — Время относительно момента речи.

Мгновение, -я, ср. р. — (мгновения — род. пад., ед. числ.) — Очень короткий промежуток времени; миг, момент. → Текущий момент времени, противопоставленный вечности;

14.8.4. Восприятие окружающего мира — Время — Время относительно момента речи.

Стекать/стечь — Переместиться вниз, сбегать (о жидкости);

Конкретная физическая деятельность — Движение — Направленное движение — движение, ориентированное относительно конечного пункта.

Муть, -и, ж. р. — ([мгновения] муть — им. пад., ед. числ.) — 1. Мелкие, нерастворимые частицы, находящиеся в жидкости и лишаящие ее прозрачности; осадок из таких частиц;

2.5. Вещества и материалы — Жидкие вещества.

Узор, -а, м. р. — (узора [милого] — вин. пад., ед. числ.) — 1. Рисунок, представляющий собой определенные переплетения линий, фигур, сочетание красок и т. п.;

15.1.2.2. Универсальные представления, смыслы и отношения — Универсальные представления — Существование — Бытие-существование в определенном времени и пространстве;

11.8. Общественно-государственная сфера — Искусство.

Милый, -ая, -ое; мил, -а, -о, милы — ([узора] милого — род. пад., ед. числ.) — 3. Близкий сердцу, родной;

8.2.1. Человек и его внутренний мир — Оценка — Общая оценка.

Зачеркивать/зачеркнуть — ([узора] не зачеркнуть) — 1. Провести черту или ряд черт, уничтожая написанное, изображенное. → Не уничтожать созданное;

Конкретная физическая деятельность — Созидательная деятельность — Сохранение объекта.

Последние три параметра словарной статьи вполне адекватны следующей логической модели, показывающей уровни идеографии поэтического слова в движении от языковой картины мира к текстовой (поэтической, художественной) картине мира и — далее — к глубинному уровню, идеографической специфике слова/текста — к концептуальной картине мира, отображенной в тексте стихотворения и в сознании поэта и читателя.

Выявим и рассмотрим семантико-функциональную и идеографическую специфику лексики, функционирующей в данном стихотворении.

Стихотворение написано пятистопным ямбом (элегический, устойчивый, жанрово обусловленный размер) и состоит из 6 двустиший (с парными рифмами), рифмы — мужские, что создает особую тональность, «суровый», «мужской» тон, «голос» и интонацию. В стихотворении реализован богатый поэтический ритм (по теории ритма А. Белого [4, 410]), обусловленный наличием в тексте трех

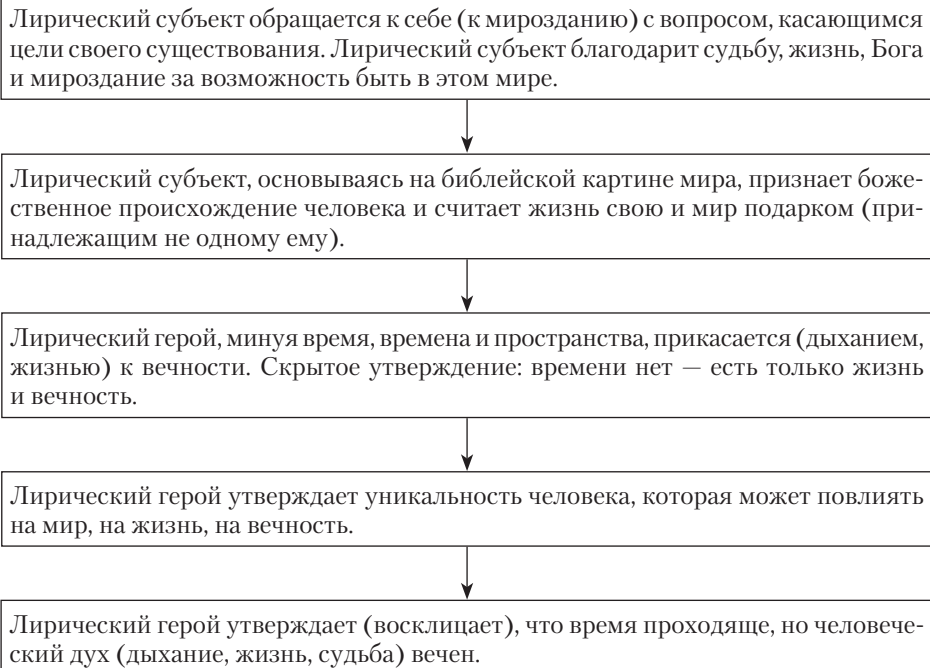
спондеев («Я и садовник...», «Мое дыхание, мое тело»), замедляющих ритм, и 13 пиррихий («единым и», «тихую», «благодарить», «и садовник», «не одинок», «вечности», уже легло», «дыхание», «запечатлеется», «неузнаваемый», «мгновения», «милого», «не зачеркнуть»), которые способствуют ускорению ритма [3, 32]. Итак, в тексте 3 замедления и 13 ускорений ритма, что соответствует теме (размышления о бренности человеческого существования, о времени, о судьбе, о Боге и т. д.), а также особой, отчетливой музыкальности и просодии ПТ, представляющего собой элегию.

Общий комплекс контекстных значений лексики данного стихотворения выражает ситуацию неоднородного характера. Текст представляет собой монолог человека-поэта, осознавшего свою причастность к Главному (к Невыразимому), что организует мир и позволяет ему быть вечным.

Два первые двустишия выражают риторический (комплексный) вопрос, адресованный мирозданию, вечности, Богу. Четыре последующие строфы являются монологом. Вопросы, которые задает поэт, не имеют ответа. Но в последующих строфах поэт сам отвечает на свои вопросы. Данный ПТ есть диалог поэта с самим собой.

Семантическая карта (отображающая языковую картину мира в стихотворении) данного ПТ представляет собою линейное (не иерархическое) схематическое отражение движения лексической контекстной семантики, отражающей прежде всего лирическую фабулу (и сюжет) стихотворения.

Семантическая карта стихотворения

Таков семантический сценарий стихотворения, который развивается по логической схеме: цель существования поэта/человека → оправдана божественным происхождением человека/поэта → поэтому жизнь — дар → поэтому времени нет, есть только вечный дар жизни и вечности → человек/поэт уникален → и поэтому он вечен.

Функционально-денотативная карта стихотворения отражает текстовую/художественную/поэтическую картину мира. В тексте выделяются слова, входящие в различные функционально-денотативные (тематические) группы (далее — ФДГ). Системные отношения и пересекаемость данных групп составляют функционально-денотативную карту стихотворения. Перечислим данные группы.

Функционально-денотативная карта стихотворения

1. ФДГ лексики со значением «форма и строение организма человека» («дано (мне)», «тело»).
2. ФДГ лексики со значением эмоций («радость», «благодарить»).
3. ФДГ лексики со значением исключительности («единый»).
4. ФДГ лексики со значением неинтенсивности («тихий»).
5. ФДГ лексики со значением «физиологические состояния и процессы, характерные для человека» («дышать»).
6. ФДГ лексики со значением «бытие-существование в определенном времени и пространстве» («жить»).
7. ФДГ лексики со значением «человек в сфере искусства» («садовник»).
8. ФДГ лексики со значением «создание произведений искусства» («цветок»).
9. ФДГ лексики со значением «часть пространства» («темница»).
10. ФДГ лексики со значением «все космическое пространство» («мир»).
11. ФДГ лексики со значением «неединственный» («одинокий»).
12. ФДГ лексики со значением «собственно бытие».
13. ФДГ лексики со значением «промежуток времени» («вечность»).
14. ФДГ лексики со значением «собственно бытие» («ложиться»).
15. ФДГ лексики со значением «физиологические состояния и процессы, характерные для человека» («дыхание»).
16. ФДГ лексики со значением «бытие-существование в определенном времени и пространстве» («тепло»).
17. ФДГ лексики со значением «бытие-существование в определенном времени и пространстве» («запечатлеть»).
18. ФДГ лексики со значением «бытие-существование в определенном времени и пространстве» («узор»).
19. ФДГ лексики со значением «процессы понимания и их результат» («узнавать»).
20. ФДГ лексики со значением «существующий еще немного времени, возникший незадолго до настоящего момента» («недавний»).

21. ФДГ лексики со значением «время относительно момента речи» («пора», «мгновение»).

22. ФДГ лексики со значением «направленное движение, ориентированное относительно конечного пункта» («стекать»).

23. ФДГ лексики со значением «бытие-существование в определенном времени и пространстве» («узор»).

24. ФДГ лексики со значением «общая оценка» («милый»).

25. ФДГ лексики со значением «сохранение объекта» («не зачеркнуть»).

Высокая степень пересекаемости наблюдается в ФДГ «бытие-существование», «время», «эмоции» и в группах, связанных с семантикой денотата «человек». Доминирует ФДГ лексики со значением «бытие-существование в определенном времени и пространстве» (6 единиц). Остальные группы представлены одной или двумя единицами.

Идеографическая карта стихотворения

Идеографическая классификация лексики данного текста производилась с использованием проспекта «Универсального идеографического словаря русского языка» под общей редакцией Л. Г. Бабенко [7, 22–42]. Лексика была распределена по денотативно-идеографическим группам, входящим в указанные ниже сферы:

- Человек как живое существо («давать», «тело», «дышать», «дыхание»).
- Человек и его внутренний мир («радость», «благодарить», «темница», «одинокий», «узнавать», «милый»).
- Восприятие окружающего мира («темница», «мир», «вечность», «недавний», «пора», «мгновение»).
- Универсальные представления, смыслы и отношения («давать», «тело», «делать», «единый», «радость», «тихий», «жить», «стекло», «ложиться», «дыхание», «тепло», «запечатлевать», «узор»).
- Общественно-государственная сфера («садовник», «цветок», «дыхание», «запечатлевать», «узор»).
- Конкретно-физическая деятельность («дышать», «стекать», «зачеркивать»).

Следует отметить высокую степень пересекаемости функционально-денотативных, идеографических сфер: так, многие слова (например, «дышать», «узор», «тело», «темница» и др.) функционируют в разных идеографических сферах.

В этом стихотворении доминируют такие сферы, как «Человек как живое существо», «Человек и его внутренний мир», «Восприятие окружающего мира», «Универсальные представления, смыслы и отношения», — всего 4 сферы, остальные 2 сферы составляют приядерную зону данной системы. Идеографическая карта показывает качество смысловой и концептуальной специфики стихотворения: в данном случае рассматриваемый текст есть результат познания онтологических сущностей, предметов и т. п., которые можно объединить понятием «невыразимое». Человек/поэт и вечность — вот основная смысловая и концептуальная оппозиция, которая находится в основе данной языковой, поэтической (текстовой) и концептуальной картины мира. Движение исследования ПТ

от языка к функциям, от функций — к идеям вполне соответствует специфике любого естественного процесса познания. О. Э. Мандельштам познает в этом стихотворении не себя и не мир, но — вечность.

Естественно, данная словарная статья авторского идеографического словаря (работа над которым продолжается 3 года) представлена не в окончательном виде: процесс создания указанного словаря внесет и в форму, и в структуру, и в содержание словарной статьи определенные изменения. По сути своей такой словарь (лингвотекстовый, идеографический) является также интерпретационным.

Моделирование семантического, функционально-денотативного и идеографического сценария стихотворения позволяет более объективно выявлять языковую, текстовую и концептуальную картину мира, запечатленную в книге О. Э. Мандельштама «Камень».

1. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. Москва ; Екатеринбург, 2004. 464 с.

2. *Глазырин В. А., Казарин Ю. В.* Авторский идеографический словарь (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень») // Лексикография и коммуникация — 2017 : сб. материалов III Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 27–28 апр. 2017 г.) / отв. ред. А. П. Седых. Белгород, 2017.

3. *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975.

4. *Казарин Ю. В.* Антропологические основы литературной деятельности : [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2016. 132 с.

5. *Казарин Ю. В.* Внутренний мир и миры Бориса Рыжого. М., 2018. 234 с.

6. *Казарин Ю. В.* Филологический анализ поэтического текста. Екатеринбург, 2004. 432 с.

7. Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва ; Екатеринбург, 2015. 208 с.

8. *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М., 2011. 464 с.

Статья поступила в редакцию 06.05.2018 г.

УРАЛЬСКИЙ ФОРУМ ПСИХОЛОГОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР И СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ

5–6 апреля 2018 г. в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина впервые состоялся Уральский форум психологов государственных структур и силовых ведомств. Форум стал масштабным мероприятием как по числу (более 300 чел.) и географии участников (от Санкт-Петербурга до Владивостока), так и по количеству организаций, которые приняли участие в подготовке и проведении форума. В качестве организаторов мероприятия выступили Уральский федеральный университет, Уральский филиал Центра экстренной психологической помощи МЧС России, Главное управление МЧС России по Свердловской области, Центральный военный округ, Екатеринбургское суворовское военное училище, Главное управление ФСИН по Свердловской области, Уральское таможенное управление, Уральский юридический институт МВД России, Уральский региональный научный центр РАО и Свердловское отделение РПО.

Психологические аспекты экстремальных и кризисных ситуаций — относительно новая область психологической науки и практики, все больше привлекающая внимание исследователей. Однако сложность представляет интеграция научных результатов и практического опыта специалистов экстремального профиля. В целях обмена опытом между учеными и практиками в рамках форума была проведена Всероссийская научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии»**, включающая одно пленарное и 5 секционных заседаний, 12 мастер-классов и 3 открытые лекции.

Доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, были посвящены обучению и профессиональному развитию сотрудников силовых структур, специфике подготовки психологов, сопровождающих таких специалистов, особенностям формирования волонтерских центров и добровольческих отрядов. На секционных заседаниях обсуждались проблемы безопасности личности, обеспечения профессиональной надежности специалистов силовых структур, визуальной диагностики в работе таких специалистов. Одна из секций была посвящена психологии травмы и феномену трудной жизненной ситуации.

Некоторые результаты научных исследований, озвученные на пленарном и секционных заседаниях конференции, оформлены в виде статей и представлены в данном разделе.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Эмоционально-личностное благополучие сотрудника играет важную роль при выполнении любого вида деятельности, но особенно — деятельности экстремального профиля. Для специалистов силовых ведомств, чья профессиональная деятельность характеризуется наличием мощных стрессогенных факторов, эмоционально-личностное благополучие является одним из предикторов ее эффективности, поскольку тесно связано с их психологическими особенностями и профессионально важными качествами. В статье представлены результаты исследования эмоционально-личностного благополучия спасателей, а также психологических качеств эмоционального, поведенческого и личностного регистра.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эмоционально-личностное благополучие; специалисты силовых структур; адаптация; профессиональное выгорание; риск; тип личности.

Деятельность специалистов силовых структур характеризуется повышенной сложностью, напряженностью и многозадачностью, что предъявляет особые требования к их актуальному психоэмоциональному состоянию, индивидуальным характеристикам и личностным качествам. Особую роль в поддержании оптимального психологического состояния личного состава играет эмоционально-личностное благополучие.

Эмоционально-личностное благополучие — это целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека. Результатом снижения уровня такой гармонии является переживание состояния эмоционально-личностного неблагополучия [4, 102]. Конструкт «эмоционально-личностное благополучие» включает 9 параметров (счастье, успех, пессимизм, везение, компетентность, несчастливость, оптимизм, надежность, зависть), выделенных эмпирическим путем, описанных на основе анализа литературы, преобразованных в моношкалы и сгруппированных в три компонента эмоционально-личностного благополучия для изучения его *самооценки* (счастливый, везучий, оптимист — позитивный эмоциональный компонент благополучия; успешный, компетентный, надежный — позитивный личностный компонент благополучия; пессимист, несчастливый, завистливый — негативный компонент (компонент неблагополучия)) [Там же, 103]. С опорой на данный конструкт была разработана исследовательская методика для изучения эмоционально-личностного благополучия человека на основе

КАРАПЕТЯН Лариса Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета, начальник Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России, г. Екатеринбург (e-mail: karapetyanl@mail.ru).

© Карапетян Л. В., 2018

его самооценки — «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ) [4, 106]. Согласно инструкции, испытуемым предлагалось по семибальной шкале оценить себя в настоящий момент, используя 9 моношкал (табл. 1).

Таблица 1

Образец заполнения таблицы по методике СЭЛБ

№ п/п	Моношкала	1	2	3	4	5	6	7
		Совершенно точно нет	Нет	Скорее нет	Трудно сказать, 50 на 50	Скорее да	Да	Совершенно точно да
1	Счастливый	+						
2	Успешный	+						
3	Пессимист					+		
4	Везучий	+						
5	Компетентный					+		
6	Несчастливый					+		
7	Оптимист	+						
8	Надежный					+		
9	Завистливый	+						

Наряду с оценками по отдельным моношкалам, вычислялись суммарные оценки по каждому из трех компонентов: А — индикатор эмоционального благополучия; В — индикатор личностного благополучия; С — индикатор неблагополучия; (А + В) — суммарный показатель эмоционального и личностного благополучия; (А – В) — разность между индикаторами эмоционального и личностного благополучия (позволяет увидеть соотношение между выраженностью эмоционального и личностного компонентов благополучия и определить его величину); (А + В – С) — индекс эмоционально-личностного благополучия (общая оценка по суммарным позитивным и негативным моношкалам).

Материалы и методы. В исследовании приняло участие 353 человека из силовых ведомств РФ, а именно: 55 специалистов МЧС России (МЧС), 98 представителей Министерства обороны (МО) и 200 сотрудников Министерства внутренних дел (МВД). Из них 92 женщины, 261 мужчина, все испытуемые преимущественно молодого возраста (до 30 лет), со средним (35,57 %), средним профессиональным (29,87 %), незаконченным высшим (6,71 %) и высшим (27,52 %) образованием. В качестве группы сравнения при выполнении отдельных методик выступали выборки разного объема, состоящие из представителей профессий несилового формата (врачи, педагоги, психологи, студенты, ИТР, рабочие предприятий, менеджеры). Для оценки актуального психологического состояния была использована методика «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ) Г. А. Готовой, Л. В. Карапетян; для выявления психологических особенностей эмоционального спектра применялись методики «Социально-психологическая

адаптация» (СПА) К. Роджерса, Р. Даймонда, «Профессиональное выгорание» (ПВ) К. Маслач, Н. Е. Водопьяновой, для диагностики поведенческих особенностей использовался опросник на выявление склонности к риску Г. Шуберга (RSK), для исследования личностных особенностей – типологическая методика К. Бриггс, И. Майерс (МВТИ F) и опросник 16-PF Р. Кеттелла (форма А). Сравнительный анализ проводился с помощью непараметрического критерия Колмогорова – Смирнова.

Результаты. Согласно данным, полученным по методике СЭЛБ, представители силового блока ($n = 353$) выше, чем респонденты группы сравнения ($n = 1931$), оценивают свое эмоционально-личностное благополучие, считая себя достоверно более счастливыми, везучими, оптимистичными, успешными, компетентными и надежными, при этом индекс СЭЛБ в выборке представителей силовых структур также достоверно выше, чем в группе сравнения (табл. 2).

Таблица 2

**Достоверность различий в выраженности параметров
эмоционально-личностного благополучия
у специалистов силовых ведомств в целом и группы сравнения**

Компонент	Параметры методики СЭЛБ	Группа сравнения	Представители силовых ведомств	<i>P</i>
А	Счастливый	4,64	5,55	,000
	Везучий	4,38	5,14	,000
	Оптимист	5,28	5,56	,002
В	Успешный	4,40	5,29	,000
	Компетентный	4,83	5,35	,000
	Надежный	5,67	5,93	,000
С	Пессимист	2,29	2,32	,099
	Несчастливый	2,12	1,80	,000
	Завистливый	1,59	1,78	,070
А		14,30	16,24	,000
В		14,90	16,57	,000
А – В		–,59	–,33	,384
А + В		29,20	32,81	,000
С		6,01	5,91	,283
Индекс СЭЛБ		23,19	26,90	,000

Сравнение средних значений параметров методики СЭЛБ каждого из трех силовых ведомств со значениями, полученными на выборке респондентов «мирных профессий» (табл. 3), продемонстрировало, что наиболее благополучной частью выборки являются специалисты МВД, они показали самый высокий индекс СЭЛБ ($M = 28,51$) и 13 достоверных различий из 16 анализируемых параметров. Достоверно отличается от среднего значения, полученного на группе сравнения, индекс СЭЛБ в выборке МЧС ($M = 27,76$ против $M = 23,76$), к тому же

суммарный показатель негативных параметров (С) в данной части выборки силового блока имеет самое низкое среднее значение. Это дает основание оценить эмоционально-личностное благополучие данной части выборки как высокое. Среднее значение индекса СЭЛБ у представителей Министерства обороны максимально приближено к среднему значению индекса группы сравнения, кроме этого у данной группы получено меньше всего различий с общей выборкой (7 из 16 возможных) (табл. 3).

Таблица 3

Достоверность различий в выраженности параметров эмоционально-личностного благополучия у специалистов силовых ведомств (в отдельности) и группы сравнения

Компонент	Параметры методики СЭЛБ	МО (<i>n</i> = 98)	<i>P</i>	МВД (<i>n</i> = 200)	<i>P</i>	МЧС (<i>n</i> = 55)	<i>P</i>	Выборка в целом (<i>n</i> = 1931)
А	Счастливый	5,32	,006	5,66	,000	5,55	,001	4,78
	Везучий	5,08	,003	5,20	,000	5,05	,120	4,50
	Оптимист	4,91	,407	5,83	,000	5,75	,187	5,32
В	Успешный	5,13	,003	5,43	,000	5,05	,185	4,53
	Компетентный	4,81	,181	5,59	,000	5,45	,012	4,91
	Надежный	5,81	,192	6,06	,000	5,73	,993	5,71
С	Пессимист	2,66	,284	2,22	,115	2,07	,682	2,29
	Несчастливый	2,73	,067	1,47	,000	1,35	,001	2,08
	Завистливый	2,44	,003	1,56	,837	1,40	,955	1,62
А		15,31	,276	16,68	,000	16,35	,004	14,60
В		15,74	,024	17,08	,000	16,24	,014	15,15
А – В		–,44	,795	–,40	,226	,11	,086	–,55
А + В		31,05	,028	33,77	,000	32,58	,000	29,75
С		7,84	,000	5,25	,038	4,82	,053	5,99
Индекс СЭЛБ		23,21	,455	28,51	,000	27,76	,000	23,76

Методики эмоционального регистра СПА и ПВ проводились на выборке, состоящей из представителей МЧС (*n* = 55). Остановимся на анализе выраженности у них адаптационных способностей. Особенности адаптации к профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля изучались в работах В. П. Пароваевой [10], Н. А. Антоновой [1], С. М. Струганова, Д. А. Лапина [13] и др. В трудах исследователей подчеркивается, что способность к адаптации является профессионально значимым качеством специалистов силовых ведомств, поскольку стрессогенные условия деятельности могут приводить к истощению адаптационного потенциала и способствовать развитию явлений дезадаптации. Проведенное по методике СПА исследование на выборке представителей МЧС России (*n* = 55) и сравнение результатов с данными, полученными на группе сравнения (*n* = 1201), позволяет охарактеризовать выборку МЧС как специалистов, обладающих высокими адаптивными способностями, необходимыми для

успешного выполнения ими профессиональной деятельности, и свидетельствует о том, что дезадаптивные формы поведения у них в условиях чрезвычайных ситуаций маловероятны (табл. 4, рис. 1).

Таблица 4

Достоверность различий между средними значениями параметров по методике СПА в выборке МЧС и группе сравнения

Параметры методики СПА	МЧС ($n = 55$)	Группа сравнения ($n = 1201$)	P
Адаптация	75,23	63,51	,000
Самоприятие	87,02	76,09	,000
Принятие других	75,46	65,52	,000
Эмоциональный комфорт	78,79	60,78	,000
Интернальность	83,08	67,49	,000
Доминирование	56,94	50,40	,002

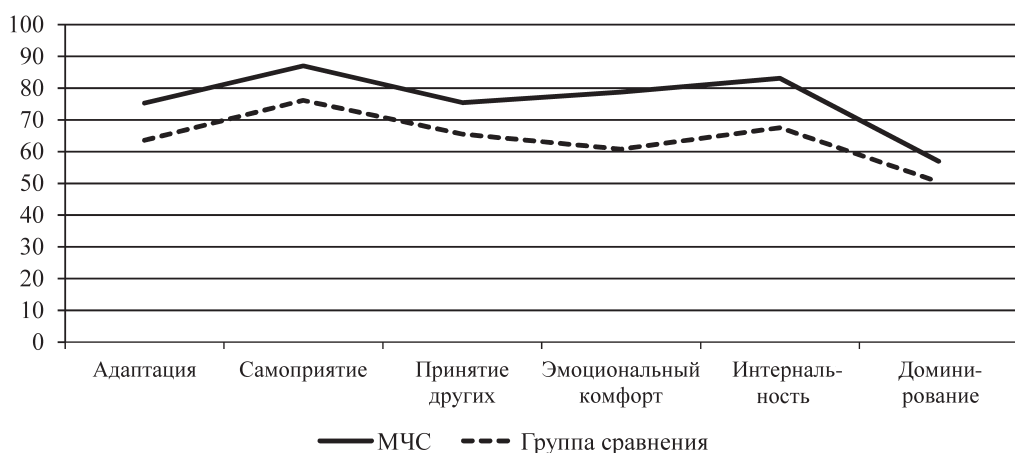

Рис. 1. Выраженность показателей методики СПА в выборке МЧС и группе сравнения

Отметим, что наиболее значительная разница установлена по показателю «эмоциональный комфорт», что является подтверждением того, что специалисты МЧС России не испытывают эмоционального дискомфорта в сложных профессиональных ситуациях.

Еще одним важным качеством специалистов силового блока исследователи называют устойчивость к профессиональному выгоранию [5, 7, 8, 11 и др.]. Ученые отмечают, что в силу специфики экстремального вида деятельности достаточно велик риск формирования различных профессиональных деформаций, в том числе профессионального выгорания. Согласно полученным нами результатам, респонденты группировки МЧС России ($n = 55$) оказались достаточно устойчивы к проявлению факторов профессионального выгорания и достоверно

меньше, чем участники выборки в целом ($n = 381$), подвержены его воздействию (табл. 5).

Таблица 5

Достоверность различий между средними значениями параметров по методике ПВ в выборке МЧС и группе сравнения

Параметры методики ПВ	МЧС ($n = 55$)	Группа сравнения ($n = 381$)	P
Эмоциональное истощение	12,28	18,44	,000
Деперсонализация	5,44	8,54	,001
Личные достижения	34,85	30,79	,002

Более значимая разница в выраженности средних значений у сравниваемых групп обнаружена по параметру «эмоциональное истощение», т. е. для специалистов МЧС России не характерны сниженный эмоциональный фон, утрата интереса к жизни, отсутствие вовлеченности в деятельность и производственные отношения.

В работах отечественных психологов [3, 6, 9 и др.] отмечается, что в ряде случаев причиной чрезвычайных ситуаций, гибели или травм является недостаточный уровень развития способности человека действовать в условиях риска. Поэтому такие поведенческие особенности, как готовность к риску, способность принимать решения и действовать в условиях риска, крайне важны для специалистов экстремального профиля. Диагностика по методике «Склонность к риску», проведенная на специалистах МЧС России ($n = 55$), продемонстрировала их устойчивость к ситуациям, требующим нестандартных действий, и их готовность к оправданному риску, тогда как остальные члены выборки ($n = 207$) в ситуациях неизвестности чувствуют себя некомфортно ($M = 22,53$ против $M = 11,17$).

Исследователи особо подчеркивают необходимость углубленного изучения личностных качеств специалистов силовых ведомств для выявления верных предикторов эффективного выполнения профессиональной деятельности экстремального профиля [2, 12, 14 и др.]. Для диагностики личностных особенностей мы использовали методики MBTI и 16-PE. В диагностике по методике MBTI приняли участие представители Министерства обороны и МВД ($n = 270$). Результаты показали, что в группе сравнения ($n = 587$) доминирующим является личностный тип ISTJ (20,78 %), тогда как в выборке силового блока преобладает тип ESTJ (32,96 %), что свидетельствует о большей склонности специалистов МЧС к экстраверсии (рис. 2). Полученные данные позволяют сделать вывод, что исследуемый вид профессиональной деятельности предъявляет определенные требования к развитию коммуникативной сферы специалистов экстремального профиля, в силу чего они легко устанавливают и поддерживают контакты, находя источник энергии во внешних обстоятельствах, быстро приспосабливаются к новым условиям, отличаются активностью и вовлеченностью.

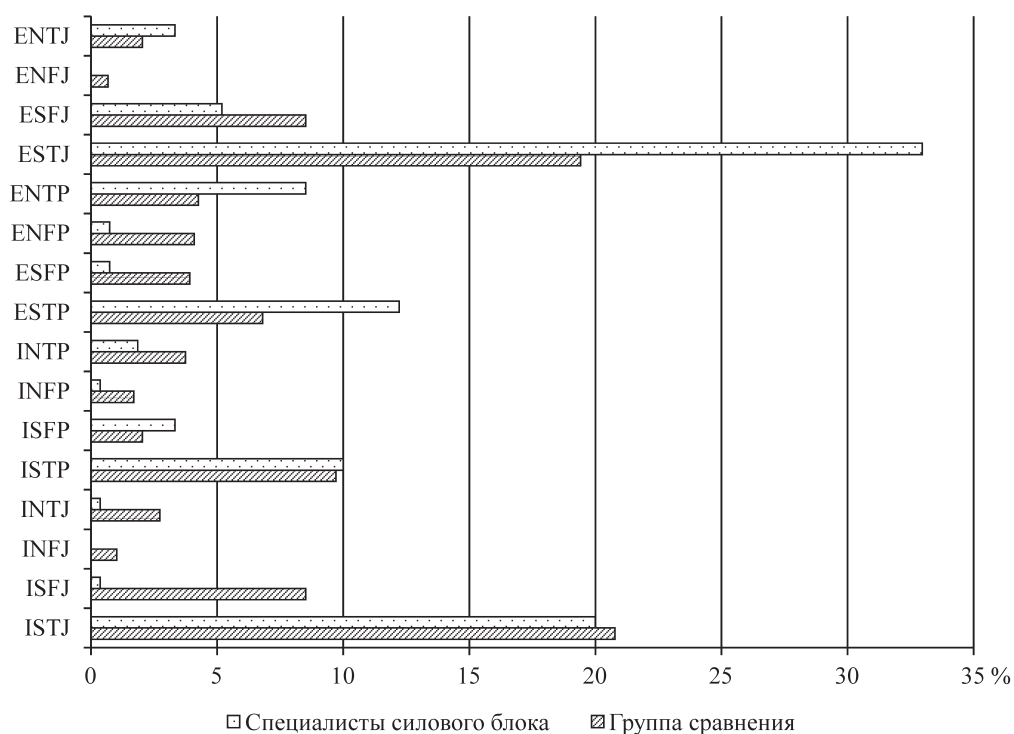

Рис. 2. Представленность типов МВТИ у специалистов силового блока и группы сравнения

У представителей МВД, прошедших диагностику по методике 16-PF ($n = 200$, их них 108 мужчин и 92 женщины), ярко выражены «мужские» черты: практичность, смелость, решительность, настойчивость, уверенность в своих силах. Они устойчивы к воздействию стрессовых факторов, способны быстро справляться с негативными эмоциями, при этом ориентированы на получение положительной оценки со стороны окружающих (табл. 6).

Таблица 6

Выраженность черт личности у специалистов МВД

Черта личности	М
С – эмоциональная устойчивость	8,18
I – мягкость	2,00
L – подозрительность	2,68
O – тревожность	2,29
Q2 – самодостаточность	2,36
Q4 – напряженность	2,07

Выводы

Проведенное исследование показало, что эмоционально-личностное благополучие представителей МЧС, МВД, Министерства обороны отличается позитивностью, а их психологические особенности соответствуют требованиям силовых ведомств, что способствует эффективному выполнению функциональных обязанностей, с одной стороны, и не разрушает личностную структуру специалистов — с другой. Считаем, что ведущую роль в этом играет профотбор, позволяющий еще до приема на работу определить профессиональную пригодность кандидата, а также другие мероприятия, осуществляемые специалистами психологической службы подразделений силовых структур в процессе психологического сопровождения деятельности личного состава.

1. Антонова Н. А. Социально-психологические факторы нервно-психической дезадаптации сотрудников силовых структур : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009.

2. Баранова А. В. Динамика личностных особенностей в процессе профессионального становления сотрудников силовых структур : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.

3. Врублевский А. В. Склонность и готовность к риску, восприятие риска офицером-спасателем в условиях чрезвычайной ситуации // Вестн. Ун-та гражд. защиты МЧС Беларуси. 2017. Т. 1, № 3. С. 332–339.

4. Карпетян Л. В., Глотова Г. А. Эмоционально-личностное благополучие : монография. Екатеринбург, 2017.

5. Караяни А. Г. Профессиональное выгорание: кто виноват и что делать // Инвалиды и общество. 2015. № 1 (15). С. 21–29.

6. Кирьянова Е. Н. Проявления риска в деятельности специалистов опасных профессий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

7. Кошкаргов В. С. Факторы риска и модель формирования эмоционального выгорания сотрудников пожарных частей МЧС России : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2014.

8. Крапивина О. В. Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации пенитенциарных служащих : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2004.

9. Осипов А. В. Профессионально важные качества сотрудников пожарно-спасательных формирований на разных этапах профессионального становления : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2009.

10. Пароваева В. П. Психофизиологическая адаптация сотрудников силовых структур, проходивших службу в особо опасных условиях : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2005.

11. Салозуб А. М. Влияние особенностей профессиональной деятельности на синдром эмоционального выгорания у специалистов международных пунктов пропуска : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.

12. Сорокина А. В. Личностные особенности сотрудников силовых структур // Транспортное дело России. 2006. № 12-1. С. 95–96.

13. Струганов С. М., Ланин Д. А. Методы адаптации сотрудников силовых структур к стрессовым условиям оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности на занятиях по физической подготовке // Вестн. Калинингр. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России. 2017. № 2 (48). С. 122–126.

14. Шаповалова О. Ю., Лебедева Н. А. Методическое руководство по проведению профессионального психологического отбора в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. М., 2013.

Статья поступила в редакцию 13.05.2018 г.

УДК 159.9.072 + 159.923.2

И. В. Васильева
П. Е. Григорьев

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Изучался социальный интеллект сотрудников органов внутренних дел — руководителей и исполнителей. Исследование организовано с использованием теста «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда. Выборка: 76 сотрудников ОВД из разных территориальных подразделений, из них 30 — руководители, 46 — рядовые сотрудники. Учитывались переменные стажа и эффективности деятельности. Наибольший вклад в обеспечение эффективности в служебной деятельности руководителей ОВД вносят два компонента социального интеллекта: способность правильно оценивать состояние людей по их невербальному поведению и способность анализировать межличностные ситуации в динамике. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в практике проведения профессиональной подготовки руководителей ОВД по развитию навыков личной физической и психологической безопасности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальный интеллект; руководители ОВД; деятельность полиции; эффективность; стаж.

Постановка проблемы. Сегодня высокий уровень социального интеллекта — необходимое условие для работников профессий «человек — человек», в частности, особое значение он имеет в работе современного руководителя ОВД. В условиях реформирования системы МВД РФ особое внимание уделяется социальной адаптивности сотрудников ОВД, умению правильно понимать и оценивать действия человека в различных ситуациях, общаться с людьми и оказывать им юридическую и иную помощь. Специфика социального взаимодействия руководителя полиции состоит в том, что оно возникает на основе и по поводу реализации функций правоохранительной деятельности, направлено на защиту прав и интересов граждан, обеспечение их безопасности. Другой особенностью этого взаимодействия является то, что оно регламентируется не только профессиональными нормами, стандартами поведения сотрудника полиции, содержащимися в приказах и инструкциях, но и сложившимися в обществе этическими нормами, обычаями и традициями, общественным мнением и социальными

ВАСИЛЬЕВА Инна Витальевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета, доцент кафедры кадрового и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (e-mail: innavitalievnvasilieva@gmail.com, i.v.vasileva@utmn.ru).

ГРИГОРЬЕВ Павел Евгеньевич — доктор биологических наук, доцент, заведующий кафедрой медицинской физики и информатики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь), профессор кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета (e-mail: grigorievpe@cfuv.ru).

© Васильева И. В., Григорьев П. Е., 2018

ожиданиями, что требует наличия у сотрудников профессионально ориентированного социального интеллекта.

Е. Н. Митракова [3] среди разного рода характеристик руководителя ОВД, обеспечивающих его успешную работу, называет также социально-психологические характеристики, которые являются содержанием компонентов социального интеллекта, а именно умение понимать человека по его вербальным и невербальным признакам. Значимость социального интеллекта для руководителей ОВД обуславливается еще и тем, что чем выше должностной уровень руководителя, тем более редуцированную и искаженную обратную связь он получает от подчиненных [Там же].

Исследования факторов эффективности руководителей ОВД сосредоточены вокруг представлений о психологической компетентности [5], психологическом здоровье [6], эмоциональном интеллекте [4], стрессоустойчивости [2], триггерах профессиональной деформации [1]. Однако отдельно взятые способности, составляющие социальный интеллект, и их вклад в эффективность управленческой деятельности не были исследованы.

Согласно представлениям Дж. Гилфорда, социальный интеллект — способность, определяющаяся успешностью взаимодействия с окружающими людьми и социальной адаптации. Конструкт «социального интеллекта», измеряемый методикой Дж. Гилфорда, оценивает поведение и взаимодействие субъекта в привычных жизненных условиях, и задача испытуемого спрогнозировать наиболее распространенную, типичную, а не оригинальную реакцию людей в такой ситуации. Социальный интеллект складывается из четырех компонентов: 1) способности прогнозировать последствия поступков людей; 2) способности выявлять наиболее существенные признаки в невербальных реакциях человека и правильно истолковывать на основании этого его состояние; 3) способности оценивать смысл вербальных сообщений в зависимости от контекста ситуации; 4) способности понимать логику развития ситуации и поведения людей в ней.

Неспецифическими, но базовыми компонентами в структуре профессиональной деятельности сотрудника ОВД являются организационный, реконструктивный, познавательный, удостоверительный. Параметры социального интеллекта сотрудников ОВД важны для каждого из этих компонентов. Для сотрудников, чья деятельность связана с расследованием преступлений (уголовный розыск, отделы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, по борьбе с экономическими преступлениями), особенно важными оказываются способность прогнозировать последствия поступков людей и способность понимать логику развития ситуации (реконструктивный компонент). В ситуациях допроса подозреваемых, обвиняемых, опроса свидетелей приоритетное значение получает способность выявлять существенные смыслы вербальных сообщений с учетом контекста ситуации. Важно понять, какие компоненты социального интеллекта критично значимы для осуществления эффективного руководства в органах внутренних дел. Это позволит адекватно направить усилия по развитию данных компонентов у вновь назначаемых руководителей в структуре ОВД и обеспечит их успешную адаптацию к выполняемым функциям.

Таким образом, нами была выдвинута гипотеза о том, что компоненты социального интеллекта специфичны в отношении статуса занимаемой должности сотрудника ОВД, стажа и эффективности в профессиональной деятельности.

Характеристика участников эксперимента: 76 сотрудников полиции, из них 30 человек работают руководителями, 46 человек — рядовые сотрудники ОВД, все мужчины.

В исследовании оценивались компоненты социального интеллекта, эффективность в профессиональной деятельности, а также вклад факторов «общий стаж работы в ОВД» и «стаж работы на руководящей должности» в выраженность компонентов социального интеллекта. Показатели социального интеллекта оценивались посредством теста «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда (далее — СИ), включающего четыре субтеста: субтест 1 «Истории с завершением» (измеряет способность предвидеть последствия поведения персонажей в определенной ситуации, предсказать то, что произойдет в дальнейшем); субтест 2 «Группы экспрессии» (измеряет способность к логическому обобщению, выделению общих существенных признаков в различных невербальных реакциях человека); субтест 3 «Вербальная экспрессия» (измеряет способность понимать изменение значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации); субтест 4 «Истории с дополнением» (измеряет способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия и значение поведения людей в этих ситуациях).

Эффективность в профессиональной деятельности измерялась количеством наград и поощрений у сотрудника. В качестве математико-статистических методов обработки информации использовался дисперсионный однофакторный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Оценка связи показателя эффективности деятельности и показателей социального интеллекта демонстрирует значимый вклад субтеста 2 ($F = 3,82$, при $p = 0,00$) и субтеста 4 ($F = 3,82$, при $p = 0,00$), что обеспечивает и значимость комплексного показателя социального интеллекта для эффективности деятельности ($F = 5,76$, при $p = 0,00$) (см. таблицу).

Руководители ОВД с низким уровнем эффективности учитывают невербальные реакции окружающих людей так же, как респонденты, входящие в средненормативную выборку. Повышение роста профессиональной эффективности связано с тем, что руководители становятся более внимательными к изменениям невербального поведения окружающих людей, получая, таким образом, профессионально важную информацию, необходимую для решения профессиональных задач. Повышение эффективности в профессиональной деятельности парадоксальным образом приводит к снижению использования этой способности. Мы полагаем, что в данном случае эффективность обеспечивают дополнительные ресурсы: организационные, предметная компетентность. С ростом служебной эффективности, как правило, растет и нагрузка. Возможно, что снижение способности настраиваться на оценку невербального поведения связано с защитной реакцией от избыточного взаимодействия с окружающими людьми (рис. 1).

**Описательные статистики показателей социального интеллекта сотрудников ОВД
(руководителей подразделений и рядовых сотрудников)**

Показатель	Количество испытуемых	Среднее	Медиана	Минимальное значение по выборке	Максимальное значение по выборке	Стандартное отклонение
Общий стаж работы в ОВД	76	6,10	1	0,25	23,5	7,28
Стаж работы руководителем	76	1,89	0	0	20,5	3,43
Эффективность в профессиональной деятельности	76	2,34	0	0	27	5,05
Субтест СИ 1	76	3,49	4	1	5	0,79
Субтест СИ 2	76	3,37	3	2	5	0,61
Субтест СИ 3	76	3,46	3	2	5	0,74
Субтест СИ 4	76	2,93	3	1	5	0,74
Комплексный показатель СИ	76	3,17	3	1	5	0,74

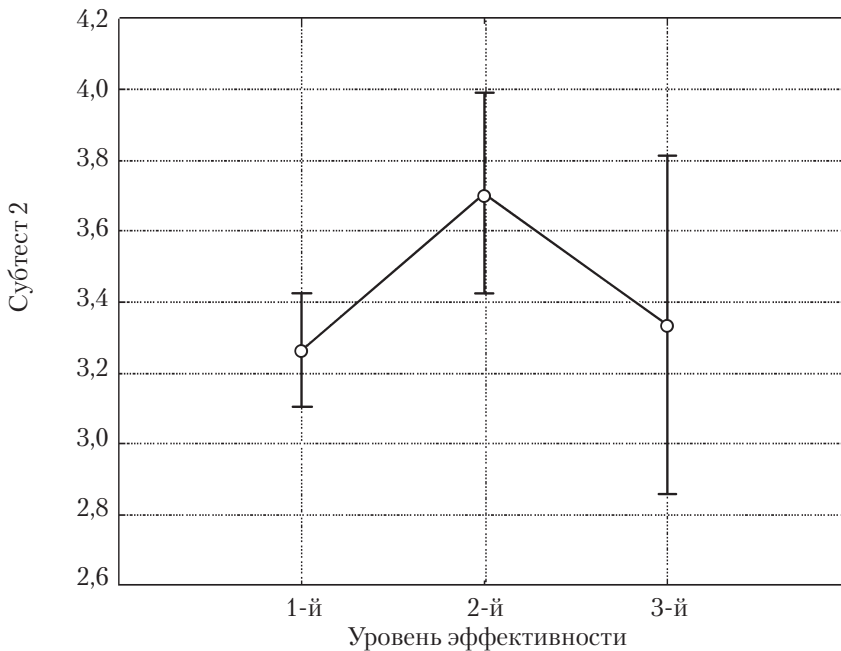

Рис. 1. Связь уровня эффективности деятельности и способности правильно истолковывать невербальное поведение людей

Руководители ОВД с низким уровнем эффективности испытывают сложности с раскрытием логики анализируемой ситуации (рис. 2). Рост эффективности связан с улучшением способности адекватно достраивать образ ситуации, реализовывать реконструктивный компонент профессиональной деятельности сотрудника ОВД. Именно для реконструкции — установления истинной последовательности произошедшего и адекватной квалификации его в последующем необходимо развитие социального интеллекта руководителей ОВД.

Является ли социальный интеллект развиваемой характеристикой или необходимо на этапе профессионального отбора на руководящие должности выбирать исключительно тех сотрудников, у которых он изначально на хорошем и высоком уровнях? Для ответа на этот вопрос необходимо оценить вклад фактора «стаж работы на руководящей должности» в выраженность компонентов социального интеллекта руководителей ОВД.

Оценка связи показателя стажа в руководящей должности и показателей социального интеллекта демонстрирует значимый вклад субтеста 4 ($F = 4,36$, при $p = 0,00$), что обеспечивает и значимость комплексного показателя социального интеллекта для эффективности деятельности ($F = 4,38$, при $p = 0,015$) (рис. 3).

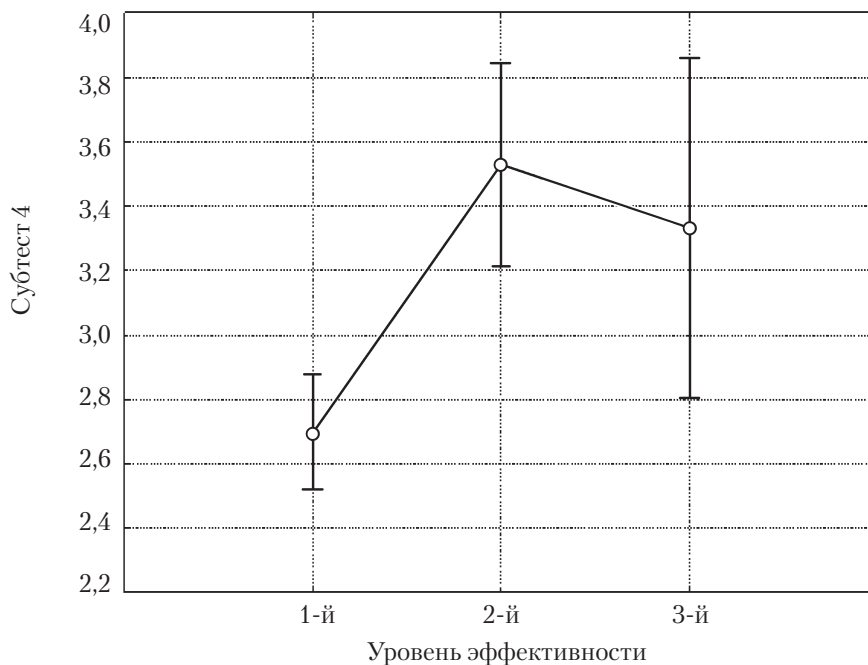

Рис. 2. Связь уровня эффективности деятельности и способности понимать логику развития ситуации и поведения людей в ней

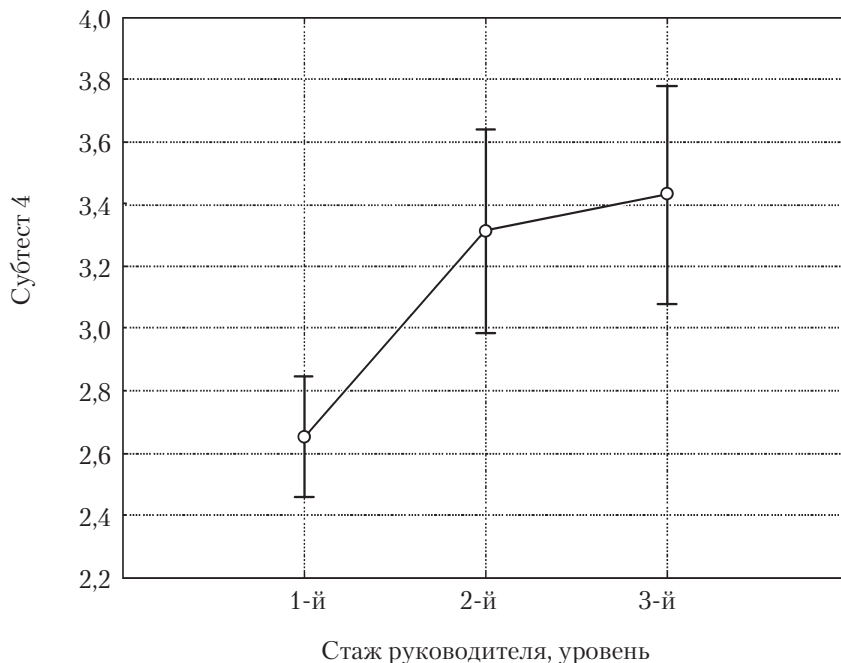

Рис. 3. Связь стажа работы на руководящей должности в ОВД и способности понимать логику развития ситуации и поведения людей в ней

Важным показателем развития социального интеллекта в связи с увеличением стажа работы на руководящей должности является способность понимать логику развития ситуации и прогнозировать поведение людей в этих условиях. Отмечается прямая связь между увеличением стажа и ростом данной способности. Это позволяет говорить о том, что способность понимать логику развития ситуации и прогнозировать поведение людей в ней формируется в профессиональных коммуникативных ситуациях руководителя ОВД с подчиненными, вышестоящими руководителями и гражданами, обращающимися в органы внутренних дел. Следовательно, принципиально возможно создание программы, направленной на формирование данного компонента социального интеллекта, с целью обеспечения эффективности сотрудников, перешедших на руководящую должность.

Таким образом, выявлено, что выраженность компонентов социального интеллекта оказывает влияние на эффективность работы сотрудников ОВД и связана со стажем работы в органах ОВД в целом и на руководящей должности в частности. Отмечается взаимосвязь показателя эффективности деятельности и показателей социального интеллекта: способности правильно оценивать состояние людей по их невербальному поведению и способности анализировать межличностные ситуации в динамике. При оценке взаимосвязи между показателями эффективности деятельности и показателями социального интеллекта установлено, что при трудоустройстве в ОВД претенденты имеют средние показатели способности оценивать состояние других людей по их невербальному поведению. С ростом

профессиональной эффективности увеличивается способность распознавать эмоциональное состояние и настрой по невербальному поведению. Однако у успешно работающих руководителей ОВД эта способность снижается и для обеспечения успешности в профессиональной деятельности ими используются другие ресурсы. При оценке взаимосвязи между показателями эффективности деятельности и способности анализировать межличностные ситуации в динамике выявлено, что в начале профессиональной карьеры эта способность снижена. С ростом эффективности значимого снижения социального интеллекта не происходит. Поэтому можно говорить о том, что комплексная оценка ситуации в динамике способствует поддержанию высокого уровня эффективности деятельности руководителей ОВД. С увеличением стажа происходит повышение показателей социального интеллекта, но с ростом эффективности наблюдается парадоксальное снижение его параметров, что, возможно, связано с профессиональной деформацией.

Выводы

Наибольший вклад в обеспечение эффективности служебной деятельности руководителей ОВД вносят два компонента социального интеллекта: способность правильно оценивать состояние людей по их невербальному поведению и способность анализировать межличностные ситуации в динамике. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в профессиональной подготовке руководителей ОВД, включающей развитие навыков личной физической и психологической безопасности.

1. Кононова М. А., Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В., Соловьев А. Г. Эмоциональное выгорание сотрудников, замещающих должности старшего начальствующего состава органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 33–36.

2. Марченко А. А. Эмоционально-интеллектуальные стратегии управленческой деятельности руководителей ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 13–16.

3. Митракова Е. Н. Психологическая компетентность руководителя полиции как основа профессионализма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Mitrakova.phtml> doi: 10.17759/psylaw.2015100209 (дата обращения: 30.04.2018).

4. Осипова А. С., Федотов С. Н. Влияние эмоционального интеллекта на личностную надежность сотрудников ОВД — выпускников образовательных организаций МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 7–12.

5. Сомов А. В., Мальцева Т. В. Личностные качества и их значение в управленческой деятельности руководителя органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 105–109.

6. Шановал В. А. Психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел как предмет исследования ведомственных психологов: новые подходы к оценке и прогнозированию // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2009. № 3. С. 232–246.

Статья поступила в редакцию 17.05.2018 г.

УДК 159.923.3:614.842.43 + 612.014.421.7 + 159.9.072

**Е. М. Азарко
Д. В. Володенко****ВЫЯВЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ЧАСТОТНЫХ ДИАПАЗОНОВ ЭЭГ
В ПРЕДРЕАБИЛИТАЦИОННОЙ ДИАГНОСТИКЕ ПОЖАРНЫХ
И СПАСАТЕЛЕЙ**

Анализируются данные ЭЭГ-обследований в предреабилитационной диагностике пожарных и спасателей; рассматриваются такие показатели, как амплитуда, мощность основных биоритмов головного мозга; выявляется специфика частотной асимметрии. Устанавливается частота встречаемости типов ЭЭГ в соответствии с классификацией Е. А. Жирмунской и В. С. Лосева.

К л ю ч е в ы е с л о в а: предреабилитационная диагностика пожарных и спасателей; специфика электроэнцефалограммы (ЭЭГ); основные биоритмы головного мозга; альфа-, бета-, тета-, дельта-ритмы; амплитуда и мощность биоритма; частотная асимметрия биоритма.

Интерес к проблемам обеспечения надежности профессиональной деятельности пожарных и спасателей в психологии экстремальной деятельности вызван тенденцией общества к гуманизации, усилением внимания к человеческим ресурсам, сохранению здоровья и созданию условий для профессионального долголетия специалистов опасных профессий. Одним из направлений психологического сопровождения в системе МЧС России является медико-психологическая реабилитация (МПР). В Южном филиале Центра экстренной психологической помощи МЧС России проводятся исследования по применению комплекса психологических, психофизиологических и функциональных обследований на этапах пред- и постреабилитационной диагностики в ходе проведения программ МПР различной длительности [2].

В клинической неврологии электроэнцефалография (ЭЭГ) используется для диагностики первичных поражений структур головного мозга. Анализируются количественные и качественные проявления ЭЭГ: основные ритмы, не соответствующие топографическим зонам их максимальной физиологической выраженности; несоответствие ЭЭГ возрасту и актуальному уровню бодрствования; разнообразные по частоте и амплитуде биопотенциалы ЭЭГ: наличие полиморфной, полиритмичной, нерегулярной активности высокой или низкой

АЗАРКО Елена Матвеевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (медико-психологической реабилитации) Южного филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России, г. Ростов-на-Дону (e-mail: azarkoem@yandex.ru).

ВОЛОДЕНКО Дина Владимировна — аспирант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, ведущий психолог научно-исследовательского отдела (медико-психологической реабилитации) Южного филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России, г. Ростов-на-Дону (e-mail: dinavolodenko@yandex.ru).

© Азарко Е. М., Володенко Д. В., 2018

амплитуды; высокоамплитудной альфа-, бета-, тета- и дельта-активности; комплексов «острая волна — медленная волна», «пик — медленная волна»; медленных и заостренных волн [9, 14]. Отдельные работы демонстрируют специфические характеристики ЭЭГ при снижении уровня бодрствования, астении, вегетативной дистонии, генерализованном тревожном расстройстве [3–5, 12, 13].

Настоящее исследование посвящено выявлению специфики биоэлектрической активности головного мозга пожарных и спасателей, демонстрирующей наличие признаков утомления, тревоги и снижения ресурсов организма.

Структурно-функциональной основой активной приспособительной деятельности организма является взаимодействие физиологических функций и колебательный характер физиологической активности, благодаря которому поддерживается гибкое взаимодействие со средой. Любое отклонение от амплитудно-частотных характеристик биологического ритма рассматривается как эндогенный десинхронизм и отражает состояние неспецифического напряжения. Основной «служебной» системой организма, оперативно реагирующей на любые изменения среды обитания и регулирующей функционирование организма, ориентированное на формирование механизмов адаптации и подключение защитно-компенсаторных процессов, является центральная нервная система, а методом объективной оценки ее функционирования — электроэнцефалография (ЭЭГ) [1].

Материалы и методы. У специалистов, поступивших на реабилитацию с февраля по май 2017 г., в ходе комплексной предреабилитационной диагностики были проведены ЭЭГ-обследования. Выборка: 25 человек, средний возраст — 34 ± 11 лет; стаж работы — от 2 до 25 лет. У каждого обследуемого в стандартных условиях (сидя) регистрировалась фоновая ЭЭГ (пробы «открытые глаза», «закрытые глаза») с помощью 21-канального электроэнцефалографа-анализатора ЭЭГА-21-26 «Энцефалан-131-03» (модификация 11; НПО «Медиком-МТД», Россия). Electroды располагались в соответствии с международной схемой «10–20» (монтаж монополярный, референтные электроды — ушные). Изучаемые характеристики биоэлектрических потенциалов мозга вычислялись для 21 отведения в четырех частотных диапазонах: дельта-1 и дельта-2 (0,5–2,8 Гц), тета-ритм (4–7 Гц) и альфа-ритм (8–13 Гц), бета-1 и бета-2 (13–35 Гц).

Проведен анализ ЭЭГ-обследований — средних значений амплитуды, индекса мощности и асимметрии; систематизированы результаты, превышающие значения «нормы» биоэлектрических потенциалов по амплитуде. Определена частота встречаемости типов ЭЭГ в соответствии с классификацией Е. А. Жирмунской и В. С. Лосева [14]. Классификатор предназначен для формализованной оценки состояния головного мозга взрослых; базируется на кодировочной таблице, включающей 6 признаков. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью пакетов программ Microsoft Excel.

Результаты и их обсуждение. В табл. 1 приведены значения амплитуды, индекса мощности и асимметрии основных биоритмов.

Для обсуждения полученных результатов важно понимать, что альфа-диапазон имеет значения 8–13 Гц [6–8]. Амплитуда альфа-ритма в норме составляет 30–80 мкВ, но чаще 40–60 мкВ. Индекс мощности альфа-ритма в норме колеблется в пределах 75–95 % [14]. В норме наблюдаются спонтанные изменения амплитуды альфа-ритма, которые выражаются в плавном нарастании и плавном снижении амплитуды волн с образованием характерных «веретен» альфа-ритма.

Таблица 1

Средние значения частотных диапазонов при ЭЭГ-обследовании

Показатель	Проба «открытые глаза»			Проба «закрытые глаза»		
	амплитуда, мкВ	индекс мощности, %	асимметрия, %	амплитуда, мкВ	индекс мощности, %	асимметрия, %
Ритм дельта-1	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
\bar{M}						
δ						
Ритм дельта-2	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
\bar{M}						
δ						
Ритм тета						
\bar{M}	109	25,3	98,3	67	19,2	63,6
δ	66,1	4,16	2,08	48,9	15,7	32,3
Ритм альфа						
\bar{M}	199,9	50,38	72	149	59,92	59
δ	486,6	27,8	26	180,6	23,74	28
Ритм бета-1						
\bar{M}	110	43	66	94	45	65
δ	112	7	32	123	11	27
Ритм бета-2						
\bar{M}	66	44	66	84	37	68
δ	67	11	25	116	13	25

Длительность веретен чаще всего колеблется от 2 до 8 секунд. При повышении уровня функциональной активности мозга (напряженном внимании, чувстве, страха, беспокойстве, ощущении боли) амплитуда альфа-ритма снижается или

он полностью исчезает — это примеры тонических влияний активизирующих систем на кору больших полушарий [14].

Наблюдается изменение амплитуды альфа-ритма, превышающее «норму» ($418,05 \pm 980$ мкВ против «нормы» 30–80 мкВ), и снижение индекса мощности ($52,1 \pm 12,6$ %, в «норме» — 75–95 %).

Бета-диапазон — 13–35 Гц; бета-1 — низкочастотный (13–25 Гц) и бета-2 — высокочастотный (до 35 Гц). У здорового человека — низкочастотная бета-активность (в лобных отделах мозга и на стыках веретен альфа-ритма). В норме бета-активность симметрична по амплитуде в правом и левом полушарии, образ ее асинхронный, аperiodичный, амплитуда 3–5 мкВ. Индекс бета-активности в лобных отделах может достигать 100 %. Специфические изменения низкочастотного ритма бета-1 могут говорить о наличии патологического процесса [14].

Практически по всем частотам наблюдается асимметрия: средние значения асимметрии альфа-ритма 72 ± 26 % (проба «открытые глаза» — ОГ), 59 ± 28 % (проба «закрытые глаза» — ЗГ); ритма бета-1 — 66 ± 32 % (ОГ), 65 ± 27 % (ЗГ); ритма бета-2 — 66 ± 25 % (ОГ), 68 ± 25 % (ЗГ); медленных ритмов: тета-ритма — $98,3 \pm 2,08$ % (ОГ), $63,6 \pm 32,3$ % (ЗГ). В норме бета-активность симметрична по амплитуде в правом и левом полушарии, образ ее асинхронный, аperiodичный [14].

Сравнивая полученные результаты ЭЭГ с результатами спортсменов в исследованиях Л. П. Черапкина, В. Г. Тристана, можно заметить сходство в наличии тета-диапазона [15]. Подобное сходство наблюдается при определении мощности альфа-диапазона, имеющей значение меньше «нормы» (в центрально-затылочных областях), у спортсменов и обследованных в нашей выборке.

Полученные результаты соотносятся с исследованиями ЭЭГ-коррелятов при психовегетативном синдроме при неврастении и генерализованном тревожном расстройстве (ГТР). С. А. Гордеевой с коллегами установлено, что 1) главной отличительной чертой обследованных групп больных является характер изменения ЭЭГ в альфа-частотном диапазоне — значительное усиление альфа-активности в центрально-теменной области левого полушария с распространением на передние отделы обоих полушарий при ГТР и снижение мощности альфа-ритма при неврастении по сравнению со здоровыми испытуемыми; 2) общей электрофизиологической характеристикой больных с ГТР и пациентов с неврастением является увеличение по сравнению со здоровыми мощности тета- и бета-активности с преобладанием в передних отделах в правом, а в задних отделах — в левом полушарии. При этом у больных с ГТР тета-активность максимально увеличена в лобных, а при неврастении — в центрально-теменных областях полушарий. Кроме того, при неврастении увеличение мощности бета-активности выражено незначительно, а при ГТР отмечается значительное усиление бета-активности в центрально-теменных областях [3–5]. Это свидетельствует о высокой степени вероятности наличия психофизиологического субстрата признаков тревоги у пожарных и спасателей в нашей выборке.

Анализ количественных и качественных проявлений ЭЭГ в соответствии с классификацией Е. А. Жирмунской и В. С. Лосева показан в табл. 2.

Таблица 2

**Анализ количественных и качественных проявлений ЭЭГ
по классификации Е. А. Жирмунской и В. С. Лосева**

Тип классификации	Проба «открытые глаза»		Проба «закрытые глаза»	
	чел.	%	чел.	%
Тип I — организованный	2	8	4	16
Тип II — гиперсинхронизированный (моноритмичный)	11	44	8	32
Тип III — десинхронный	—	—	—	—
Тип IV — дезорганизованный (с преобладанием альфа-активности)	1	4	2	8
Тип V — дезорганизованный (с преобладанием тета- и дельта-активности)	—	—	—	—
Нет соответствия с классификацией	11	44	11	44
Итого	25	100	25	100

Комментируя результаты (см. табл. 2), важно отметить, что в соответствии с классификацией:

тип I — организованный, основной компонент ЭЭГ — альфа-ритм, характеризующийся высокой степенью регулярности, хорошо модулированный, имеет хороший или слабо измененный амплитудный градиент по областям мозга, относится к норме или допустимым вариантам нормы. В нашем исследовании встречается в 8 % случаев при пробе «открытые глаза» и в 16 % случаев при пробе «закрытые глаза»;

тип II — гиперсинхронный (моноритмичный), отличается чрезмерно высокой регулярностью колебаний, нарушением зональных различий; возможны варианты усиления синхронизации: усиление колебаний альфа-диапазона, исчезновение альфа-ритма и замена его на бета-активность низкой частоты или тета-активность; при малой и средней амплитуде биопотенциалов изменения ЭЭГ могут быть оценены как легкие или умеренные нарушения, а при большой амплитуде (от 70–80 мкВ и более) — как значительные нарушения. В нашем исследовании встречается в 44 % случаев при пробе «открытые глаза» и в 32 % случаев при пробе «закрытые глаза»;

тип III — десинхронный, характеризуется почти полным отсутствием или резким ослаблением альфа-активности, с увеличением числа бета-колебаний или без такового, а также наличием небольшого количества медленных волн. Общий амплитудный уровень невысокий, иногда низкий или очень низкий (до 15 мкВ); в зависимости от амплитуды изменения ЭЭГ оцениваются как легкие или умеренные нарушения. В нашем исследовании не встречается;

тип V — дезорганизованный (с преобладанием тета- и дельта-активности); альфа-активность выражена плохо; биопотенциалы альфа-, бета-, тета- и дельта-частотных диапазонов регистрируются без четкой последовательности;

наблюдается бездоминантный характер кривой; амплитудный уровень средний или высокий. Изменения ЭЭГ оцениваются как грубые, свидетельствующие о серьезных нарушениях. В нашем исследовании встречается в 4% случаев при пробе «открытые глаза» и в 8 % случаев при пробе «закрытые глаза».

Анализ локализации и специфики характерных биопотенциалов показал, что типичными для ЭЭГ обследованных пожарных и спасателей являются:

- легкие изменения ЭЭГ регуляторного характера;
- значительно дезорганизованная альфа-активность в виде групп волн очень высокой амплитуды, наиболее выраженная в правом полушарии; наиболее выраженная в передневисочной, центрально-лобной, лобной, затылочной, теменно-центральной теменной областях ($Fp_z F_z Fp_2 C_z P_z Fp_1 F_4$) при отсутствии модуляций по амплитуде; в некоторых случаях наблюдается полиморфная активность и признак «зональные различия извращены»;
- в отдельных случаях встречается значительно дезорганизованная альфа-активность в виде волн очень высокой амплитуды среднего индекса, нерегулярная, наиболее выраженная в левой затылочной области ($O_1 P_3$); модуляции по амплитуде нечеткие или отсутствуют;
- бета-активность в виде ритма высокого индекса, очень высокой амплитуды, низкой частоты, наиболее выражена в левом ($Fp_1 F_3 C_3 F_3 F_7 T_3 P_3 T_5$) и правом полушарии ($O_2 T_4$) и центральных зонах ($Fz O_z P_z$); встречается бета-активность в виде ритма высокого индекса, высокой амплитуды, низкой частоты; на фоне полиморфной активности умеренно преобладает бета-активность в виде ритма высокого индекса высокой амплитуды, низкой частоты, наиболее выраженная в затылочной области ($O_1 O_2 P_3 P_4$), а также с фокусом в передневисочной области ($F_7 F_8$);
- в отдельных случаях встречается доминирование бета-активности в виде ритма высокого индекса, средней амплитуды, низкой частоты, нелокализованная;
- случаи доминирования медленной активности низкого, среднего и высокого индекса с амплитудой 25–229 мкВ в виде отдельных волн;
- на фоне полиморфной активности доминирование (или умеренное преобладание) тета-активности в виде групп волн частотой от 0,5 до 4,5–6,8 Гц, очень высокой амплитуды, с фокусом в левой лобной, правой переднелобной, теменной области ($F_2 Pz Fp_2$).

Выводы

Преобладающий бета-ритм фиксируется при эмоциональном напряжении и свидетельствует о повышении функциональной активности нейронов, находящихся в состоянии адаптационного напряжения, в основе которого лежат механизмы десинхронизации ритмической нейронной активности. Выявленные изменения импульсной активности нейронов коры головного мозга характеризуют интеграцию нейронов архикортекса и неокортекса, нарастание активности стволовых образований, активацию мозговых процессов, осуществляющих адаптивные перестройки корковой нейронной активности. У большинства обследованных

наблюдается изменение амплитуды и индексов мощности основных ритмов функционального характера. Метод ЭЭГ рекомендуется использовать однократно в 10–14-дневных программах в предреабилитационной диагностике.

1. *Бутова О. А., Гришко Е. А.* Сравнительная характеристика биоэлектрической активности нейронов головного мозга у военнослужащих силовых структур Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования : [электрон. науч. журн.]. 2011. № 5.

2. *Володенко Д. В.* Применение психофизиологических методов (электроэнцефалографии и биологической обратной связи) на разных этапах медико-психологической реабилитации // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, Курск, 21–22 апр. 2017 г. М., 2017. С. 163–165.

3. *Гордеев С. А., Ковров Г. В., Посохов С. И. и др.* Отличия изменений межполушарной асимметрии ЭЭГ при пароксизмальном (паническом) и перманентном (генерализованном) тревожных расстройствах // Асимметрия. 2010. Т. 4, № 4. С. 29–37.

4. *Гордеев С. А., Ковров Г. В., Посохов С. И. и др.* Электроэнцефалогические корреляты психовегетативного синдрома при невротении и генерализованном тревожном расстройстве // Международный неврол. журн. 2013. № 2(56). С. 78–82.

5. *Гордеев С. А., Шварков С. Б., Ковров Г. В. и др.* Особенности функционального состояния мозга и когнитивных функций у больных вегетативных дистонией в сочетании с выраженной астенией // Клиническая неврология. 2010. Т. 4, № 4. С. 31–36.

6. *Гусева Н. Л., Софронов Г. А., Суворов Н. Б.* Особенности динамики альфа-ритма, ЭЭГ и кардиоритмограммы человека при снижении уровня бодрствования // Вестн. Рос. воен.-мед. академии. 2007. № 3. С. 24–31.

7. *Зайченко К. В., Жаринов О. О., Кулин А. Н.* Съём и обработка биоэлектрических сигналов. СПб., 2001. 140 с.

8. *Захаров С. М., Скоморохов А. А.* Практическое применение компьютерной энцефалографии. Энцефалограф-анализатор «Энцефалан». Таганрог, 2012. 125 с.

9. *Кирой В. П., Ермаков П. Н.* Электроэнцефалограмма и функциональное состояние человека. Ростов н/Д, 1998. 264 с. [Электронный ресурс] // Лекарства и медицина. URL: <http://lekmed.ru/info/arhiviy/elektroencefalogramma-i-funkcionalnye-sostoyaniya-cheloveka-29.html> (дата обращения: 25.07.2017).

10. *Клочков А. П., Евстигнеев А. Л., Василевский Н. Н., Филипенко С. Н.* Применение активных электродов для регистрации биопотенциалов мозга у летчика при гравитационном стрессе в исследованиях на центрифуге // Альманах клинической медицины. 2008. № 17(1). С. 168–173 : [сайт КиберЛенинка]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-aktivnykh-elektrodov-dlya-registratsii-biopotsialov-mozga-u-letchika-pri-gravitatsionnom-stresse-v-issledovaniyah-na> (дата обращения: 01.02.2017).

11. *Кулачев А. П., Изнак А. Ф., Изнак Е. В. и др.* Изменения корреляционной синхронности ЭЭГ при депрессивных расстройствах психогенного типа // Журнал высшей нервной деятельности. 2014. Т. 64, № 2. С.181–189.

12. *Латшина Т. Н.* Электроэнцефалографические корреляты эмоциональных реакций [Электронный ресурс] // Вестн. МГУ. Сер. 14 : Психология. 2007. С. 59–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektroentsefalograficheskie-korrelyaty-emotsionalnyh-reaktsiy> (дата обращения: 17.09.2017).

13. *Старостин О. А., Беляев В. Р.* Динамика биоэлектрической активности головного мозга у лиц со стрессогенными невротическими и соматотропными расстройствами в ходе холистической медико-психологической коррекции // Медико-психологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях, 2013. № 3. С. 71–73.

14. *Цыган В. Н., Богословский М. М., Мирюлов А. В.* Электроэнцефалография. СПб., 2008. 192 с.

15. Черепкина Л. П., Тристан В. Г. Особенности биоэлектрической активности головного мозга спортсменов // Вестн. ЮУрГУ. 2011. № 39. С. 27–31.

Статья поступила в редакцию 13.06.2018 г.

УДК 159.9.072 + 159.95 + 004.77

Е. В. Марченко

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ FLASH-ИГР В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

В статье представлены результаты исследования тренировки памяти и внимания с помощью flash-игр. Рассматриваемые игры разработаны и используются в рамках занятий по психологической подготовке. Участниками исследования стали специалисты Федеральной противопожарной службы МЧС России, выполняющие инспекторскую деятельность. Установлена эффективность игр для улучшения показателей объема и устойчивости внимания, а также уровня развития пространственной зрительной памяти. Оптимальным условием тренировок является их сочетание с профессиональной деятельностью специалистов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психологическая подготовка; компьютерные игры; flash-игры; когнитивные функции; тренировка памяти; тренировка внимания; специалисты экстремального профиля.

Формирование интереса исследователей к психологическим аспектам компьютеризированной деятельности в целом и к компьютерным играм в частности относится еще к 80-м гг. XX в. Причинами его роста стало активное применение новейших информационных технологий и компьютера в профессиональной и обычной жизни.

Современные психологические исследования, рассматривающие вопрос последствий влияния компьютерных игр на человека, отмечают различные его аспекты. Л. П. Гурьева считает, что «к позитивным результатам можно отнести развитие у пользователей адекватной специализации познавательных процессов — восприятия, мышления, памяти» [2, 12]. А. Г. Шмелев, определяя понятие компьютерных игр, указывает, что «особый эффект игры обеспечивает своеобразную ситуацию “поправимых ошибок”», т. е. таких, которые можно, анализируя, исправлять и формировать таким образом полезные психические качества [11, 28]. По мнению Н. С. Полудиной, компьютерная игра — это формирующая деятельность, посредством которой происходит встраивание полученного виртуального игрового опыта в реальные структуры личности [6, 7]. А. Е. Войскунский

МАРЧЕНКО Екатерина Витальевна — старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела психологической подготовки и психологического консультирования Центра экстренной психологической помощи МЧС России, г. Москва (e-mail: khaekaterina@yandex.ru).

© Марченко Е. В., 2018

и А. А. Аветисова отмечают, что «усилия по созданию так называемых “серьезных игр” становятся все более заметным и многообещающим трендом в педагогике средней и высшей школы, в профессиональном образовании (экономическом, инженерном, военном и др.)» [1, 85–86].

Ю. В. Фомичева, А. Г. Шмелев, И. В. Бурмистров утверждают, что «компьютерные игры воздействуют не только на развитие скорости реакции и логического мышления, но и на личностные особенности увлеченных ими игроков, в том числе и на процессы самосознания» [9, 37]. С. А. Шапкин, описывая возможности применения компьютерных игр в качестве тренажеров и средств обучения, отмечает их влияние на сенсомоторные и пространственные функции, внимание, мышление, коммуникативные навыки [10].

Таким образом, основываясь на исследованиях о влиянии компьютеризации и компьютерных игр на различные психические функции человека, можно предполагать, что компьютерные игры могут являться инструментом развития психических процессов, в том числе памяти и внимания, в ходе решения игровых конструктивных задач.

Безусловно, многозадачность профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля предъявляет высокие требования к уровню развития их познавательных процессов. Возрастные изменения у специалистов МЧС влияют на их когнитивные функции, постоянные психические нагрузки могут способствовать негативному изменению показателей памяти и внимания, необходимых для эффективного осуществления профессиональной деятельности.

Психологическая подготовка специалистов МЧС России ориентирована не только на освоение психологической составляющей профессиональной деятельности, но также формирование и развитие профессионально важных качеств (в том числе памяти и внимания), сохранение профессионального здоровья, профилактику негативных последствий профессионального стресса [8].

Мероприятия по психологической подготовке могут проводиться как в очной, так и в дистанционной форме. Для реализации дистанционной формы проведения психологической подготовки специалистов научно-исследовательским отделом психологической подготовки и психологического консультирования Центра экстренной психологической помощи МЧС России был разработан электронный учебно-методический комплекс (далее — ЭУМК). ЭУМК — это информационный образовательный ресурс, состоящий из текстового материала по темам программы, вопросов для анализа профессионального опыта, тематических заданий для самостоятельного выполнения, видеоматериалов, вопросов для анализа просмотренных видеотреклеров, контрольных вопросов для проверки знаний по темам глав, библиотеки дополнительной литературы, а также игр для тренировки когнитивных функций.

Игра «Тренировка внимания» — 24-уровневая флэш-игра с простым интерфейсом. Игровое поле состоит из пустых квадратов и квадратов, в которых расположены различные предметы. Задача игрока после звукового сигнала сосчитать на игровом поле количество определенных предметов и после этого отметить их количество на соответствующей шкале за ограниченное время. Игра «Тренировка

памяти» представляет собой 36-уровневую флэш-игру. Игровое поле состоит из пустых квадратов и квадратов, в которых расположены различные предметы. Задача игрока после звукового сигнала посмотреть на появившиеся изображения и запомнить их расположение, а после восстановить их, путем перетаскивания предложенных внизу экрана элементов на поле за определенное время.

В научных работах, посвященных психологической подготовке специалистов экстремального профиля, не рассматриваются вопросы целенаправленной тренировки когнитивных функций с использованием современных технических средств, поэтому данное исследование представляется актуальным и востребованным.

Организация исследования. Экспериментальное исследование проводилось в 2016–2017 гг., в нем приняло участие 85 человек из числа сотрудников Федеральной противопожарной службы МЧС России (далее – ФПС) г. Москвы, являющихся аттестованными пожарными, выполняющими в силу специфики подразделения инспекторскую деятельность, их возраст составил 25–36 лет ($M = 30,6$; $\sigma = 3,53$).

Анализ должностных инструкций данной категории специалистов показал, что в период несения смены они осуществляют наблюдение за противопожарным состоянием закрепленных за ними участков, выявление нарушителей режима курения, оформление служебной и методической документации, разрабатывают и проводят мероприятия по обучению мерам противопожарной безопасности. Также специалистам необходимо знать текущую обстановку на объекте, проводимые мероприятия, количество людей, присутствующих на объекте, в том числе количество и место расположения людей с ограниченными возможностями. При этом они должны постоянно находиться на обслуживаемых участках, обходя их по установленному маршруту, а также проверять состояние всех эвакуационных путей, дверей, выходов из помещения, частей здания с массовым пребыванием людей [7].

Для проведения формирующего эксперимента были определены 2 группы: контрольная и экспериментальная. Отбор специалистов в группы осуществлялся случайно, не требовался определенный стаж работы, учитывались возможности самих специалистов поучаствовать в исследовании (отсутствие отпуска, больничного на период проведения исследования).

Входная и выходная диагностика обеих групп осуществлялась в рамках смен с промежутком 45–50 дней посредством следующих методик: «Кольца Ландольфа» (объем внимания, концентрация, избирательность, устойчивость), «Числовой квадрат» (объем внимания, распределение), «Проба Мюнстерберга» (объем внимания, распределение), «Память на числа» (объем кратковременной памяти) [7] и методика изучения пространственной зрительной памяти (уровень развития пространственной зрительной памяти) [3].

При этом в экспериментальной группе в программу включалось установочное занятие, содержащее организационную часть, инструктаж по использованию игр и заполнению индивидуальных листов наблюдения. Лист наблюдения включал инструкции по прохождению игр с описанием возможных вариантов развития

игровой ситуации и специфики внесения полученных результатов, а также таблицы для фиксации результатов по пройденным играм с указанием даты, количества набранных баллов, процентов или уровней. Данная форма отчетности позволяла участникам экспериментальной группы фиксировать свои результаты, самостоятельно отслеживать динамику, а также являлась дополнительным организующим фактором. Далее участники самостоятельно использовали компьютерные игры «Тренировка памяти» и «Тренировка внимания» из ЭУМК, установленного на рабочем компьютере в подразделении, на протяжении 10 смен (каждую смену 15 минут уделялось на тренировку внимания и 15 минут — на память) и заполняли листы наблюдения. По завершении тренировок специалисты передавали заполненные листы наблюдения, далее осуществлялся их анализ и в индивидуальной беседе участникам сообщались их личные результаты тренировок. Также по итогам исследования давалась наглядная обратная связь каждому участнику исследования.

Математическая обработка полученных экспериментальных данных проводилась с помощью IBM SPSS Statistics 22. Статистический анализ результатов, полученных в ходе исследования, был проведен с применением непараметрического *T*-критерия Вилкоксона, для выявления различий между группами после эксперимента использовался непараметрический *U*-критерий Манна — Уитни.

Результаты и их обсуждение

Результаты сравнительного анализа показали, что различия в контрольной и экспериментальной группах в начале и конце эксперимента являются статистически значимыми по некоторым показателям (табл. 1).

В группе специалистов, которые в обычном режиме работали в рамках смен, наблюдались достоверные различия в объеме внимания, его устойчивости, распределении, а также избирательности. То есть данные выходной диагностики показали улучшение этих показателей и изменение в большую сторону в сравнении с входной диагностикой. По показателям концентрации внимания, объему кратковременной памяти и уровню развития пространственной зрительной памяти достоверных различий в этой группе не обнаружено.

У специалистов, которые также дежурили на сменах, но при этом осуществляли тренировки с помощью flash-игр, отмечены достоверные различия как по показателям объема внимания, устойчивости, распределению и избирательности, так и по уровню развития пространственной зрительной памяти. Это свидетельствует о положительной динамике данных показателей в конце проводимого эксперимента. По показателям концентрации внимания и объему кратковременной памяти достоверных различий в этой группе не обнаружено.

При обработке результатов выходной диагностики были установлены достоверные различия в группах по следующим рассматриваемым показателям: объем внимания и его устойчивость, а также уровень развития пространственной зрительной памяти (табл. 2). При этом средние ранги в экспериментальной группе оказались выше, чем в контрольной. Следовательно, у специалистов, которые

Таблица 1
Достоверность различий в контрольной и экспериментальной группах по показателям внимания и памяти в начале и конце эксперимента

Методика	Показатель	Контрольная группа						Экспериментальная группа					
		до		после		p	до		после		p		
		M	Σ	M	σ		M	σ	M	σ			
Кольца Ландольта	Объем внимания	212,03	50,15	241,48	63,92	0,00	238,10	44,98	275,85	71,99	0,00		
	Концентрация внимания	88,65	13,94	87,35	13,74	0,92	86,78	17,83	85,45	17,00	0,49		
	Избирательность внимания	94,35	7,00	93,73	6,87	0,85	93,25	9,14	92,87	8,59	0,64		
	Устойчивость внимания	198,26	47,21	217,75	65,05	0,00	220,38	38,77	252,35	73,14	0,00		
Числовой квадрат	Объем внимания	28,78	6,98	31,33	5,98	0,00	29,55	5,47	30,73	6,35	0,28		
	Распределение внимания	9,74	2,51	10,77	2,07	0,02	10,03	2,47	11,18	2,25	0,02		
Проба Мюнстерберга	Объем внимания	312,26	110,28	393,51	101,41	0,00	343,25	107,78	399,65	107,71	0,00		
	Избирательность внимания	15,41	4,40	19,21	4,28	0,00	16,35	4,69	19,33	4,554	0,00		
Память на числа	Объем кратковременной памяти	6,50	1,63	5,70	2,76	0,13	6,48	1,84	6,95	2,35	0,39		
	Уровень развития пространственной зрительной памяти	71,95	20,03	76,40	18,21	0,21	75,45	22,74	84,05	16,85	0,01		

выполняли привычную профессиональную деятельность и тренировались с помощью flash-игр, произошло более значимое изменение данных показателей.

Таблица 2

Достоверность различий между контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группами после эксперимента

Методика	Показатель	КГ	ЭГ	<i>p</i>
		средний ранг	средний ранг	
Кольца Ландольга	Объем внимания	33,26	47,74	0,01
	Концентрация внимания	41,13	39,88	0,81
	Избирательность внимания	40,70	40,30	0,94
	Устойчивость внимания	34,80	46,84	0,03
Числовой квадрат	Объем внимания	41,54	39,46	0,69
	Распределение внимания	39,08	41,93	0,58
Проба Мюнстерберга	Объем внимания	39,80	41,20	0,79
	Избирательность внимания	39,94	41,06	0,83
Память на числа	Объем кратковременной памяти	35,96	45,04	0,08
Методика изучения пространственной зрительной памяти	Уровень развития пространственной зрительной памяти	35,26	45,74	0,04

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Выявлено улучшение показателей таких свойств внимания, как избирательность и устойчивость, у специалистов, которые выполняли свои служебные обязанности в рамках смены, но при этом осуществляли тренировку памяти и внимания с использованием компьютерных игр, а также у тех специалистов, которые тренировку не проходили, а только выполняли свои профессиональные обязанности.

2. Отмечено повышение уровня развития пространственной зрительной памяти у специалистов, проходящих тренировку с помощью компьютерных flash-игр.

3. Установлены достоверные различия между показателями объема внимания и его устойчивости, уровня развития пространственной зрительной памяти, отмечено их изменение в большую сторону в группе, осуществлявшей тренировку, в сравнении с группой, которая не тренировалась.

Положительная динамика некоторых свойств внимания и памяти в обеих группах может быть связана с тренировочным эффектом от прохождения методик в начале и конце исследования, функциональным состоянием специалистов (степень утомления, психические нагрузки), а также с влиянием профессиональной

деятельности. В рамках несения службы специалистам требуется значительная устойчивость, концентрация внимания, умение воспринимать поступающую оперативную информацию в необходимом объеме и распределять ее по степени значимости, переключаться при осуществлении одних трудовых функций на другие, а при возникновении пожара — переходить в режим чрезвычайной ситуации.

Проведенное исследование показало, что используемые flash-игры в рамках психологической подготовки эффективны для поддержания и улучшения некоторых свойств внимания и памяти (объема и устойчивости внимания, а также уровня развития пространственной зрительной памяти) при условии выполнения специалистами экстремального профиля своих привычных профессиональных задач.

В связи с тем, что эффект тренировки памяти и внимания может носить временный характер, требуются дополнительные исследования, направленные на изучение продолжительности наблюдаемого эффекта и возможности его стабилизации длительное время. Полученные результаты могут использоваться для разработки комплексной программы, направленной на поддержание и развитие когнитивных функций у специалистов экстремального профиля.

1. *Войскунский А. Е., Аветисова А. А.* Традиционные и современные исследования игрового поведения // *Методология и история психологии.* 2009. № 4. С. 82–94.

2. *Гурьева Л. П.* Психологические последствия компьютеризации: функциональный, онтогенетический и исторический аспекты // *Вопр. психологии.* 1993. № 3. С. 5–16.

3. *Диагностика познавательных способностей: Методики и тесты : учеб. пособие / под ред. В. Д. Шадрикова.* М., 2009.

4. *Должностная инструкция инспектора и старшего инспектора отделения ФГКУ ФПС МЧС России.* М., 2016.

5. *Методическое руководство по проведению профессионального психологического отбора в МЧС РФ.* М., 2013.

6. *Полутина Н. С.* Актуальные направления исследований в психологии компьютерной игры // *Интеграция образования.* 2010. № 4. С. 93–97.

7. *Полутина Н. С.* Возможности использования компьютерных игр в психологии // *Интеграция образования.* 2006. № 4. С. 273–276.

8. *Руководство по организации психологической подготовки в Министерстве РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.* М., 2010.

9. *Фомичева Ю. В., Шмелев А. Г., Бурмистров И. В.* Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми // *Вестн. Моск. унта. Сер. 14 : Психология.* 1991. № 3. С. 27–39.

10. *Шапкин С. А.* Компьютерная игра: новая область психологических исследований // *Психол. журн.* 1999. Т. 20, № 1. С. 86–102.

11. *Шмелев А. Г.* Мир поправимых ошибок // *Вычислительная техника и ее применение. Компьютерные игры.* 1988. № 3. С. 16–84.

Статья поступила в редакцию 04.06.2018 г.

УДК 159.923.3:612.014.421.7 + 342.76

М. В. Карагачева
В. Л. Ситников
Д. Н. Церфус

ОБРАЗ ПОСТРАДАВШЕГО В СОЗНАНИИ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ

В статье приводятся результаты изучения представлений о пострадавших в сознании действующих сотрудников пожарной службы и курсантов Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. Было обследовано 140 сотрудников МЧС России (пожарные и курсанты университета ГПС МЧС России). Результаты свидетельствуют о достоверных различиях между ними в содержании и структурах образов пострадавших. У курсантов значительно больше эмоционально-негативных характеристик, в то время как у действующих сотрудников достоверно чаще представлены социально-ролевые, конвенциональные характеристики и качества, характеризующие социальный интеллект. Кроме того, они отмечают у пострадавших значительно больший спектр характеристик и качеств. Полученные результаты исследования позволяют предложить ряд рекомендаций для повышения уровня профессиональной компетентности действующих и будущих сотрудников МЧС России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социально-перцептивные образы пострадавших; пожарные; курсанты; спасатели; профессиональная компетентность; чрезвычайная ситуация.

Последние десятилетия на фоне всевозрастающего уровня научно-технического прогресса, способствующего общему повышению уровня жизни, одновременно фиксируется тенденция резкого роста социальных, техногенных и природных катастроф [2]. В этих условиях все большее значение приобретает компетентность профессиональных спасателей — сотрудников МЧС России.

Анализ деятельности подразделений МЧС России убедительно доказывает, что эффективность ликвидации последствий катастроф в значительной степени определяется личностными качествами, профессиональной и психологической подготовленностью сотрудников, их готовностью действовать в чрезвычайных ситуациях, сплоченностью коллектива, а также успешностью взаимодействия сотрудников МЧС России с пострадавшими [1].

КАРАГАЧЕВА Мария Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии риска, экстремальных и кризисных ситуаций Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (e-mail: karagache@mail.ru).

СИТНИКОВ Валерий Леонидович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи Института детства Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (e-mail: sitnikof@mail.ru).

ЦЕРФУС Диана Николаевна — кандидат медицинских наук, доцент, начальник кафедры психологии риска, экстремальных и кризисных ситуаций Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (e-mail: diana.cerfus@mail.ru).

© Карагачева М. В., Ситников В. Л., Церфус Д. Н., 2018

Среди людей, перенесших психическую травму, вероятность развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), по данным различных авторов, составляет от 10 до 50 %. Как отмечает М. М. Решетников, у 40 % данной группы обычно наблюдается прогрессирующее (т. е. не поддающееся лечению) течение ПТСР [10].

Руководитель психологической службы МЧС России Ю. С. Шойгу предлагает следующую классификацию пострадавших в чрезвычайных ситуациях:

- собственно пострадавшие, изолированные в очаге чрезвычайной ситуации;
- пострадавшие материально или физически, а также люди, потерявшие своих родных и близких либо не имеющие информации об их судьбе;
- очевидцы — люди, проживающие в непосредственной близости от места трагедии;
- наблюдатели;
- участники ликвидации чрезвычайной ситуации [13].

Таким образом, пострадавший оказывается основным объектом деятельности спасателей МЧС России, но и сами специалисты, имеющие опыт ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, переживая стрессовые ситуации, получают психологические, а нередко и телесные травмы, т. е. и их можно считать специфической категорией пострадавших. Двойственное положение имеющих опыт спасателей формирует у них особое восприятие пострадавших, отличающееся от восприятия тех, кто не имеет такого опыта. Это позволяет предположить, что образ пострадавшего может быть одним из ключевых показателей уровня компетентности сотрудников МЧС России.

Анализируя роль и специфику образов в деятельности профессионалов различного типа, Е. А. Климов особо отмечал значение образов для саморегуляции профессионала: «Образы самосознания человека (наряду с образами окружающего мира) — необходимая основа целесообразной регуляции, саморегуляции его трудовой деятельности и взаимодействия с окружающими людьми» [6].

Уровень контакта сотрудников и пострадавших в немалой степени определяет успех в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, в спасении пострадавших, в купировании острых стрессовых реакций, помогает снизить возможность появления посттравматических стрессовых расстройств. При этом успех организации взаимодействия спасателей и пострадавших зависит от сотрудников, которые имеют специальную подготовку и готовы оказать необходимую помощь.

Эффективность взаимодействия пострадавшего и сотрудника МЧС России во многом определяется тем, какой образ пострадавшего сформирован в сознании спасателя. Если пострадавший воспринимается спасателем как «псих», «неудачник» и «истерик», то вряд ли такого сотрудника можно считать профессионалом. Скорее всего, такому человеку работа не приносит удовлетворения, а его деятельность вряд ли будет эффективной и успешной. Но сотрудник, имеющий четкие представления о пострадавшем, осознающий, что пострадавший даже в стрессовом состоянии может обладать рядом позитивных качеств, скорее сумеет наладить контакт, будет проявлять готовность и желание помочь [5].

Исходя из вышеизложенного, целью нашего исследования является сравнительный анализ образов пострадавших в сознании действующих и будущих сотрудников ГПС МЧС России (пожарных).

Гипотеза исследования: содержание и структура образов пострадавшего, складывающиеся в сознании пожарных, различаются в зависимости от опыта профессиональной деятельности и могут быть одним из важнейших предикторов уровня компетентности сотрудников МЧС России.

Выборка составила 140 человек, в том числе 90 курсантов Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы (СПб УГПС) МЧС России 2–4-го курсов, обучающихся по специальности «Пожарная безопасность», и 50 сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России (далее – спасатели) со стажем работы более года, неоднократно принимавшие участие в тушении пожаров и спасении людей.

Современные исследования показывают, что образы характеризуются динамичностью, сложностью и неоднородностью, что затрудняет их изучение [4, 5, 8, 11, 12]. Рассматривая изучение образов в психологии, Б. Ф. Ломов особо выделял проблему методов их диагностики [8]. Одним из путей решения этой проблемы является методика В. Л. Ситникова «Структура образа человека (иерархическая)» (СОЧ(И)) [12].

Методика СОЧ(И) состоит из двух частей: вербальной и невербальной. В основе вербальной части лежит методический прием, предложенный М. Куном и Т. Мак-Партлэндом в их известном тесте «20 высказываний» [15]. Испытуемым было предложено 20 раз высказаться о себе, а затем охарактеризовать пострадавшего любыми двадцатью высказываниями. Вербальная часть методики подвергается контент-анализу, позволяющему выявить структуру вербального Я-образа и сопоставить ее с другими исследуемыми образами, используя математико-статистические методы.

В основе невербальной части лежит стимульный материал психогеометрического теста С. Делингер [14]. Анализ этой части образа дает возможность оперативно определить тип проекции Я-образа на образ другого (прямая, обратная или отсутствие проекции).

Параметры контент-анализа 2800 высказываний, полученных в исследовании:

1. Характеристики мотивационно-волевой сферы (трудолюбивый, волевой, целенаправленный и т. п.);
2. Деятельностные характеристики (трудолюбивый, ленивый и т. п.);
3. Характеристики интеллектуально-творческой сферы (глупый, хорошая память, креативный и т. п.);
4. Характеристики социального интеллекта (понимающий, мудрый, болтун и т. п.);
5. Конвенциональные характеристики (муж, курсант, брат и т. п.);
6. Поведенческие характеристики (пассивный, осторожный и т. п.);
7. Социальные характеристики личности как субъекта взаимодействия (добрый, заботливый, агрессивный и т. п.);
8. Характеристики телесно-физической сферы (толстый, сильный, высокий и т. п.);

- 9. Характеристики эмоциональной сферы (печальный, радостный и т. п.);
- 10. Метафорические характеристики (дуб, солнышко, весы и т. п.);
- 11. Акзигитивные характеристики (связанные с материальной заинтересованностью, например, «коллекционер», «хорошо/плохо одет», «без телефона» и т. п.) [5].

В процессе контент-анализа определяется и структура отношения к изучаемому образу, характеризующая соотношение позитивных, негативных и нейтральных или амбивалентных характеристик.

Сопоставление ранговых структур образов потерпевших (табл. 1) показало, что первые ранговые места в сознании действующих и будущих пожарных занимают эмоциональные, телесно-физические и социальные компоненты. Другие компоненты структуры образа распределяются по остальным ранговым позициям.

Таблица 1

Сопоставление ранговых структур обобщенного образа пострадавшего в сознании сотрудников и курсантов

Компоненты	Сотрудники		Курсанты	
	среднее	ранг	среднее	ранг
Эмоциональные	6,35	1	8,20	1
Телесно-физические	5	2	5,38	2
Социальные	4,5	3	3,88	3
Поведенческие	2,65	4	2,22	5
Конвенциональные	2,35	5	0,93	8
Социального интеллекта	2,2	6	1,28	7
Мотивационно-волевые	1,95	7	2,33	4
Интеллектуальные	1,15	8	0,87	9
Деятельностные	0,45	9	1,84	6
Метафорические	0,35	10	0,33	11
Акзигитивные	0,3	11	0,5	10
Позитивные	2,55		2,26	
Нейтральные	4,2		3,70	
Негативные	10,5		13,46	

Статистический анализ полученных данных с помощью *t*-критерия Стьюдента показал, что опытные пожарные достоверно чаще употребляют конвенциональные описания пострадавших ($t = 3,44, p \leq 0,01$) и характеризуют их социальный интеллект ($t = 3,15, p \leq 0,01$), в то время как курсанты достоверно больше используют деятельностные ($t = 3,52, p \leq 0,01$), эмоциональные ($t = 2,33, p \leq 0,05$) и негативные характеристики ($t = 3,33, p \leq 0,01$) [5].

Эти данные соответствуют выводам Т. В. Ивановой и Е. Л. Лукьяновой, изучавшим представления о чрезвычайной ситуации у курсантов, участвовавших

в ликвидации наводнения в Хабаровском крае, и у тех, кто не имел такого опыта. Их исследование показало, что курсанты без опыта аварийно-спасательных работ представляют чрезвычайную ситуацию более тяжелой и напряженной, чем курсанты, принимавшие участие в ликвидации последствий наводнения [3].

Частотный анализ всего содержания изучаемых образов дает возможность выявить наиболее часто встречающиеся определения и сконструировать обобщенный образ, характерный для той или иной группы респондентов.

Анализ частотных словарей образов пострадавших в сознании пожарных и курсантов выявил, что 30 % действующих пожарных отмечают агрессивность, нервность, растерянность и болезненность пострадавших, 25 % — их слабость, ранения, потерянности, 20 % — испуг и раздражительность. При этом 20 % фиксируют спокойствие, 15 % — адекватность, внимательность, надежду и стойкость, 10 % отмечают уравновешенность пострадавших.

Определения опытных сотрудников отличаются конкретикой и большей четкостью, а характеристики курсантов содержат достоверно больше эмоционально насыщенных ассоциаций и отличаются абстрактностью и неконкретностью. Это также соответствует результатам Е. Л. Лукьяновой и Т. В. Ивановой, выделивших в представлениях курсантов о чрезвычайной ситуации группу эмоциональных описаний, включающих такие характеристики, как «паника», «горе», «страх» и др. [9].

Анализ частотного словаря дает представление о качественных различиях образов пострадавшего у спасателей и курсантов. Лишь два высказывания: «слабый» и «беспомощный», чаще других характеризующие пострадавших, оказываются одинаково представлены у будущих и действующих пожарных. При этом 19 % опытных пожарных характеризуют пострадавшего словами «ребенок» и «пострадавший». Чаще всего спасатели характеризуют пострадавшего как «агрессивного», тогда как у курсантов не встречается такое определение. В их определениях преобладают характеристики, отражающие жалость, сострадание, они не могут представить пострадавшего агрессивным и опасным для окружающих или для самого спасателя. Таким образом, для имеющих опыт пожарных образ пострадавшего содержит больший спектр значимых характеристик.

Анализ результатов невербальной части свидетельствует, что у 48 % пожарных пострадавшие ассоциируются, прежде всего, с зигзагом. С кругом пострадавшего отождествляют 27 % спасателей, 10 % процентов выбирают «треугольник», 9 % — «прямоугольник» и 6 % ассоциируют пострадавших с квадратом.

Сравнительный анализ ранжирования фигур показывает, что у 49 % пожарных выявлена обратная проекция образов самого себя и пострадавшего, при этом у них зигзаг при описании пострадавшего оказывается на первом месте, а описывая себя, они ставят его на последнее или на предпоследнее место. Это, скорее всего, свидетельствует о том, что около половины пожарных противопоставляют себя пострадавшему, что может являться свидетельством психологической защиты от прошлой или потенциальной психологической травмы. В то же время это демонстрирует уверенность в собственных силах и способность оказать пострадавшим необходимую помощь, свидетельствует о сформированности установки

на оказание действенной помощи более слабому, об осознании собственной профессиональной компетентности.

У 45 % респондентов не выявлено достоверных связей в ранжировании невербальных психогеометрических образов себя и пострадавшего, а у 6 % наблюдается полное соответствие невербальных образов. Возможно, это следствие низкой ответственности при заполнении бланков обследования, но не меньше вероятность общечеловеческой идентификации себя с пострадавшими, что также демонстрирует мотивационную готовность к профессиональной деятельности.

Результаты исследования образов пострадавших в сознании курсантов и пожарных позволяют сделать ряд выводов:

1. В характеристике образов пострадавших в чрезвычайных ситуациях как у действующих, так и у будущих пожарных преобладают эмоциональные, телесно-физические и поведенческие элементы.

2. Структура и содержание образов пострадавших у действующих и будущих пожарных достоверно различаются по ряду ключевых показателей:

— у курсантов в образах пострадавших преобладают негативные и эмоциональные характеристики, преимущественно связанные с чувствами жалости и сострадания;

— у действующих пожарных отмечается преобладание конвенциональных характеристик и характеристик социального интеллекта, при этом 75 % из них используют не только негативные и нейтральные характеристики пострадавшего, но и позитивные, в которых они описывают пострадавших как уравновешенных, адекватных, стойких, внимательных и т. п.;

— пожарные, по сравнению с курсантами, отражают больший спектр различных качеств пострадавших.

3. Содержание и структура социально-перцептивных образов, складывающихся в сознании участников ликвидации чрезвычайных ситуаций, является предиктором уровня компетентности сотрудников МЧС России.

1. Баскин Ю. Г., Степанов Р. А., Канисев П. В. Проблемы управления качеством профессиональной подготовки сотрудников Государственной противопожарной службы в условиях модернизации российского пожарно-технического образования // Проблемы управления рисками в техносфере. 2011. № 1 (17). С. 35–39.

2. Воробьев Ю. Л. Основные направления государственной стратегии снижения рисков и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации на период 2010 г. // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. 1997. № 4. С. 3–22.

3. Иванова Т. В., Лукьянова Е. Л. Психосемантические различия представлений чрезвычайной ситуации у курсантов с разным опытом участия в ликвидации последствий наводнений // Проблемы управления рисками в техносфере. 2015. № 3 (35). С. 136–140.

4. Карагачева М. В., Кедич С. И., Ситников В. Л. Социально-педагогическая рефлексия студентов психолого-педагогических специальностей // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер. : Педагогика и психология. 2012. № 5. С. 264–271.

5. Карагачева М. В., Церфус Д. Н. Психологические аспекты образа пострадавшего в сознании сотрудников МЧС России при ликвидации последствий техногенных и природных ЧС // Пожаровзрывобезопасность. 2016. Вып. 9. С. 70–78.

6. *Климов Е. А.* Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995.
7. *Кудряков С. А., Благинин А. А., Ситников В. Л.* Безопасность как транспрофессиональная компетенция // Человек и транспорт. Эффективность. Безопасность. Эргономика : материалы секции междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2014. С. 7–14.
8. *Ломов Б. Ф.* Проблема образа в психологии // Вестн. АН СССР. 1985. № 6. С. 85–92.
9. *Лукьянова Е. Л., Иванова Т. В.* Специфика представлений чрезвычайной ситуации курсантами Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 83–88.
10. *Решетников М. М.* Психология выживших в катастрофе (организационно-методические вопросы деятельности психологических служб) // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. С. 153–157.
11. *Ситников В. Л., Регуш Л. А., Казначеева Н. Б. и др.* Социально-психологическая перцепция в системе образования : монография / под общ. и науч. ред. д-ра психол. наук, проф. В. Л. Ситникова ; науч. ред. д-р психол. наук, проф. Л. А. Регуш. СПб., 2016.
12. *Ситников В. Л., Стреленко А. А.* Гендерные особенности Я-образов жертв сексуального насилия // Психология психических состояний: актуальные теоретические и прикладные проблемы : материалы II Всерос. науч. конф. : в 2 ч. Казань, 2013. С. 212–216.
13. *Шойгу Ю. С.* Принципы оказания экстренной психологической помощи в условиях чрезвычайных и экстремальных ситуаций // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12 : Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 162–168.
14. *Dellinger S.* Communicating Beyond Our Differences: Introducing the Psycho-Geometrics System. 2nd ed. Prentice-Hall, 1996. 204 p.
15. *Kuhn M., McPartland T.* An empirical investigation of self-attitudes // Am. Sociological Rev. 1954. Vol. 19, № 1.

Статья поступила в редакцию 18.05.2018 г.

УДК 159.944.4 + 004.422.422

**И. О. Куваева
Е. Н. Агапова**

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИННОВАЦИОННОГО МОНОТОННОГО ТРУДА*

Представлены результаты исследования особенностей проявления профессионального стресса у сотрудников контакт-центра ($n = 138$). Проверялось предположение о специфичности синдрома стресса у операторов, работающих в сфере информационных технологий. Для анализа психологической структуры стресса применялся психодиагностический комплекс, основным инструментом стала опросная система «Интегральная диагностика и коррекция профессионального стресса» А. Б. Леоновой. Получены данные о доминирующем состоянии монотонии, формируемом в ответ на рутинные условия труда операторов. Детализирован синдром стресса у данной группы специалистов (стрессоры профессионально-организационного контекста, симптомы острого и хронического напряжения, неконструктивные способы купирования стресса). Выявлена специфическая особенность в развитии стресса у IT-операторов, обусловленная субъективной важностью выполняемой работы. Описаны проявления стресса у операторов, отнесенных к группе риска.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональный стресс; инновационные профессии; монотонный труд; монотония; контакт-центр; оператор; IT-компания; информационные технологии.

Психологический анализ монотонной работы осуществляется учеными на протяжении последнего столетия. Первые исследования сущности монотонной работы были проведены в школе К. Левина в экспериментах А. Карстен

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-313-00240.

КУВАЕВА Ирина Олеговна — старший преподаватель кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: irina.kuvaeva@urfu.ru).

АГАПОВА Екатерина Николаевна — студент 4-го курса направления «Психология» Уральского федерального университета (e-mail: agarova.kn@mail.ru).

© Куваева И. О., Агапова Е. Н., 2018

в 1920-е гг.; результаты исследования Г. Мюнстерберга в области изучения труда телефонисток компании Белля стали классическими в психологии и менеджменте [8]. Дальнейшая индустриализация повлекла за собой научное изучение трудовой деятельности и психических состояний у «конвейерных» рабочих. В эпоху научно-технической революции развитие современного производства качественно изменило профессиональную деятельность человека. На фоне уменьшения тяжелого физического труда существенно возросло количество людей, занятых выполнением простых однообразных операций с ограничением мышечных усилий и общей подвижности. В условиях постиндустриального общества возросла доля компьютеризации и интенсификации рабочих процессов в современных организациях [9].

Продуктом экономики услуг стало создание и повсеместное внедрение контакт-центров в сервисных организациях (далее — КЦ). В. В. Барабанщикова относит работу операторов КЦ к категории инновационных профессий, специфическому типу профессий постиндустриального общества, для которых характерно обязательное применение компьютерных и телекоммуникационных технологий при осуществлении трудовых задач [1]. Работа операторов реализуется в монотонных условиях труда: их работу называют «компьютеризированным рабством» [6] и продвинутой формой тейлоризма [15].

Обширный массив исследований, представленных в психологической литературе, отчетливо демонстрирует повышенную стрессогенность деятельности операторов КЦ [3, 6, 10, 12–15]. Внимание исследователей сосредоточено на анализе разнообразных факторов развития стресса, а также на влиянии негативных последствий повышенной напряженности деятельности на здоровье оператора и эффективность работы организации. Сегмент рыночной экономики, который обслуживает КЦ, обуславливает специфические факторы в формировании профессионального стресса у персонала (далее — ПС). Так, стрессогенные ситуации в работе сотрудников детского медицинского центра связаны с нарушением культурных норм коммуникации, агрессивным поведением клиентов, ролевым конфликтом между профессиональной и материнской позицией оператора [11]. Телекоммуникационные КЦ различаются по стабильности рабочих нагрузок, которые обуславливают особенности формирования функциональных состояний у операторов [2]. Психическое пресыщение является единственным предиктором развития монотонии у сотрудников с постоянными рабочими нагрузками; формирование состояния монотонии у операторов с переменными рабочими нагрузками обусловлено сочетанием психического пресыщения и стресса. Проведенные исследования описывают особенности труда и функциональных состояний персонала КЦ, однако, на наш взгляд, полученные результаты некорректно экстраполировать на операторов из других сегментов экономики.

Процедура и методы исследования

Цель исследования — выявить специфические особенности проявлений профессионального стресса у операторов ИТ КЦ. Анализ целостного синдрома ПС

позволяет выделить стрессоры профессионального и организационного контекста, дать характеристику текущего функционального состояния работника, зафиксировать хронические и накопленные негативные эффекты стресса у персонала.

Сбор эмпирических данных осуществлялся во втором полугодии 2017 г. в КЦ ведущей ИТ-компании России (головной офис расположен в г. Екатеринбурге). Всего в исследовании приняли участие 138 операторов, из них 58 женщин и 80 мужчин (средний возраст — 25,4 лет, средний стаж работы в КЦ — 10 месяцев). Половина респондентов (49,2 %) имеют высшее образование; две трети операторов (77 %) не работают по специальности. Половой состав подгрупп респондентов в зависимости от специализации оператора представлен в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика выборочной совокупности

Специализация оператора	Пол		Всего
	мужчины	женщины	
Прием входящих звонков	48	30	78
Исходящий обзвон	32	28	60
Всего	80	58	138

Согласно данным табл. 1, прием входящих обращений клиентов преимущественно осуществляют мужчины, в то время как исходящий обзвон выполняется равными по количеству подгруппами мужчин и женщин.

Методический инструментарий. Для выявления целостного синдрома ПС применялись диагностический комплекс и статистические процедуры:

1. Профессиографическая анкета для анализа объективированных характеристик трудовой деятельности сотрудников (трудовые задачи, особенности организации труда, режимы работы, нагрузки и т. д.).

2. Преддиагностическое интервью — проводилось с целью определения особенностей состояния здоровья и образа жизни, наличия отдыха за последний год и вредных привычек у респондентов.

3. Диагностико-превентивная система «Интегральная диагностика и коррекция профессионального стресса» (ИДИКС) — направлена на выявление факторов повышенной напряженности, субъективной оценки затруднений в работе, негативной симптоматики острого стрессового состояния и накопленных форм стресса [5]. Структурированный психометрический тест опросного типа включает в себя интегральную шкалу (TV0 «Общий индекс стресса»), 6 основных шкал (TV1 «Условия и организация труда», TV2 «Субъективная оценка профессиональной ситуации», TV3 «Вознаграждение за труд и социальный климат», TV4 «Переживание острого стресса», TV5 «Переживание хронического стресса», TV6 «Личностные и поведенческие деформации»), 28 субшкал и шкалу социальной желательности. Показатели по шкалам и субшкалам, отражающие высокий и предельно высокий уровни, определяют проблемные зоны в структуре проявлений ПС у работников.

4. Опросник «Дифференциальная оценка работоспособности» (ДОРС) — применялся для определения доминирующих состояний сниженной работоспособности [7]. К неблагоприятным функциональным состояниям, ведущим к снижению работоспособности человека, относятся утомление, монотония, психическое пресыщение, напряженность (стресс).

5. Статистические процедуры — включали анализ описательной статистики и выявление меры различий между подгруппами респондентов (t -критерий Стьюдента для сравнения синдромов стресса у операторов разных специализаций; U -критерий Манна — Уитни для определения половых различий в проявлениях ПС).

Результаты исследования и их обсуждение

Профессиографический анализ трудовой деятельности оператора. Сотрудник КЦ взаимодействует с клиентом по вопросам информационных продуктов (компьютерных программ). Пользователями ИТ-продуктов являются руководители компаний и бухгалтеры, которым необходимо в соответствии с нормативными сроками сдавать отчеты и документы в государственные службы через Интернет. Оператор должен обеспечивать высокий уровень информационной и технической поддержки пользователей программных продуктов предприятия.

Обследуемый КЦ максимально ориентирован на удовлетворение потребностей персонала в организации оптимального режима труда. В соответствии с Трудовым кодексом РФ дневная смена оператора составляет 8 часов, ночная — 12 часов. Сотрудники имеют возможность самостоятельно формировать количество и длительность перерывов в течение смены (суммарное время на перерывы в дневную смену — 60 минут, ночью — 80 минут). График включает 5 рабочих дней с «плавающим» временем начала рабочей смены; традиционным является сменный график «2 через 2», при необходимости оператор выстраивает удобный для себя график. Ночные смены появляются после 6 месяцев работы в КЦ.

Нагрузка операторов предполагает общение с клиентом двумя способами: по телефону и через интернет-ресурсы (электронная форма, социальные сети и т. д.). За рабочую смену сотрудник обслуживает 30–50 звонков, среднее время разговора составляет 7–12 минут. В месяц оператор осуществляет от 500 до 1200 телефонных контактов. Нагрузка специалистов связана с «сезонностью» обращений: период сдачи квартальных и годовых отчетов способствует увеличению обращений в КЦ.

КЦ находится в отдельном помещении, рабочий стол оператора предусматривает наличие аппаратно-программного комплекса: компьютера с Интернетом; локальной сети с программным обеспечением, телефона, гарнитуры; системы автоматического распределения звонков между операторами, программы записи звонков и фиксирования времени разговора, отслеживания уровня загруженности специалистов.

Дифференциальная оценка работоспособности персонала. Анализ результатов по методике ДОРС продемонстрировал, что доминирующим неблагоприятным

функциональным состоянием у выборочной совокупности в целом и по подгруппам операторов является переживание *выраженной* монотонии. Состояние монотонии развивается в условиях однообразной работы с частым повторением рабочих операций и обедненной внешней средой, проявляется в снижении сознательного контроля за исполнением деятельности и переживаниями скуки/сонливости. Стремление к смене деятельности является мотивационной составляющей монотонии. Операторы исходящего обзвона по сравнению со специалистами «входящего» направления достоверно различаются по показателям монотонии ($p = 0.000$), утомления ($p = 0.002$) и психического пресыщения ($p = 0.009$). В то время как сотрудники, принимающие входящие звонки, наряду с монотонией имеют повышенную психическую напряженность ($p = 0.000$).

Синдром ПС у IT-операторов. По совокупности собранных данных большая часть сотрудников (98,5 %) переживает стресс на рабочем месте: 67 % респондентов имеют выраженный уровень стресса; каждый третий оператор (30 % от выборки) отмечает высокий/предельно высокий уровни напряженности и работает на «пределе своих возможностей», испытывая разнообразные негативные устойчивые симптомы стресса. Сотрудники КЦ нуждаются в полноценном отдыхе: более 60 % операторов не были в отпуске за последний год.

Целостный синдром ПС у операторов включает стрессоры профессионально-организационного контекста, симптомы острого и хронического стресса, а также поведенческие риск-факторы. Так, повышенные трудовые нагрузки, предельное однообразие, простота, высокая значимость выполняемой работы и отсутствие автономии исполнения — профессиональные факторы развития стресса у операторов. К организационным стрессорам относятся невысокая заработная плата, неэффективная система обратной связи и тотальный контроль деятельности. Ежедневное функциональное состояние работника характеризуется высокой когнитивной напряженностью, затруднениями в поведении и максимальным ухудшением самочувствия. Негативная симптоматика хронического стресса сформирована в виде депрессии и нарушений сна. Повышенную напряженность деятельности операторы купируют с помощью вредных для здоровья привычек (каждый третий оператор выкуривает более 10 сигарет в день; 30 % персонала употребляет алкоголь более 1 раза в неделю).

Специфика ПС у операторов разных специализаций. Анализ различий в синдромах ПС продемонстрировал, что для операторов исходящего обзвона значимость трудовых задач является более стрессогенной, чем для операторов входящих обращений ($TV23 = 57.89$, высокий уровень, $p = 0,034$). Половые различия ПС в зависимости от специализации оператора отражены в табл. 2. В частности, прием входящих обращений является более напряженной деятельностью для мужчин. Так, специфическими стрессорами для них становятся чрезмерное однообразие трудовых задач, осложненные социальные отношения и недостаточная оплата труда; развитие невротических реакций представляет собой сформированную профессионально-личностную деформацию у молодых людей. В свою очередь, женщины испытывают трудности при осуществлении исходящего обзвона:

сложность трудовых задач, неэффективная система обратной связи и нарушения сна – специфические проявления ПС у девушек.

Таблица 2

Различия в проявлениях стресса у мужчин и женщин

Шкалы ИДИКС	Группы (описательная статистика: M, SD)		Значимость	
	мужчины	женщины	<i>U</i>	<i>p</i>
<i>Прием входящих обращений</i>				
Вознаграждение за труд и социальный климат (TV3)	55,8 (4,68)	53,1 (4,07)	485	0,015
Разнообразие (TV21)	67,4 (5,26)	64,8 (5,47)	472,5	0,009
Оплата/вознаграждение за труд (TV32)	54 (5,92)	51,3 (5,35)	510	0,029
Невротические реакции (TV63)	52,9 (6,83)	49,5 (6,33)	512,5	0,030
<i>Исходящий обзвон</i>				
Сложность (TV22)	55,8 (6,33)	61 (10,6)	316	0,047
Обратная связь (TV33)	62,2 (8,42)	66,3 (7,47)	309	0,036
Нарушения сна (TV56)	53,8 (5,57)	58 (7,86)	274,5	0,009

Проведенное исследование, направленное на изучение специфики работы сотрудника ИТ КЦ, подтвердило повышенную напряженность деятельности операторов в условиях монотонного труда. В ответ на однообразную работу с короткими операциями и навязанным темпом выполнения деятельности у исполнителей формируется состояние монотонии; требования повышенной мобилизации психологических и энергетических ресурсов в сочетании с субъективной значимостью труда приводят к развитию ПС у сотрудников. Высокая «цена» деятельности проявляется в сформированности разных симптомов острого стрессового состояния у работников: перегрузка когнитивных процессов, затруднения поведения и общения, максимальное ухудшение самочувствия. Подобные результаты были получены на выборках операторов, работающих в телекоммуникационных и банковских КЦ [4]. Подробный анализ синдрома ПС у ИТ-операторов позволяет выявить группы сотрудников, в большей степени «страдающих» на рабочем месте: (1) женщины, осуществляющие исходящий обзвон; (2) мужчины по обслуживанию входящих обращений; (3) операторы с высоким уровнем стресса. Изучение объективированного контекста выполняемой деятельности и специфики проявлений нервно-психической напряженности дает основание для дифференцирования особенностей работы у операторов ИТ-сферы.

Отличительные признаки труда у операторов заключаются в особенностях предоставляемого продукта и субъективной важности выполняемой деятельности. Продуктом ИТ-организации является программное обеспечение, предоставляемое

клиенту и технически поддерживаемое в период договорных отношений. Необходимость ведения продолжительных разговоров с клиентом по эксплуатации технически сложных продуктов обуславливает востребованность мужчин в области информационных технологий. Понимание сотрудником важности своей работы заключается в осознании того, что от его действий зависит конечный результат клиента по работе с программой (формирование отчета, заполнение документов, отправка в срок и т. д.). Значимость трудовых задач становится серьезным стрессогенным фактором для операторов, осуществляющих исходящий обзвон и обеспечивающих лояльность клиентов. Данная группа специалистов нацелена на оперативное «закрытие» запроса клиента по технической поддержке: работа программ, сообщение необходимой информации и т. д. «Противоположные» особенности работы операторов выявлены в телекоммуникационных и банковских КЦ [4]. В частности, в центрах по обслуживанию клиентов мобильной связи и банковских услуг преимущественно работают женщины; технически простые продукты обуславливают меньшую длительность разговоров; исходящий обзвон клиентов ориентирован на маркетинговые и рекламные компании. Теле- и банковские операторы испытывают переживания в связи с низкой значимостью своего труда. Следовательно, специфические проявления ПС у персонала КЦ обусловлены сегментом рыночной экономики, в котором функционирует организация.

В дальнейшем необходимо проведение дополнительных исследований данной группы респондентов и сопоставление целостных синдромов стресса IT-операторов с показателями представителей других профессий, а также изучение взаимосвязи между особенностями совладающего поведения и имплицитными представлениями о стрессе (концепт «стресс») у сотрудников IT контакт-центра. Установление соотношения между реально переживаемым стрессом на рабочем месте и концептом «стресс» как единицы понятийного мышления, вероятно, позволит получить дополнительную информацию о трудных ситуациях в личной и профессиональной жизни оператора. Сравнительное исследование предполагает выявление особенностей профессионального стресса у представителей инновационного и традиционного монотонного труда (IT-операторы vs производственные рабочие).

1. *Барабанищикова В. В.* Профессиональные деформации в профессиях инновационной сферы : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2016. 44 с.

2. *Барабанищикова В. В., Епанчинцева А. В.* Роль стабильности рабочих нагрузок в формировании функционального состояния сотрудников колл-центров // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 2. С. 113–127.

3. *Жезлова К. Ю.* Особенности динамики формирования психического выгорания в профессии оператора телекоммуникационной связи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2007. 26 с.

4. *Куваева И. О.* Профессиональный стресс у операторов контакт-центров // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 4 (81). С. 88–94.

5. *Леопова А. Б.* Методика интегральной диагностики и коррекции профессионального стресса (ИДИКС) : метод. руководство. СПб., 2006.

6. *Леонова А. Б.* Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14 : Психология. 2007. № 1. С. 87–103.
7. *Леонова А. Б., Величковская С. Б.* Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Психология психических состояний : сб. ст. Казань, 2002. Вып. 4. С. 326–343.
8. *Носкова О. Г.* Психология труда. 5-е изд. М., 2009. 384 с.
9. *Организационная психология : учебник / под общ. ред. А. Б. Леоновой.* М., 2014.
10. *Самолубова А. Б.* Call Center на 100 % : практ. рук. по организации Центра обслуживания вызовов. 2-е изд. М., 2010.
11. *Стивак И. М., Бирюкова Е. Г., Слипка М. И., Черномуров И. Н.* Стрессогенные ситуации в работе операторов call-центра многопрофильного детского медицинского учреждения // Педиатрическая фармакология. 2015. № 12(1). С. 117–119.
12. *Dormann C., Zijlstra F. R. H.* Call centres: High on technology – high on emotions // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2003. Vol. 12, is. 4. P. 305–310.
13. *Lin Y.-H., Chen C.-Y., Lu S.-Y.* Physical discomfort and psychosocial job stress among male and female operators at telecommunication call centers in Taiwan // Applied Ergonomics. 2009. Vol. 40, is. 4. P. 561–568.
14. *Tuten T. L., Neidermeyer P. E.* Performance, satisfaction and turnover in call centers. The effects of stress and optimism // Journal of business Research. 2004. Vol. 57, is. 1. P. 26–34.
15. *Zapf D., Isic A., Becholdt M., Blau P.* What is typical for call centre jobs? Job characteristics and service interactions in different call center // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2003. Vol. 12, is. 4. P. 311–340.

Статья поступила в редакцию 13.06.2018 г.

УДК 159.922.7 + 371.12.011.3-051 + 371.8

Р. Р. Муслумов
А. А. Печеркина

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЯ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТРАВЛЕ В ДЕТСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Рассматривается проблема травли в детских коллективах, анализируются факторы травли (возрастные особенности, противоречия в системе социализации, действия учителя). На основе проведенного анкетирования учителей (240 человек) рассмотрены формы проявления неуставных отношений в детских коллективах по классификации А. А. Пелевиной, а также исследована их актуальность для учителя и его готовность к противодействию травле. Результаты показали, что наиболее значимыми формами являются ритуализированность включения в группы, дискриминация и эксплуатация. К противодействию этим формам травли в детских коллективах учителя считают себя менее всего подготовленными. Представлены предложения по совершенствованию системы образования, среди которых: практико-ориентированное обучение учителей на основе концептуального подхода с использованием кейс-метода и ролевого театра, приобретение учителями навыков распознавания и коррекции мотивации агрессоров, реализация курса кибербезопасности для детей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: травля; буллинг; учитель; образовательная среда; детский коллектив.

Травля (буллинг) в школьном коллективе — одна из угроз современного общества, которая в последнее время обострилась. Это связано как с причинами социально-экономического характера, так и с общим уровнем культуры учащихся, с особенностями взаимодействия внутри самих учебных коллективов. Сталкиваясь с буллингом, учитель часто становится заложником ситуации, так как не обладает специальными знаниями о том, что такое буллинг, какие факторы его вызывают. В итоге он остается один на один с возникающими трудностями и не всегда может компетентно противостоять сложившимся обстоятельствам. В связи с этим повышается значение готовности учителя к конструктивной работе по противодействию травле в детских коллективах, соответственно, возникает необходимость внесения изменений и в систему подготовки учителя, и в образовательную среду школы в целом.

МУСЛУМОВ Рустам Рафикович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: mrr82@yandex.ru).

ПЕЧЕРКИНА Анна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: 79apa@mail.ru).

© Муслумов Р. Р., Печеркина А. А., 2018

Факторы травли

Сегодня проблема травли является общемировой, что подтверждается значительным количеством исследований, посвященных данной тематике (В. Р. Петросянц, Е. П. Ильин, И. С. Кон, D. Olweus, S. Graham, J. Juvonen).

Травля (буллинг) — это целая совокупность социальных, психологических и педагогических проблем, затрагивающих процесс длительного физического или психического насилия со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации [6].

В ряду исследований по данной тематике особое место занимает рассмотрение факторов буллинга, к которым относятся [12]:

1. Возраст и психологические особенности участников буллинга. Особенности взаимоотношений в группах, в которых растет ребенок, во многом определяют его личностное и психологическое развитие. Так, одним из наиболее важных факторов психического развития ребенка является высокий уровень адаптивности. Поэтому своевременное включение в школьный коллектив, благоприятный климат в нем являются залогом психического здоровья. Однако временные промежутки, в которые ребенок наиболее уязвим, становятся периодами риска попадания в ситуации травли. В школьной жизни к таким периодам можно отнести переход в среднее звено, он приходится на 5–8-е классы школы. Иногда его называют периодом «школьного средневековья», возможно, в связи с тем, что у подростков вероятность проявления агрессии, преимущественно физической, является достаточно высокой.

2. Противоречия в процессе социализации ребенка. Современная среда, к сожалению, не всегда формирует у ребенка ценности, направленные на коллаборацию. Чаще это ценности, направленные на достижение успеха, стремление к первенству среди сверстников. Сами по себе они позитивны, но если при этом ребенок не умеет сотрудничать, в конфликтных ситуациях теряется, не может найти адекватный способ разрешения ситуации, то возникают противоречия, ведущие в перспективе к нарушениям социализации. Это может быть связано с целым рядом причин, в том числе и с отсутствием у ребенка практического опыта отстаивания своих интересов. Так, Д. И. Фельдштейн отмечает, что современные дети испытывают хронические затруднения в разрешении конфликтов [10].

3. Личность и действия учителя. По мнению Е. П. Ильина, ситуация травли в образовательном учреждении зачастую происходит с молчаливого согласия учителя, а иногда и провоцируется им самим [4]. Неумение управлять образовательным коллективом, наличие трудных детей в классе является дополнительным фактором риска. Часто учитель не ориентируется в современной молодежной среде, не знает или не понимает особенностей молодежных субкультур, не осознает возможность переноса ситуации травли из реального в виртуальное пространство. Подобное неучастие учителя провоцирует конфликты среди учеников, и, к сожалению, сам учитель иногда оказывается их жертвой.

Поэтому важным является вопрос определения психологических особенностей учителя, провоцирующих учеников на совершение травли в классе. Это

могут быть черты виктимности, проявляющиеся в том, что учитель не ощущает себя уверенным в образовательной организации [1], занимает выжидательную позицию, зависящую от внешних обстоятельств.

Результаты проведенных нами опросов детей показывают, что большинство учителей не хотят вмешиваться в конфликты в классах, а если и вмешиваются, то не пытаются разрешить конфликт, а только ограничиваются поиском виноватых. В качестве виновного в таких ситуациях оказывается не зачинщик конфликта, а тот ребенок, который активно себя в нем проявил. Ситуация буллинга чаще всего как раз и состоит в том, чтобы спровоцировать отдельного ребенка на шум и нарушение дисциплины. В то время как учитель, делая замечание такому ребенку, по сути, является катализатором для дальнейших насмешек со стороны одноклассников.

Важным обстоятельством может быть собственная агрессия учителя в отношении учеников. Ряд исследований показывает, что авторитарная позиция учителя, непримиримость к слабости ученика, включающая в себя язвительные и обидные замечания, провоцирует одноклассников на агрессивное поведение, а находящийся в ситуации фрустрации оскорбленный ребенок старается выместить злобу на ком-то еще [11]. Прозвища, данные учителями, зачастую прочно закрепляются за учениками и вызывают насмешки со стороны одноклассников.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что большую роль в предупреждении и разрешении ситуаций травли в школе играет именно учитель. Соответственно, от уровня его подготовленности зависит то, насколько успешно он сможет противостоять травле и конструктивно разрешать возникающие ситуации.

Формы проявления неуставных отношений в образовательном коллективе как основа травли

Для изучения ситуаций неуставного общения, вызывающих наибольшие затруднения у учителей, нами использовалась методика А. А. Пелевиной, основанная на предположении, что все ситуации неуставных отношений в образовательном коллективе базируются на шести основных формах.

В опросе участвовали 240 учителей средних общеобразовательных школ. В итоге в соответствии с выделяемыми автором формами получены следующие результаты:

1. Внутригрупповая поляризация — связана с тем, что в процессе взаимодействия в коллективе очень часто возникают противоположные мнения, что является необходимым элементом групповой динамики и сопровождает любые групповые процессы в школьном коллективе. Это может выражаться в том, что кто-то из детей в процессе обсуждения отдельных организационных вопросов может высказывать резкие точки зрения, провоцирующие возникновение споров.

По мнению опрошенных учителей, такая ситуация возникает очень часто, в том числе и в благополучных классах. 73 % учителей считает себя вполне подготовленными для разрешения подобных ситуаций в силу своей профессиональной компетентности и знания учебного предмета. Для решения большинства подобных

споров, по мнению учителя, достаточно его экспертной точки зрения, поэтому их разрешение происходит легко. Дополнительные сложности появляются в тот момент, когда конфликт выходит за рамки учебных предметов, например, при обсуждении политических вопросов или нравственных проблем на уроках истории или литературы. 58 % опрошенных учителей указывают на то, что стараются избегать скользких тем.

2. Ритуализированность включения в группы — связана с различными вариантами «прописок» и проверок новичков для включения во внутренний состав группы, в так называемый «костяк». Подобная проблема возникает в тот момент, когда в классе появляются новенькие. К сожалению, опыт общения в школе для отдельного ученика ограничен взаимодействием с одноклассниками. Опыт участия в межклассных мероприятиях, олимпиадах и т. п. есть далеко не у всех учащихся.

По мнению 68 % учителей, вопрос о включении новых учеников в классные коллективы сегодня стоит более остро, чем 10–15 лет назад. Учителя указывают на то, что в современной школе дети не всегда общаются друг с другом в классах, общение происходит в основном в виртуальном пространстве, что для современного ребенка может быть гораздо более важным. Также 72 % учителей отмечают, что многие дети в старших классах не всегда могут назвать всех своих одноклассников, так как общаются лишь с несколькими сверстниками.

3. Дискриминация — является крайне актуальной проблемой современной школы. Под формами травли чаще всего подразумевается физическая или словесная прямая форма агрессии в отношении жертвы. Между тем большинство зарубежных исследователей указывают на необходимость рассмотрения косвенных форм травли как одних из наиболее болезненных, особенно в отношении подростков [12]. Фактически дискриминация проявляется в форме бойкотов, насмешек над жертвами за глаза. Современные учителя к проявлению таких форм травли не всегда подготовлены. В качестве причин можно выделить и недостаток времени, которое учитель может уделить работе с классом, и латентную форму течения конфликта. Жертва часто даже не может сформулировать, что ей не нравится в общении, ведь действительно никто и не обязан с ней общаться. Большинство советов со стороны учителей в такой ситуации сводятся к тому, что нужно найти себе каких-то приятелей, попробовать разобраться в данной проблеме самостоятельно. Сами учителя (82 %) не видят перспективы их участия в решении таких задач.

4. Эксплуатация жертв. Одна из наиболее популярных форм такой эксплуатации — вымогательство денег или других ценностей у жертвы. Жертву могут «поставить на счетчик», обложить данью, требовать исполнения каких-то услуг. Наиболее невинной формой подобных отношений является просьба о помощи, от которой жертва не может отказаться. Само по себе вымогательство — уголовно наказуемое деяние, и подобные правонарушения достаточно быстро выясняются и пресекаются учителями. Между тем, 81 % учителей указывают на то, что именно вымогательство — одна из наиболее частых форм проявления травли в образовательном учреждении.

5. Внутригрупповая иерархия — проявляется в том, что все члены коллектива делятся в зависимости от их ранга и выстраивают взаимодействие между элитой, принятыми или «нормальными» школьниками и жертвами-изгоями. Буллинг могут провоцировать дети, имеющие высокий ранг во внутригрупповой иерархии, уверенные в поддержке одноклассников и своей безнаказанности [5]. Подобные формы часто имеют социальную подоплеку, когда объединение в группы происходит на основании социального положения родителей, материальных возможностей детей. Подобные иерархии часто устанавливает сам учитель, явно или скрыто проявляя свою благосклонность к определенным детям. 59 % из опрошенных учителей в основном не видят проблем в появлении подобных иерархий, так как при наличии хороших отношений с лидерами им проще организовывать класс.

6. Землячество — это объединение по территориальному или национальному признаку проживания или происхождения, на основании которого дети группируются. Само по себе существование многонациональной школы не является критичным, но в случае, когда появляются дополнительные факторы риска, общий уровень агрессии в образовательном учреждении возрастает. 61 % из опрошенных учителей признают риски сложностей обучения в мультинациональной среде, отмечают возникновение проблем в инклюзивной среде обучения. Несмотря на то что, по данным последних исследований, в инклюзивных классах факты буллинга встречаются реже, чем в обычных классах, не признавать существование таких рисков нельзя [2].

Полученные результаты указывают на то, что наиболее значимыми формами являются ритуализированность включения в группы, дискриминация и эксплуатация.

Предложения по совершенствованию системы образования, способствующие противостоянию травле в детских коллективах

Учитывая вышесказанное, рассмотрим предложения по совершенствованию мер противодействия травле в детских коллективах.

Можно условно выделить два направления: во-первых, совершенствование подготовки учителей с целью обучения их практическим навыкам противостояния ситуациям травли в школе, во-вторых, совершенствование образовательной среды, которая также играет значительную роль в профилактике травли в школе.

Важной является ориентировка на идеи концептуального подхода, в котором основной акцент делается на изменении системы отношений в целом [3]. Исходя из этого, необходимым условием для организации такой системы можно считать увеличение плотности неформального общения в образовательной организации между учителем и учениками.

Следует отметить, что сегодня большинство учителей неплохо ориентируются в теоретических аспектах возрастной и педагогической психологии, психологии общения, конфликтологии, однако, выходя за рамки теоретических вопросов и оказываясь свидетелем или участником ситуации травли, испытывают ощущение беспомощности, невозможности конкретного применения знаний. Выход

из данной ситуации мы видим в активном использовании практико-ориентированных методов, направленных на актуализацию теоретических знаний и формирование конкретных навыков по решению возникающих ситуаций.

В связи с этим можно говорить об использовании кейс-технологий, позволяющих включать учителей не только в разработку учебно-воспитательных программ, но и в коллективную отработку механизмов взаимодействия. Результативными в этом аспекте являются и технологии драматизации (ролевого театра), и методы командообразования [9].

На наш взгляд, одной из наиболее важных задач при подготовке учителей к разрешению ситуаций травли является освоение ими методов разрешения конфликтов. Особый интерес представляет проигрывание и успешное разрешение конфликтов с использованием технологии медиации [8].

Важно учитывать тот факт, что учитель, даже обладая знаниями о признаках буллинга, не всегда обращает на них внимание в своей педагогической деятельности. Часто дети-жертвы отмечают, что подавали знаки учителю о том, что подвергаются травле в школе, однако учитель не проявил интереса и не вмешался. Подобный опыт является травматичным для ученика и делает практически невозможным дальнейшее обращение к этому учителю за помощью. Утрата доверия со стороны ученика может быть распространена и на весь педагогический коллектив школы. Поэтому важно обучать учителя способам практического распознавания маркеров травли.

Также важным для учителей навыком является оценка комфортности образовательной среды, предполагающая проведение мероприятий по изучению особенностей взаимодействия детей в классе. По нашему мнению, это обязательно должно быть осуществлено при участии не только классного руководителя или педагога-психолога, но и всех учителей, работающих с классом, что позволяет реагировать своевременно и эффективно. Вопросы травли в школьном коллективе необходимо поднимать на семинарах или специальных совещаниях, например, обсуждать на них микроклимат отдельного класса или параллели классов.

Отдельный аспект — это учет внутренних мотивов агрессора. Так, одним из ведущих мотивов является мотив самоутверждения, прежде всего, в глазах сверстников. Как отмечает В. Р. Петросянц, мотивация обидчика многообразна, но одним из ведущих становится социальный мотив самоутверждения за счет другого, который лежит в основе школьной травли [7]. Неправильно выстроенная система социального вознаграждения, отсутствие альтернативы получению социальных бонусов может стать причиной для осуществления травли. Жертва в такой ситуации также является фрустрированной, кроме того, усваивает ценности агрессии-силы как ведущие. Поэтому часто она сама проявляет агрессию в отношении более слабых.

В процессе обсуждения вопросов о помощи в ситуации травли в школе у учителей часто возникает такой вопрос: может ли отдельный учитель быть одинаково компетентным в области методики преподавания своего предмета, разработке конкретных учебных программ и в ситуациях разрешения проблем травли в детском коллективе? Учитель не должен оставаться с подобными проблемами

один на один, их решение должно строиться на основе тесного взаимодействия педагогического коллектива и привлеченного квалифицированного специалиста в области профилактики и коррекции травли. На наш взгляд, таким специалистом может быть как педагог-психолог, так и социальный педагог, у которого есть опыт в разрешении ситуации травли.

Одна из важнейших проблем на текущий момент — это переход травли в онлайн-пространство. Подобная трансформация имеет крайне негативные последствия для жертвы: это постоянство травли, высокая скорость распространения и вовлечение огромного количества людей [13].

Осознавая огромные риски кибербуллинга и учитывая высокое распространение Интернета среди учащихся, считаем необходимым разработку и проведение специальных курсов для детей по обучению кибербезопасности. К сожалению, возникают сложности с введением этого курса в связи с тем, что большинство современных учителей не владеют тематикой кибербуллинга, не знают о его потенциальных рисках, не ориентируются в социальных сетях и, соответственно, не могут научить детей противостоять проблемам, возникающим в киберпространстве.

Выводы

Подводя итог, можно акцентировать внимание на следующих аспектах:

1. Травля — это явление, которое активно распространяется в современной школе. В качестве основных факторов буллинга можно выделить возрастные и психологические особенности детей, особенности их социализации и личность учителя.

2. В настоящее время наблюдается ситуация, когда ведущая роль в противостоянии травле отводится учителю. Часто он остается один на один с этой ситуацией, обладая лишь некими теоретическими знаниями по данному вопросу. При этом использование знаний о буллинге на практике вызывает значительные трудности.

3. Для изменения сложившейся ситуации возможны два пути: во-первых, при подготовке учителей к работе с ситуацией травли основной акцент делать на практико-ориентированных технологиях (решение кейсов, использование технологий драматизации, технологий командообразования, технологий управления конфликтами и т. п.); во-вторых, внести изменения в функционирование образовательной среды (изучение особенностей взаимодействия в классе, изучение личностных особенностей агрессора и жертвы, обучение детей навыкам кибербезопасности).

1. Базовые ценности российских учителей и их коллег из 54 стран мира // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. Кн. 3 / отв. ред. Е. Г. Ясин. М., 2012.

2. Горбунова Н. Е., Труфанова Г. К., Хлыстова Е. В. Анализ риска возникновения буллинга в психолого-педагогическом пространстве инклюзивной школы // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С. 63–68.

3. *Гудзовская А. А., Манухина А. М., Проскурина А. А.* Школьный буллинг как отражение развития группового субъекта деятельности // Социальные явления. 2017. № 1 (7). С. 41–49.
4. *Ильин Е. П.* Психология агрессивного поведения. СПб., 2014.
5. *Клименских М. В., Ершова И. А.* Педагогические конфликты в школе : учеб. пособие. Екатеринбург, 2015.
6. *Лэйн Д. А.* Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия. СПб., 2001. С. 240–276.
7. *Петросяниц В. Р.* Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2011. № 6.
8. *Рудакова Ю. Н.* Развитие медиации как формы профилактики буллинга в России // Скиф: Вопросы студенческой науки. 2017. № 11 (11). С. 84–88.
9. *Соловьев Д. Н.* Способы командообразования в предупреждении буллинга в подростковом возрасте // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (2). С. 94–97.
10. *Фельдштейн Д. И.* Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестн. практической психологии образования. 2011. № 4. С. 3–12.
11. *Bellmore A., Witkow M., Graham S., Juvonen J.* Beyond the individual: the impact of ethnic diversity and behavioral norms on victims' adjustment // *Developmental Psychology*. 2004. Vol. 40, № 6. P. 1159–1172.
12. *Juvonen J., Graham S.* Bullying in Schools: The Power of Bullies and the Plight of Victims // *Annu. Rev. Psychol.* 2014. Vol. 65, № 1. С. 159–185.
13. *Nocentini A., Calmaestra J., Schultze-Krumbholz A. et al.* Cyberbullying: Labels, behaviours and definition in three European countries // *Australian Journal of Guidance and Counselling*. 2010. Vol. 20, is. 2. P. 129–142.

Статья поступила в редакцию 13.06.2018 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 371.12.011.3-051 + 371.8 + 316.344.3 + 330.111.4

Г. Е. Зборовский

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ДОВЕРИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ*

Рассматриваются предметные (дисциплинарные) и межпредметные (междисциплинарные, общеметодологические) подходы к исследованию доверия в высшем образовании. Выявляются причины актуализации поставленной проблемы. Среди предметных подходов, как наиболее значимые, выделяются социологический, экономический, психологический, этический. Подробно в статье анализируются первые два. Показывается их роль в понимании возможностей использования доверия как одного из ведущих нематериальных активов развития высшего образования. Доказывается, что в основе дисциплинарных методологических подходов к доверию в высшей школе лежат его морально-нравственные характеристики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доверие; высшее образование; дисциплинарные и междисциплинарные подходы; социологический подход; экономический подход; этический подход.

Проблема доверия в научных исследованиях конца XX — начала XXI в. предстает перед нами как междисциплинарная. Интерес к ней изначально был проявлен в экономике, социологии, психологии (в том числе социальной психологии), политологии, этике, религиоведении. По нашему мнению, наиболее фундаментальные исследования в изучении доверия были осуществлены в социологической науке. Мы имеем в виду работы Ф. Фукуямы, П. Штомпки, Б. Миштал, А. Селигмена и др. [8, 10, 11, 14].

Впрочем, с такой позицией могут не согласиться представители других отраслей социогуманитарного знания, предложив иные кандидатуры из числа исследователей

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования».

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

© Зборовский Г. Е., 2018

проблемы доверия. И по-своему они будут правы, что лишний раз подчеркивает ее междисциплинарный и полидисциплинарный, добавили бы мы, характер.

Отсюда возникает вопрос о различных предметных (дисциплинарных) подходах к изучению доверия, об их взаимном дополнении, о возможностях применения (одновременно либо последовательно) ряда из них при проведении различных исследований. Такая постановка проблемы вполне уместна, она означает признание значимости принципа предметного плюрализма в исследовании доверия. Это теоретическое положение важно понять и принять с учетом того обстоятельства, что применение любого подхода включает в себя изначально, в качестве постулата, на имплицитном уровне использование нравственных признаков доверия как его этических характеристик. Из этого следует, что оно относится в первую очередь к ряду категорий морали.

Поскольку доверие как моральная категория лежит в основе всех названных выше подходов к его исследованию в высшем образовании, мы хотели бы сразу обозначить суть этической трактовки этого узлового понятия. Под моральным доверием будем понимать убежденность субъектов высшего образования в честности, искренности, добросовестности тех, кто несет ответственность за выполнение своих функций и социальных ролей, связанных с деятельностью по организации и осуществлению образовательного и научно-исследовательского процессов. В основе морального доверия лежит верность всех структур высшего образования (элементов его системы) своим университетам, их миссиям, профессиональному долгу, социальной солидарности. Моральное доверие выступает как своего рода сквозная характеристика доверия в высшем образовании, пронизывающая все его основные проявления — и социальные, и экономические, и политические, и психологические.

Наряду с предметными (дисциплинарными), существуют и иные подходы к проблематике доверия, которые мы определяем как межпредметные, общеметодологические (междисциплинарные). Их особенность состоит в универсальной пригодности и применимости в процессе изучения доверия. Так, рассматривая доверие как экономическую, социологическую, психологическую, этическую категорию, мы имеем все основания для использования при этом системного, институционального, деятельностного, социокультурного, пространственно-временного и иных подходов. Примененные в совокупности и во взаимосвязи, они дают возможность реализовать интегративную функцию в исследовании доверия.

Далее мы постараемся показать (и в этом — цель статьи), как предметные (дисциплинарные) и межпредметные (междисциплинарные, общеметодологические) подходы создают возможности для изучения доверия лишь в одной, но крайне важной сфере социальной жизни. Речь пойдет о высшем образовании, в котором резко актуализировалась в самые последние годы проблематика доверия.

Для начала попытаемся ответить на вопрос: почему это произошло, с чем связана актуализация проблемы доверия? Есть несколько объяснений возникновения в последнее время повышенного интереса к проблеме доверия в высшем образовании. Первое, что сразу «приходит на ум» и возникает как ответ на поставленный вопрос: раньше это доверие к высшей школе и в ней самой существовало, а потом

по каким-то причинам исчезло. Отсюда, следовательно, появляется необходимость и стремление его тем или иным образом реанимировать и имплантировать, «вживить» в ныне действующую систему высшей школы.

Отчасти, возможно, это так. Но вряд ли в отечественном высшем образовании (по крайней мере, в прошлом столетии) доверие господствовало как норма отношений в его системе в целом и в конкретных вузах в особенности. То, что раньше о доверии не писали и не говорили, еще не означает того, что оно было. До поры до времени отечественное высшее образование вполне могло обходиться и без него, учитывая существующую в стране систему власти и управления. В ней не находилось места доверию.

Еще одно объяснение актуализации проблемы доверия в высшем образовании заключается в стремлении употребить (перенести на сферу высшей школы) достижения, полученные в результате использования ресурсов доверия в иных областях жизни и деятельности, прежде всего в бизнесе и социальной сфере. Оказалось, что имплементация доверия в них дает исключительно полезные результаты без применения каких-либо материальных факторов для достижения поставленных целей. Выяснилось, что нематериальный характер доверия как особого вида актива весьма полезно задействовать при решении целого ряда сложных проблем человеческих отношений, в том числе и конфликтогенных по своей природе. Для этого могло оказаться достаточным лишь включение фактора доверия в контекст некоторых важных управленческих решений.

Значимым, по нашему мнению, следует признать еще одно объяснение. Оно состоит в том, что оказались исчерпанными традиционные ресурсы деятельности вузовского управления в условиях растущей экономической и социальной неопределенности изменений в стране. К этому добавилось резкое возрастание недовольства образовательных общностей и населения в целом политикой реформирования, оптимизации, структуризации высшего образования, проводимой как государством (в лице Минобрнауки РФ), так и конкретными учебными заведениями. Бюрократизация всей системы деятельности и отношений в системе высшего образования, ставшая одним из наиболее ярких проявлений в ней всеобщего недоверия, вызвала адекватную реакцию полного недоверия к политике управления высшей школой на всех его уровнях. Становится очевидным, что для формирования доверия в вузах необходимо менять модель образовательного менеджмента.

Исследования, в том числе и наши [1], показали, что в системе высшего образования существуют противоречия, связанные с проблемой доверия/недоверия во всей структуре отношений. Мы исходим из того, что они должны быть изучены в ходе междисциплинарного анализа — на пересечении социологического, психологического, социально-психологического, экономического, морального, профессионально-этического, образовательного, управленческого знания.

Такой подход позволит комплексно исследовать взаимодействия между основными субъектами высшего образования — научно-педагогическими работниками, студентами, управленцами, стейкхолдерами и элементами системы высшей школы — управлением образования (менеджментом на всех его уровнях),

образовательными организациями, образовательными общностями. Преодоление узкодисциплинарного подхода необходимо для исследования доверия как нематериального актива, обладающего значительным ресурсным потенциалом для развития высшего образования. Обращение к междисциплинарному дискурсу выводит теоретико-методологический анализ проблемы доверия на новый уровень.

Продуктивность разрабатываемой в исследовании методологии определяется используемыми во взаимосвязи институциональным, системным, общностным, социокультурным, сетевым, моральным, профессионально-этическим, деятельностным, темпоральным подходами. В известных нам исследованиях проблемы доверия вообще, в том числе его проявлений в высшем образовании, преимущественно применялись институциональный, системный или профессионально-этический подходы (причем автономно, вне их связи между собой) и практически отсутствовали остальные из названных выше подходов. Мы делаем акцент на необходимости органического сочетания их всех, при сохранении доминирующей ориентации на важнейшие методологические принципы институционального, системного, общностного и профессионально-этического подходов. Заметное место по праву занимает методология нелинейного анализа [6], в рамках которой характеризуется динамика феномена доверия в процессе перехода от линейного к нелинейному развитию российского высшего образования в условиях растущей социальной неопределенности общественных изменений.

Указанные выше методологические подходы, рассмотренные порознь и во взаимосвязи, позволили осуществить теоретический анализ доверия как фундаментальной проблемы высшего образования и реализовать его на операциональном уровне в эмпирическом исследовании. Основной стратегией его осуществления стала микс-стратегия, смысл которой состоял в соединении количественных и качественных методов, включая: опрос, глубинное полуструктурированное интервью экспертов, фокус-группы, анализ письменных документов, анализ контента социальных сетей (по рассматриваемым проблемам).

Переходя к рассмотрению основных предметных подходов к доверию в высшем образовании, охарактеризуем два наиболее разработанных среди них. Имеются в виду социологический и экономический подходы.

Вначале обратимся к социологическим трактовкам доверия применительно к анализу процессов в высшей школе. Суть социологического подхода в нашем исследовании состоит в том, чтобы рассматривать доверие как неотъемлемый атрибут системы высшего образования. Так, характеризуя в качестве основных элементов системы высшей школы образовательные общности, образовательные организации и управление высшим образованием на всех его уровнях, мы с позиции социологической науки выявляем роль и место доверия в функционировании каждого из названных элементов, и особенно в проявлении их взаимосвязи. Другими словами, ставится вопрос о том, насколько доверие присуще деятельности всей системы высшей школы, насколько оно скрепляет, цементирует саму систему и взаимодействие составляющих ее элементов.

В процессе трактовки проблемы доверия в высшем образовании сквозь призму социологического подхода приобретает особое значение вопрос о субъекте

доверия. Если трактовать этот вопрос вне зависимости от его постановки в сфере высшего образования, то нетрудно установить, что в качестве субъекта доверия социологи чаще всего анализируют личность, рассматриваемую как на уровне «соло», так и во взаимодействии с другими личностями (см., например, [3, 11]).

Однако с переходом к анализу проблемы субъекта доверия в высшем образовании исследовательская ситуация меняется. Ранее мы не раз стремились показать, что ядром системы высшей школы считаем образовательные общности, которые во многом определяют характер и направленность процессов в ней. Главными среди этих общностей выступают студенты и преподаватели, взаимодействие между которыми и определяет смысл высшего образования [1, 194–210]. При этом следует отметить, что одной из основных характеристик этого взаимодействия является их доверие друг другу. Таким образом, мы приходим к выводу, что в качестве субъектов доверия в вузах имеет смысл рассматривать не только непосредственных участников научно-образовательного процесса – конкретных преподавателей и студентов, но и их социальные общности (или сообщества), выступающие коллективными субъектами доверия.

Осуществляя эмпирические исследования поставленной проблемы, мы получаем данные, характеризующие не только отношение доверия отдельных преподавателей и студентов к образовательной политике, управлению высшим образованием в стране и в университетах на разных уровнях. В этих данных мы обнаруживаем социальные позиции больших групп людей – образовательных общностей, отражающие уровень их доверия к происходящему, позиции, от которых во многом может (и по большому счету должна) зависеть эффективность образовательных организаций высшей школы.

Доверие, с учетом социологического подхода к нему, выступает одной из основных скреп системы высшего образования. Отсутствие доверия в рамках каждого из элементов системы резко ослабляет ее эффективность. А доминирование недоверия в отношениях между образовательными общностями, ими и вузовским менеджментом, различными структурами вуза (ректоратом, институтами, факультетами, департаментами, кафедрами), органами управления высшим образованием на всех его уровнях дестабилизирует ситуацию в вузах, порождает у людей и социальных групп настороженность и даже страх.

Отсюда следует еще один важный аспект анализируемой проблемы – рассмотрение доверия в условиях структурных и организационных изменений в университете. В российской социологии порождаемый этими изменениями вопрос доверия ставится как острейшая проблема высшего образования. В силу особенностей управления системой высшего образования в России исследователями актуализируется проблема институционального доверия к структурам управления [2, 5].

Социологический подход к доверию в сфере высшего образования состоит также в том, чтобы рассматривать его в тесной связи с социальным капиталом. Связь доверия и социального капитала в самом общем и фундаментальном виде была показана Дж. Коулменом, Ф. Фукуямой, П. Штомпкой и другими известными социологами. Так, у Коулмена социальный капитал понимается как

потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целенаправленно формируемый в межличностных отношениях [4]. Согласно концепции Ф. Фукуямы, доверие является основой создания социального капитала [10]. Задача заключается в том, чтобы выявить, каким образом эта идея реализуется применительно к рассмотрению процессов в высшей школе.

Взаимосвязь разных видов доверия и социального капитала субъектов высшей школы — одно из наиболее интересных направлений социологических исследований высшего образования на рубеже XX–XXI вв. Так, Д. Хелиуэл и Р. Патнем обратили внимание на то, как влияет образование (в том числе и высшее) на формирование доверия и социальной активности в американском обществе. При этом они прибегли к сравнению полученных ими данных с материалами кросскультурных исследований данной проблемы. Американские социологи стремились доказать, что повышение уровня образования граждан сопровождается ростом их политической и социальной активности [13]. Подойдя с другой стороны к рассмотрению влияния образования на общественную жизнь, Л. Занин показал его связь с качеством жизни, удовлетворенностью им людей и формированием социального доверия в обществе [17].

Теперь обратимся к характеристике доверия в высшем образовании с позиций экономического подхода. Главное в нем — выявление экономической эффективности доверия как фактора развития высшей школы. При этом понимание этой эффективности может быть очень широким, охватывающим большую совокупность явлений и проблем высшего образования. Так, Т. Рейц дает социально-экономическое объяснение распространению внешних оценок, рейтингования в сфере высшего образования и научных исследований, связывая их эффективность с уровнем доверия к конкретным университетам со стороны потенциальных инвесторов и, в целом, с институционализацией доверия к знанию в идеологии общества знания [15].

Важным, но мало разработанным направлением исследований доверия к высшему образованию является изучение отношения к нему со стороны работодателей и промышленных партнеров. Оно позволило выявить, что именно доверие лежит в основе партнерства и сетевого взаимодействия университетов и стейкхолдеров. Была установлена зависимость уровня доверия к высшему образованию от оценки способности вузов решать задачи по формированию у выпускников востребованных рынком труда профессиональных компетенций и ценностей [12].

Немало объективной критики появляется в отношении внедрения бизнес-моделей в университетское управление, которое приводит к снижению доверия внутри системы и во внешней среде из-за утери вузами статуса носителя общественного блага [9]. Исследователи изучают риски реализации различных систем управления в условиях социальной и экономической неопределенности, которые способны привести и приводят к тому, что общее доверие в сфере образования может вытесняться недоверием.

Проблема доверия в высшем образовании исследуется в контексте способности конкретных университетов внедрять инновации в высшую школу, ориентировать в этом направлении научные исследования, совершенствовать образовательный

процесс через поиски механизмов повышения мотивации и удовлетворенности студентов результатами обучения, совершенствования стратегий внутреннего управления, формирования организационной культуры и корпоративного управления [16].

И отечественные, и зарубежные исследования показывают, что капитал взаимного доверия в сфере высшего образования особенно значим в условиях, когда не работают институциональные нормы или когда результат образовательной или научной деятельности отсрочен во времени. Образование и науку в этом смысле называют «доверительными услугами», так как потребитель платит за них «впрок», доверяя репутации вуза.

В связи с проблемой доверия субъектов внешней среды высшего образования (стейкхолдеров) Е. В. Ревина поставила проблему доверия к нему именно в контексте экономического подхода. Она рассматривает уровень доверия к высшему образованию (как социальному институту) в качестве одного из показателей, с помощью которых можно оценить «силу» этого института [7]. Исходя из этого утверждения, уровень доверия к высшему образованию зависит от оценки экономическими субъектами эффективности, «работоспособности» вузов, т. е. их способности решать задачи по формированию востребованных обществом и рынком труда профессиональных компетенций, по привитию жизненных позиций и ценностей с учетом новых требований общества к высшему образованию.

Кроме того, из своего исследования автор сделала вывод о том, что уровень доверия к высшему образованию зависит от оценки экономическими субъектами его влияния на состояние социальной справедливости в обществе. В этом случае в оценке гражданами деятельности образовательных организаций приоритетным становится выявление уровня удовлетворенности социальной потребности в образовании, ориентирующей высшую школу как на необходимость предоставления высшего образования всем членам общества, так и на гармоничное воспитание личности, передачу культурного наследия нации, консолидацию общества.

Мы рассмотрели лишь два предметных подхода к проблеме доверия в высшем образовании. Но и они дали достаточно оснований для того, чтобы обнаружить в них наличие целого ряда совпадающих или близко расположенных друг к другу аспектов поставленной проблемы. Это и необходимость развивать отношения доверия между всеми участниками образовательного процесса, всеми элементами системы высшего образования. Это и потребность изменять систему университетского менеджмента, от которого во многом зависит успешность внедрения практик доверия в учебный, научный, воспитательный процесс. Это и выявление тесной связи между формированием в вузах доверия и накоплением социального и человеческого капитала. Это и возможность конвертировать капитал доверия в экономические и инновационные достижения университетов. Это и реальное превращение доверия в один из основных нематериальных активов высшего образования.

Перечень того, где и как можно использовать связь между предметными подходами к доверию в системе высшей школы, может быть существенно продолжен. Он свидетельствует о необходимости дальнейших методологических исследований

проблемы доверия в высшем образовании, в том числе и тех, которые могут быть распространены на междисциплинарные подходы.

1. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе. Екатеринбург, 2017. 400 с.
2. *Вольчик В. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д.* Реформы в сфере высшего образования: роль институтов и социального капитала // *Journal of institutional studies*. 2016. Т. 8, № 2. С. 87–104.
3. *Гудков Л.* Доверие в России: смысл, функции, структура // *НЛЮ*. 2012. № 117. С. 249–280.
4. *Коулмен Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
5. *Курбатова М. В.* Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // *Мир России: Социология, этнология*. 2016. Т. 25, № 4. С. 59–86.
6. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности. Екатеринбург, 2016. 336 с.
7. *Ревина Е. В.* О доверии к высшему образованию: экономический взгляд на проблему [Электронный ресурс] // *Управление экономическими системами*. 2015. № 11. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/3810-2015-11-19-11-40-46> (дата обращения: 02.05.2018).
8. *Селигмен А.* Проблема доверия. М., 2002. 200 с.
9. *Токарева С. Б., Голубь О. В., Горина Т. С., Калашикова Н. А.* Институциональное доверие в высшей школе и качество образования. Волгоград, 2015. 142 с.
10. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2006. 730 с.
11. *Штомпка П.* Доверие – основа общества. М., 2016. 440 с.
12. *Bstieler L., Hemmert M., Barczak G.* The changing bases of mutual trust formation in inter-organizational relationships: A dyadic study of university-industry research collaborations // *Journal of Business Research*. 2017. Vol. 74. P. 47–54.
13. *Helliwell J. F., Putnam R. D.* Education and social capital // *Eastern Economic Journal*. 2007. Vol. 33, № 1. P. 1–19.
14. *Misztal B.* Trust in Modern Societies. Cambridge, 1996. 296 p.
15. *Reitz T.* Academic hierarchies in neo-feudal capitalism: how status competition processes trust and facilitates the appropriation of knowledge // *Higher Education*. 2017. Vol. 73, № 6. P. 871–886.
16. *Tierney W. G.* Trust and Organizational Culture in Higher Education // *Cultural Perspectives on Higher Education* / J. Välimaa, O.-H. Ylijoki (eds.). Dordrecht, 2008. P. 27–42.
17. *Zanin L.* Education and life satisfaction in relation to the probability of social trust: a conceptual framework and empirical analysis // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 132, № 2. P. 925–947.

Статья поступила в редакцию 06.05.2018 г.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТАХ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Рассматриваются современные подходы к организации образовательного процесса в условиях введения новых образовательных стандартов высшего образования. Анализируется влияние прогресса информационных технологий на изменение личностной и профессиональной зрелости и идентичности молодежи. Определяются особенности и способы развития личностных компетенций студентов на примере подготовки по программе специалитета «Психология служебной деятельности».

Ключевые слова: психология служебной деятельности; профессиональные стандарты; Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО); профессиональное самоопределение; идентичность; личностные (универсальные) компетенции.

Ускоренное развитие информационных ресурсов, глобальные социально-экономические и социокультурные перемены актуализируют проблему самоопределения и самореализации личности и обостряют конфликт между существующим рынком образовательных программ, наличествующим рынком труда и неопределенной пока востребованностью профессий будущего.

Профессиональная самореализация — необходимое условие гармоничной жизни современного человека.

Выбор профессионального пути происходит обычно в юности. Между тем приходится констатировать, что у сегодняшних абитуриентов недостаточно развита ответственность за собственный выбор, не сформированы навыки самопознания, саморазвития и самореализации. Многочисленные данные социологических опросов свидетельствуют, что 54 % абитуриентов выбирают профессию по совету родителей, 8 % ориентируются на рекламу, 15 % доверяют отзывам друзей и только 14 % делают выбор высшего учебного заведения и программы обучения осознанно.

Ведущими мотивами выбора обучения в вузе являются престижный диплом и возможность найти высокооплачиваемую работу [1]. Высокая ориентация молодежи на материальные факторы, такие как зарплата и престиж, без учета личностного смысла овладения той или иной профессией неизбежно приведет к разочарованию в профессиональном выборе либо уже на этапе обучения, либо в процессе актуализации своих профессиональных ресурсов [2].

Суждения о том, что современное молодое поколение отличается от предыдущих стилем познания, скоростью восприятия и иерархией ценностей, уже

СОЛДАТОВА Елена Леонидовна — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и возрастного консультирования, декан факультета психологии Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета), г. Челябинск (e-mail: soldatovael@susu.ru).

не являются только предметом разговоров обывателей, а отражаются в многочисленных исследованиях в психологии и нейронауках.

В эпоху ускоренного развития цифровых технологий современные подростки и юноши отличаются от предыдущих поколений скоростью восприятия, особенностями переработки информации. Сегодня психологи сходятся в том, что на наших глазах происходят изменения в когнитивных стратегиях представителей нового поколения. Так называемый Google-эффект памяти, когда запоминается не содержание, а пути хранения информации; клиповость мышления, которая характеризуется тем, что информация воспринимается фрагментарно, в форме образов, а не логических суждений, — это те отличительные особенности нового студента, с которыми необходимо считаться в процессе организации профессионального обучения.

Но информационный прогресс ведет не только к изменению стратегий мышления, но и к изменению ценностей и смыслов жизнедеятельности современного человека. Достижение личностной зрелости, готовности к взрослой жизни происходит теперь значительно позже, чем у поколений родителей и прародителей. Речь идет о социальной, мотивационной и ценностной зрелости, соответствующей возрастным задачам развития — социокультурным ожиданиям в отношении представителей определенного возрастного этапа.

Зрелость личности предполагает серьезную психологическую работу над собственной идентичностью. Ответ на вопрос «кто Я?» складывается в процессе реального общения, сравнения себя с другими, осознанного изменения себя в стремлении к идеальной форме — физической, умственной и духовной. Эго-идентичность — это тождественность себе в целом, которая складывается из образов Я в настоящем, прошлом и будущем. Достигнувший идентичности человек, пройдя путь самосознания, формирует систему личностно значимых целей, ценностей и убеждений и соответственно структурирует свою жизнь. Людям с достигнутой идентичностью свойственно чувство глобального доверия, стабильности, оптимизм в отношении будущего. Профессиональная идентичность сегодня — это не просто отождествление себя с представителями той или иной профессии, это интериоризация — персонифицированное присвоение тех профессиональных и надпрофессиональных (личностных) компетенций, которые составляют ядро зрелой личности.

Тенденции трансформаций образовательной системы сегодня отражают глобальные изменения в экономике в целом. Общество предоставляет молодежи мораторий для поиска себя и самоопределения, удлинив период перехода от детства к взрослости за счет массового обучения в вузах [4]. Образование в новой реальности — не только ядро карьеры, но и пролонгированный переход к взрослению, обретению личностной зрелости. Образование в новой модели понимается как незавершенное. Смысл «образования длинной в жизнь» в том, чтобы сформировать у молодого человека навыки самоорганизации, ценности самостоятельного жизнеосуществления, осознанного выбора карьеры и гибкости на основе самопознания и других личностных ресурсов. Набор образовательных услуг в идеале формирует сам человек, это должно способствовать

индивидуализации образовательных траекторий и осознанному выбору своего личностного и профессионального развития.

Традиционный предметный подход к образованию не был ориентирован на развитие личности, самосознание, самореализацию, самодетерминацию. Новые образовательные стандарты — Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования включают в себя требования к результатам освоения программы вузов в виде универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций выпускников. При этом все Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) включают следующее требование: организация, реализующая программы высшего образования, разрабатывает программу в соответствии с ФГОС ВО и с учетом соответствующей примерной основной образовательной программы (ПООП), включенной в реестр примерных основных образовательных программ.

Требования к ПООП заключается в том, что она должна разрабатываться с ориентацией на профессиональные стандарты. Для психологического направления сегодня разработаны и утверждены Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации профессиональные стандарты для образования в социальной сфере.

В стандартах ФГОС ВО по специальности 37.05.02. «Психология служебной деятельности» обозначено, что для вузов, ведущих подготовку для ведомственных организаций, образовательные программы разрабатываются и утверждаются на основе требований, предусмотренных законом об образовании¹, а также квалификационных требований к военно-профессиональной подготовке, к специальной профессиональной подготовке выпускников в соответствии с квалификационными требованиями соответствующего ведомства. В квалификационных требованиях не определены конкретные требования к психологам, но есть требования к руководящему составу разных уровней. И в ФГОС ВО, и в ведомственных квалификационных требованиях определяются личностные компетенции специалистов. Профессионализация в психологическом обеспечении служебной деятельности требует сегодня не только профессиональных знаний, но и личностной зрелости [3, 6].

Впервые в стандартах нового поколения специальности «Психология служебной деятельности» появляются требования к развитию личностных качеств (универсальных компетенций), таких как: способность к командному взаимодействию; умение вырабатывать стратегию действий на основе критического анализа проблемных ситуаций и системного подхода; способность организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели; умение разрабатывать проекты и управлять ими; способность определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы ее совершенствования на основе самооценки и образования в течение всей жизни [6].

ФГОС ВО нового поколения включает требования к результатам освоения образовательной программы обучающимися, к ее структуре и к условиям

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

реализации. Структурно образовательная программа состоит из трех основных блоков: дисциплины (модули); практики и итоговая государственная аттестация.

Если общепрофессиональные компетенции (ОП) и профессиональные компетенции (ПК) традиционно реализовались в учебном процессе в дисциплинах и на практиках, то с введением новых ФГОС ВО основные принципы формирования образовательного пространства должны быть пересмотрены.

Необходимо в структуре образовательной программы, которая по-прежнему состоит из трех блоков (дисциплины или модули, практики и государственная итоговая аттестация), найти место для реализации личностных компетенций. Ресурсом здесь могут стать практики, элективные и факультативные дисциплины. Необходимо еще определить индикаторы сформированности компетенций в привычных терминах «знать, уметь, владеть» для личностных (универсальных) компетенций и разработать систему их оценки — внутреннюю и внешнюю.

Структура образовательного пространства, таким образом, должна быть перестроена с учетом обеспечения условий для формирования универсальных компетенций, а значит, на смену простому дисциплинарному подходу, когда образовательная траектория предопределена учебным планом, должен прийти новый подход, предполагающий:

- обучение через проектную деятельность в межпредметном поле, в том числе при участии работодателя;
- возможность выбора элективных курсов, в том числе в широком образовательном интернет-пространстве.

С введением новых ФГОС ВО основные принципы формирования нового образовательного пространства должны быть переориентированы на осознанный выбор и построение индивидуальной траектории образования с учетом устойчивых познавательных интересов, с основой на ориентацию в системе отношений, самопознания и самодетерминации личности [6].

Сегодня необходимыми условиями для обеспечения личностных результатов в процессе освоения образовательной программы являются: более включенное участие специалистов-практиков из ведомственных организаций (организация практик, совместных проектов и участия во внешнем контроле результатов освоения программы), организация психологического сопровождение обучающихся, обеспечивающая психологический мониторинг и самомониторинг, тренинги и психологические программы развития; психологическое сопровождение профессорско-преподавательского состава, реализующего инновационные программы на основе проектного обучения [4, 5].

1. Бурова Н. В., Надежда Н. П. Динамика критериев выбора программ высшего образования как стратегия профессионального роста // Статистика и вызовы современности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 июня 2015 г.). М., 2015. С. 62–67.

2. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций. М., 2005.

3. Караяни А. Г., Солдатова Е. Л., Балыков П. Н. и др. Психология служебной деятельности. Челябинск, 2014.

4. Солдатова Е. Л. Исследование социальной ситуации развития в кризисе перехода к взрослости // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 169–175.

5. Солдатова Е. Л., Молочкова И. В. Стратегические ориентиры психологического сопровождения личности в современном вузе // Психология в вузе. 2007. № 4. С. 6–21.

6. ФГОС ВО по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности» (уровень специалитет) : проект [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjFGOSVO3++/Spec3++/370502_C_3plus_21092017.pdf

Статья поступила в редакцию 26.05.2018 г.

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

УДК 37.01:17.022.1 + 316.47

М. В. Певная
А. В. Кульминская

КОРПОРАТИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ*

Рассматриваются основные характеристики развития корпоративного волонтерства на предприятиях Свердловской области. Раскрываются особенности данного направления волонтерства как социокультурного явления. Авторы дают аналитическую оценку этому феномену с позиций жителей региона и управленческого звена крупных предприятий Свердловской области, а также характеризуют перспективные направления развития изучаемого явления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: региональное управление; корпоративное волонтерство; социальное участие; социальные проекты; социальная ответственность бизнеса; социальная политика.

Актуальность проблемы. Волонтерство — одно из самых динамично развивающихся общественных явлений. Пройдя путь от благотворительности и подвижничества до организованной деятельности, добровольчество попало в круг интересов самых крупных игроков международной политики. В конце 2012 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, где очерчен спектр проблем, которые международное общество может решать при помощи добровольческого движения как стратегического инструмента [5]. Одно из положений данного документа непосредственно касается необходимости расширения корпоративного

* Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект 16-03-00016-ОГН «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

ПЕВНАЯ Мария Владимировна — доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru).

КУЛЬМИНСКАЯ Алина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: a.v.kulminskaia@urfu.ru).

© Певная М. В., Кульминская А. В., 2018

добровольчества и волонтерской деятельности в рамках частного сектора. Ключевые направления добровольческой деятельности, в том числе в корпоративном сегменте, переведены в ранг глобальных целей, а само волонтерство идентифицируется как один из основных механизмов устойчивого развития. Признанным является тот факт, что именно в бизнес-среде аккумулируется творческий и инновационный потенциал, который можно направить на достижение целей социальной стабильности и благополучия [15].

В нашей стране сделан определенный разворот в направлении реализации глобальных целей. Агентство стратегических инициатив разработало стандарт поддержки добровольчества в регионах РФ, определив основные направления содействия власти волонтерам и их инициативам [7]. В 2017 г. был принят стратегический план государственного содействия волонтерству в РФ. В этом документе четко обозначены те виды волонтерства, которые должны найти государственную поддержку и продвигаться в обществе как приоритетные. Одним из них является корпоративное волонтерство. Именно это направление, с одной стороны, можно рассматривать как феномен западной культуры, «цивилизованного» развитого капиталистического общества. С другой стороны, оно может быть представлено как социальная практика, которая в недавнем советском прошлом нашей страны имела широкую распространенность, свои традиции и нормы, массово воспроизводимые и широко тиражируемые в организационной культуре большинства трудовых коллективов россиян.

Предметом анализа в данной статье является социокультурная характеристика корпоративного волонтерства в одном из крупнейших промышленных российских регионов — Свердловской области. Учитывая неоднозначность и многогранность корпоративного волонтерства как социокультурного феномена, выделим основные определения и подходы к его исследованию.

Концептуализация корпоративного волонтерства как объекта исследования

В Европе и США пристальное внимание исследователей и управленцев к корпоративному волонтерству сформировалось чуть более 20 лет назад. Некоторые теоретики связывают развитие данного направления волонтерства с активностью некоммерческих организаций в поиске партнеров и привлечении их к своим программам и мероприятиям [13, 750]. Однако значительное количество научных работ отражают связь популяризации и распространенности этого явления с активностью коммерческих организаций и развитием финансовой и менеджерской идеологии корпоративной социальной ответственности (КСО). В частности, К. Пайо и Л. Ли отмечают, что рост корпоративного волонтерства (авторы используют термин «волонтерство сотрудников») часто рассматривается как часть более широкой социокультурной повестки взаимодействия крупных фирм и корпораций с обществом, властью, медиа [10, 468].

Бизнес все чаще сталкивается с растущими ожиданиями чиновников, СМИ, граждан от финансово успешных организаций и структур. В этой ситуации именно

корпоративное волонтерство становится обратной связью, мостиком, каналом демонстрации того, что частные компании могут внести ощутимый вклад в социальное благосостояние общества в целом [10, 470]. Наряду с решением каких-то острых социальных проблем, оно способствует развитию творческого подхода к управлению действиями членов крупных организационных сообществ (трудовых коллективов) [14, 151]. Потребности общества в вовлеченности бизнеса в социальную жизнь местных сообществ и ожидания компании в отношении личностного роста своих сотрудников в совокупности приводят к развитию корпоративного волонтерства в логике формирования нового типа взаимоотношений между бизнесом и обществом [9, 255]. Для многих организаций волонтерство становится частью корпоративной культуры, инструментом моделирования корпоративного имиджа, коммуникативным каналом в рамках маркетинговой стратегии развития [11, 644], одним из стратегических направлений кадровой политики.

Д. Петерсон определил суть разных проявлений корпоративного волонтерства, выделив две основные формы его реализации. В первом случае речь идет о добровольчестве сотрудников, осуществляемом по инициативе компании при непосредственном продвижении коллективных интересов. В основе второй формы лежит личная инициатива или добровольчество сотрудников, которое они реализуют за пределами корпоративного пространства, идеологии и организационных формальных отношений [12, 61]. Согласно другой типологии, можно выделить корпоративное волонтерство, которым сотрудники занимаются в свободное от основной работы время, и волонтерство во время основной трудовой занятости при согласии и содействии работодателя. Более 90 % компаний из списка «Fortune 500» реализуют корпоративные программы, в рамках которых сотрудники официально направляются работодателем для выполнения общественных работ и информационно-пропагандистских мероприятий в рабочее время [8].

В нашей стране исследования корпоративного волонтерства пока немногочисленны. В основном они инициированы бизнес-сообществом и направлены на формализованную оценку этого вида деятельности крупных российских компаний, в которых официально реализуются программы КСО. Сравнительное исследование корпоративного волонтерства в России было реализовано в 2016 г. по инициативе Национального совета по корпоративному волонтерству. Авторы отмечают, что корпоративное волонтерство в России только начинает приобретать черты системной деятельности, в рамках которой происходят накопление знаний и опыта организационного характера, дифференциация волонтерского труда этого направления. Данный процесс сопровождается слабой кооперацией, привлечением некоммерческих организаций и дефицитом проработанных образовательных стандартов для этой деятельности. Исследователи пришли к заключению, что в отечественной практике под корпоративным волонтерством понимаются как волонтерская деятельность сотрудников, личная помощь нуждающимся, так и опосредованное участие — сбор денежных и материальных средств [2].

Важный методологический аспект связан с построением типологий корпоративного волонтерства. И. А. Климов дает логическую интерпретационную схему концептуализации и операционализации данного понятия. Во-первых, по содержанию деятельности и уровню реализуемых волонтерами компетенций можно выделить практическое волонтерство и компетентное «навыковое» волонтерство [3]. Во-вторых, рассматривая данный социокультурный феномен со стороны организации и практики управления, складывающейся и развивающейся (или неразвивающейся) в деятельности предприятий, где работают сотрудники-волонтеры, можно выделить разные типы корпоративного волонтерства. Основанием для этого служит степень включенности руководства компании в волонтерскую деятельность и уровень заинтересованности в ней, а также уровень интеграции корпоративного волонтерства в управленческие процессы, корпоративную культуру самой организации. И. А. Климов выделяет четыре типа корпоративного волонтерства: поддержка волонтерства сотрудников, спонсируемое компанией волонтерство, планируемое компанией волонтерство и бизнес-интегрированное волонтерство.

Корпоративное волонтерство как социокультурное явление может широко трактоваться как участие в практиках «помогающего поведения», т. е. оказание личной помощи людям, нуждающимся в поддержке со стороны других людей. Именно такого определения мы и придерживались в наших исследованиях, связывая разные проявления «помогающего поведения» сотрудников различных организаций с теми акциями, проектами и программами, которые иницируются там, где они работают.

О методических аспектах исследования и исследовательских данных

В 2017 г. было проведено первое эмпирическое исследование — опрос жителей Свердловской области ($n = 600$, тип выборки — случайно-стратифицированная). Модель выборочной совокупности отражает следующие критерии генеральной совокупности: возраст, пол, тип поселения. Для обозначенной исследовательской задачи анализировалась подвыборка (570 человек), которая включала 27 % респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, 40 % — от 31 до 45 лет, 33 % — от 46 до 65 лет. Исходя из широкой трактовки корпоративного волонтерства как помогающего поведения, реализуемого при поддержке или организации по месту работы, мы смогли выделить тех жителей Свердловской области, кто за последний год делал что-либо безвозмездно для незнакомых людей по своему собственному решению — помогал людям, участвовал в различных проектах и акциях, организованных по месту работы.

Второе исследование проводилось также в 2017 г. в Свердловской области с использованием метода экспертного опроса. Экспертами выступали представители руководства (управленческого звена высшего уровня) ведущих предприятий области, размещенных в пяти управленческих округах ($n = 124$). В экспертное сообщество входили представители бизнес-сообщества, занимающие в основном управленческие должности (73 %). Смещение в распределении экспертов

осуществлено в сторону производственной сферы (89 %), поскольку мы имеем дело с промышленным регионом. Наличие представителей социальной сферы (11 %) определялось особенностями отдельных управленческих округов, где минимально размещено промышленное производство.

На первом этапе экспертам по теме исследования задавалось два вопроса: «Есть ли в вашей организации (на предприятии) социальные проекты, в которые вовлекаются сотрудники в свободное от основной работы время — корпоративное волонтерство? Как вы думаете, что могло бы способствовать развитию корпоративного волонтерства и социальных проектов на вашем предприятии?». На втором этапе был проведен устный опрос 24 экспертов, которые отметили в экспертных анкетах наличие проектов корпоративного волонтерства на своих предприятиях.

Некоторые результаты исследования. По данным нашего опроса, за последний год только каждый десятый житель Свердловской области старше 18 лет помогал людям, участвовал в различных проектах и акциях, организованных по месту работы. В данной группе — 70 % женщин и лишь 30 % мужчин. Среди жителей региона с таким опытом 33 % составляет молодежь от 18 до 30 лет, 38 % респондентов относятся к среднему поколению — от 31 до 45 лет и 22 % — это люди старше 46 лет. Корпоративное волонтерство как участие в социальных проектах, организованных по месту работы, оказалось привлекательным, прежде всего, для жителей средних и малых городов. В нашем исследовании опыт такого участия отметили 57 % респондентов, проживающих в средних и малых населенных пунктах, и 43 % жителей крупных городов региона.

Каждый второй житель участвовал в этих проектах, объединившись со своими друзьями, знакомыми, коллегами самостоятельно, по принципу самоорганизации и инициативного участия. Половина из числа всех респондентов с опытом корпоративного волонтерства включалась в проекты, которые были организованы совместно с некоммерческой организацией либо образовательным, культурным или социальным учреждением города.

Так как подвыборка, которую мы анализируем, малочисленна, можно выделить только самые распространенные направления деятельности, реализуемые в рамках программ и проектов корпоративного волонтерства на уральских предприятиях. К таковым можно отнести событийное волонтерство, помощь в организации массовых публичных мероприятий (86 %) и экологическое добровольчество, участие в экологических мероприятиях, субботниках, благоустройстве и очистке территории своего населенного пункта (40 %). Популярность именно этих направлений деятельности может свидетельствовать об активном поиске путей выхода из кризиса общественных пространств, о ситуативном решении проблем дефицита в городах общественных зон для отдыха и созидательного досуга [4, 143]. Опыт социального участия оказывает позитивное влияние на планы респондентов в отношении волонтерства в целом. Всем респондентам был задан вопрос: «Планируете ли вы заниматься добровольчеством в будущем?» Из группы респондентов, обладающих опытом участия в социальных проектах, организованных по месту

их работы, отрицательно на этот вопрос ответили всего 12 %. Процент отказов среди тех, у кого такого опыта нет, значительно выше (35 %).

По данным экспертного опроса, 65 % предприятий, обеспечивающих основной рынок труда рабочими местами для жителей Свердловской области, реализуют проекты корпоративного волонтерства. Каждый четвертый эксперт заявил, что на их предприятиях такие проекты отсутствуют, 11% затруднились дать ответ на вопрос о том, есть ли корпоративное волонтерство в их организациях.

Опрос показал, что сегодня в Свердловской области, являющейся одним из промышленно развитых регионов РФ, практики корпоративного волонтерства не всегда определяются и идентифицируются даже теми, кто отвечает за реализацию социальной миссии, корпоративной политики и работу с персоналом в своей организации. Приведем в качестве доказательств некоторые выдержки из интервью:

Я даже никогда не задумывалась, понятия не имела, что существует корпоративное волонтерство. Не думала, что то, что мы делаем, можно так назвать (*П. М., начальник отдела крупного завода*).

Мы постоянно самостоятельно участвуем в подобного рода проектах. [Интервьюер: *«Значит, у вас они все-таки есть?»*]. Скорее всего, так. В принципе, это повседневная жизнь нашего города, в которую мы так или иначе включаемся, просто так ее не называем (*З. А., директор по развитию ГК*).

Корпоративное волонтерство на Среднем Урале, как это и должно быть, тесно вплетено в общественную деятельность, которая системно осуществлялась и осуществляется работниками крупных предприятий. Высказывание *«У нас это всегда было, просто мы это так никогда раньше не называли»* типично и показательно. В разных вариациях оно встречается в текстах интервью большинства экспертов.

Данное направление традиционно развивалось в организациях с советских времен и было институционализировано, т. е. закреплено в функционале определенных сотрудников, организационных структурах, плановых мероприятиях, отработанных технологиях. Социальная ответственность на советских предприятиях предполагала главным образом распределение благ, решение социально-бытовых вопросов, реализацию социальных гарантий. Предприятие оказывалось вписанным в более широкий — городской или региональный — контекст. Это происходило за счет его общественной деятельности — от субботников до шефства, когда конкретный, сильный в данной области субъект (человек или организация) систематически оказывал экономическую, культурную, политическую или иную безвозмездную помощь конкретному, более слабому объекту — подшефному [1]. Однако исторические основания подобной практики сегодня приводят к тому, что в реализуемой социальной политике трудно определяется содержание и специфика именно корпоративного волонтерства. Как правило, оно рассматривается в контексте всей благотворительной деятельности предприятия в целом.

Эксперты, которые имеют непосредственное отношение к этим проектам, не могут провести разграничение, условно разделить сбор пожертвований и трудовое участие, участие в массовых социально-культурных мероприятиях городского масштаба и помощь в их проведении и организации. Экспертный опрос

показал, что данная проблема характерна и для тех предприятий, которые имеют и реализуют программы КСО, и для тех, кто стихийно занимается социальной поддержкой локальных сообществ, ориентируясь на сложившиеся практики социального партнерства. Приведем несколько примеров из интервью:

Тут слово «волонтерство» просто подразумевает бескорыстную помощь... Было такое, что просто собирали для погорельцев, интернатов предметы первой необходимости. Организуем цветники возле своих предприятий. Выходим в день города на шествие, праздник устраиваем... (*Л. В., руководитель корпоративной политики предприятия*).

Если честно, я не особо понимаю специфику. Волонтерство — участие во всяких мероприятиях и прочее. У нас корпоративное волонтерство — воспитание молодежи. Проводим конкурс, организуем концерт, устраиваем полосы препятствий в парке, пропагандируем все, что у нас есть в стране, отдаем честь ветеранам (*К. В., заместитель генерального директора по социальным вопросам крупного предприятия*).

На тех предприятиях, где реализуются проекты корпоративного волонтерства, практически каждый третий проект (30 %) инициируют сами сотрудники. В 70 % случаях на предприятиях такая работа организуется централизованно, по инициативе руководства, когда сотрудники привлекаются в корпоративные социальные проекты и акции. Таким образом, на Среднем Урале развитие получают преимущественно два типа корпоративного волонтерства: поддержка волонтерства сотрудников и волонтерство, спонсируемое компанией. «Планируемое компанией волонтерство» характерно только для крупного промышленного предприятия региона, входящего в промышленный холдинг, чья продукция ориентирована на международный рынок. Несмотря на хорошо проработанную корпоративную политику данного холдинга, у организаторов этого направления нет понимания того, что эти проекты являются результатом стратегического планирования КСО и благотворительной деятельности. Во многом это связано, по нашему мнению, с отсутствием унифицированных подходов к управлению социальными инициативами, а также практики обучения реализации проектов корпоративного волонтерства в холдинге. Кроме того, потребности в формализации этих подходов нет и на конкретном предприятии, где формально предписанные проекты успешно адаптируются под социально-экономическую специфику территории и возможности работников предприятия.

В экспертном опросе было выявлено, что при организации проектов корпоративного волонтерства на предприятиях ставка в основном сделана на вовлечение в них преимущественно молодых сотрудников. Сложившийся подход обусловлен уже выстроенной системой социальной работы на предприятиях, где с привлечением ресурсов региона системно решаются проблемы кадрового голода, повышается интерес молодежи к трудоустройству в промышленном секторе малых и средних уральских городов [6].

Суждения экспертов, а также информация о тех проектах, которые уже успешно реализуются на их предприятиях, позволили выделить перспективные направления развития корпоративного волонтерства в Свердловской области.

С учетом экономической специфики региона и тех проблем, с которыми сегодня сталкиваются большинство предприятий средних и малых уральских городов, определенный потенциал продвижения корпоративного волонтерства аккумулирован в информационно-образовательном направлении. Социальные проекты, нацеленные на просвещение и социальную работу с детьми и подростками, в стратегическом плане перспективного развития территорий могут решать (и сегодня успешно решают в отдельных муниципалитетах) репутационные проблемы предприятий. Они могут работать на привлечение интереса молодого поколения к их деятельности.

Корпоративное волонтерство в этом направлении, с одной стороны, работает на формирование человеческого капитала уральских городов, кадровых ресурсов экономического сектора. С другой стороны, оно базируется на определенных социокультурных, исторически сложившихся традициях, социальных связях и практиках социального партнерства и не требует существенных ресурсов для реализации таких проектов. Именно это направление, как никакое другое, может способствовать переходу предприятий от поддержки инициатив своих сотрудников к планируемому компанией волонтерству.

Второе перспективное направление продвижения корпоративного волонтерства в Свердловской области связано с интеграцией корпоративных добровольческих проектов с семейным волонтерством. Ориентация в социальных программах предприятий только на молодое поколение ограничивает возможности межпоколенческого взаимодействия, передачи опыта и традиций. Потенциал корпоративного волонтерства в данном направлении раскрывается в процессе стратегического планирования предприятием пространства «серьезного досуга» местных сообществ. Корпоративные волонтерские проекты с привлечением членов семьи сотрудников предприятий хорошо укладываются в идеологию КСО организаций, заботящихся не только о своих сотрудниках, но и о той среде, в которой они живут. Такие проекты работают на интересы работодателей, на потребности работников и их ближайшего окружения.

Наше исследование позволило выделить в поле корпоративного волонтерства две проблемы, имеющие социокультурные основания. Первая заключается в том, что в небольших организациях очень часто встречается недооценка социальной значимости тех проектов и акций, которые реализуют сотрудники этих предприятий. Занижение ценности небольших и системных акций, традиционно реализуемых малым и средним бизнесом, связано со стереотипным представлением о том, что проекты корпоративного волонтерства – удел «акул бизнеса».

Вторая проблема напрямую связана со слабостью третьего сектора в современной России. Большинство экспертов в нашем исследовании констатировали нехватку профессиональных компетенций и управленческих ресурсов своих предприятий для организации проектов корпоративного волонтерства с учетом интересов и проблем локальных сообществ. Профессионализация третьего сектора в развитых странах наглядно показывает, что этот функционал успешно закреплен именно за некоммерческими организациями, которые не только способны организовать мероприятия и акции, направленные на решение проблем местных

сообществ, но и могут результативно вовлекать в эту деятельность коллективы корпоративных волонтеров без дополнительных управленческих вложений со стороны самих предприятий.

Выводы

Изучение корпоративного волонтерства в Свердловской области показало, что данное социокультурное явление можно рассматривать как традиционную практику общественной работы, приобретающую в современных экономических условиях новый формат своих характеристик. Коллективные благотворительные проекты и акции содержательно включают в себя наработанный в большинстве советских предприятий опыт, однако требуют новых подходов к администрированию и репрезентации. Артикуляция корпоративного волонтерства, профессионализация социально ориентированного менеджмента в данном направлении обусловлены сохранением принципов добровольности волонтерства, результативностью волонтерских проектов как для самих предприятий, так и для развития сотрудников.

По данным нашего опроса, в Свердловской области в той или иной форме корпоративного волонтерства задействованы 10 % жителей старше 18 лет. Больше половины предприятий — ключевых работодателей региона организуют различные социальные акции и проекты, которые можно идентифицировать по своим характеристикам как корпоративное волонтерство. Следует отметить, что степень включенности корпоративного волонтерства в управленческие процессы и понимание руководством стратегических возможностей профессионального управления КСО в большинстве предприятий и организаций региона остаются пока невысокими.

Содержание таких проектов достаточно традиционно, ориентировано преимущественно на местные сообщества, в разной степени затрагивает интересы самих работников большинства предприятий в сфере развития их семейного досуга, социокультурной жизни, благоустройства территорий проживания и т. д. Основную роль в этих практиках играет тесное взаимодействие органов местного самоуправления и крупных предприятий, которые совместными усилиями «оживляют» социально-общественную активность в духе советского времени за счет мобилизации ресурсов крупных трудовых коллективов. Такая логика развития социально ответственной позиции бизнеса в муниципальных образованиях Среднего Урала, наряду с региональной поддержкой социальной активности рабочей молодежи, во многом определяет сложности в выделении специфики корпоративного волонтерства.

Проведенные нами исследования позволили не только дать общую характеристику корпоративного волонтерства в регионе, но и определить два возможных перспективных направления его развития. Во-первых, тесная взаимосвязь крупных предприятий с местными сообществами и развитием социокультурной сферы конкретных городов позволяет говорить о перспективах социальных проектов, интегрирующих корпоративные интересы с семейным волонтерством. Такая интеграция может обеспечить личную заинтересованность сотрудников в реализации

конкретных проектов совместно с членами их семей. В то же время такие проекты учитывают стратегические цели социальной политики самих предприятий – их работу с кадровым потенциалом, т. е. детьми, подростками и молодежью, которые захотят и смогут работать на этих предприятиях в будущем. Во-вторых, исследование показало, что для развития планируемого организацией волонтерства наиболее результативным может стать информационно-образовательное направление. Именно такие проекты способны развивать межпоколенческое взаимодействие в местных сообществах, одновременно формируя позитивный имидж организаций.

1. *Даньшина В. В., Соловьева В. В.* Социальная ответственность промышленных предприятий в СССР // Вестн. Астрах. гос. техн. ун-та. Сер. : Экономика. 2015. № 3. С. 67–74.

2. *Климов И. и др.* Корпоративное волонтерство в России. Оценка состояния и рекомендации по развитию : аналит. отчет по результатам исслед. М., 2016. 55 с.

3. *Климов И.* Корпоративное волонтерство и про-боно услуги: тематическая карта подходов к концептуализации понятий [Электронный ресурс] // Центр исследований гражданского и некоммерческого сектора. URL: <https://grans.hse.ru/data/2017/09/09/...> (дата обращения: 29.04.2018).

4. *Костина Д. А., Южакова Е. В.* Визуальные практики в городском пространстве: стратегии функционирования и тактики освоения // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 141–148.

5. Магистратизация добровольчества на следующее десятилетие : резолюция ООН A/RES/67/138 от 20.12.2011 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/ga/third/67/third_res.shtml (дата обращения: 24.03.2018).

6. О концепции государственной молодежной политики Свердловской области на период до 2020 года : постановление правительства Свердл. обл. от 2.04.2011 г. № 440-ПП [Электронный ресурс] // Министерство физической культуры и спорта Свердловской области. URL: http://minsport.midural.ru/tmp_file/file_4f8031f903859.pdf (дата обращения: 03.05.2018).

7. Стандарт поддержки добровольчества в регионах РФ [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив. URL: http://asi.ru/reports/77465/?sphrase_id=1139077 (дата обращения: 02.05.2018).

8. *Allen K., Galiano M., Hayaes S.* Global companies volunteering globally. The final report of the global corporate volunteering research project [Electronic resource] // International Association of Volunteer effort. URL: <https://www.iave.org/iavewp/wp-content/uploads/2015/05/Global-Companies-Volunteering-Globally-English.pdf> (accessed: 24.03.2018).

9. *Ariza-Montes A., Roldan-Salguero J. L., Leal-Rodrigues A.* Employee and volunteer an unlikely cocktail // Nonprofit Management & Leadership. 2015. Vol. 25, № 3. P. 255–256.

10. *Pajo K., Lee L.* Corporate-Sponsored Volunteering: A Work Design Perspective // Journal of Business Ethics. 2011. № 99. P. 467–482.

11. *Plewa C., Conduit J., Quester P., Johnson C.* The Impact of Corporate Volunteering on CSR Image: A Consumer Perspective // Journal Business Ethics. 2015. № 127. P. 643–659.

12. *Rodell J., Breitsohl H., Schröder M., Keating D.* Employee Volunteering: A Review and Framework for Future Research // Journal of Management. 2016. Vol. 42, № 1. P. 55–84.

13. *Roza L., Shachar I., Meijis L., Hustinx L.* The nonprofit case for corporate volunteering: a multi-level perspective. // The service industries journal. 2017. Vol. 37. P. 746–765.

14. *Santos M. J.* Corporate volunteering in Portugal // NGOs and Social Responsibility Developments in Corporate Governance and Responsibility. 2010. Vol. 1. P. 139–160.

15. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] // Sustainable Development Knowledge Platform. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> (accessed: 24.03.2018).

Статья поступила в редакцию 25.05.2018 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРИОРИТЕТЫ МАССМЕДИА И ЦЕННОСТИ ПРОФЕССИИ ЖУРНАЛИСТА»

Цифровизация средств массовой информации, соблюдение принципов журналистской этики в период засилья фейковой информации и защита аудитории медиа от «постправды», трансформация классических жанров под влиянием новых технологий обработки и распространения информации — вот малая часть актуальнейших вопросов, которые поднимали в своих выступлениях участники Международной научно-практической конференции «Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста», которая состоялась 18 мая 2018 г. в Уральском федеральном университете имени Первого президента России Б. Н. Ельцина. В работе конференции очно приняли участие более 50 исследователей массмедиа из разных университетов — Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Алматы, Йошкар-Олы, Екатеринбурга, Уфы, Челябинска, Сургута и др. Также в работе конференции приняли участие зарубежные гости — профессор университета Уппсалы Грег Симонс и преподаватель Кыргызского национального университета Айсымбат Токоева.

Центральной темой конференции стала тема морально-нравственных ориентиров в современном медиадискурсе, трансформация представлений о миссии журналистики. Этому был посвящен открывавший пленарное заседание доклад директора департамента «Факультет журналистики» УрФУ профессора Б. Н. Лозовского.

Глобальные социально-политические и экономические изменения, происходящие и в России, и во всем мире, не только находят отражение на страницах газет, журналов, интернет-СМИ, в эфире программ на радио и ТВ, но и влияют на медиа, искажая их базовую функцию объективного информирования, заменяя ее функцией пропагандирования, продвижения политических идей. Уже нельзя отрицать, что мир погрузился в информационную войну, в которой журналисты принимают активное участие. Сращение пиара, пропаганды и журналистики не может не беспокоить как исследователей СМИ, так и корреспондентов

и редакторов медиаресурсов. «Жертвами» информационной войны становятся не только потребители информации, но и сами журналисты. При этом проблема незащищенности журналиста перед агрессивно настроенными участниками конфликтов также не теряет актуальности. Этим тем в своем выступлении на пленарном заседании коснулся профессор Грег Симонс. О пропаганде как средстве манипуляции массовым сознанием в эпоху информационных войн рассуждала в своем докладе и профессор Э. В. Чепкина.

Размышлениями о профессиональной идентичности журналиста в цифровую эпоху, когда не только объективная, но и виртуальная реальность становятся источником новостей, востребованных аудиторией, поделился первый заместитель главного редактора «Российской газеты» Ю. М. Лепский.

Однако кроме глобальных вызовов редакции волнуют и ежедневные насущные проблемы. Например, борьба за аудиторию, сохранение и увеличение тиражей или количества просмотров страниц интернет-изданий, попадание в топы поисковых систем. Заместитель шеф-редактора интернет-газеты Znak.com Д. Е. Колезев в своем докладе поставил довольно сложный вопрос: «Почему интернет-СМИ так много пишут о плохом?» Выбор между творческой составляющей работы журналиста, его личными предпочтениями и необходимостью угождать потенциальному читателю зачастую приводит к внутреннему личностному конфликту.

Еще один круг вопросов, активно обсуждавшихся на конференции, включал в себя проблемы, связанные с подготовкой кадров. Как и чему учить будущих журналистов? Каким технологиям их обучать, какие принципы прививать? Стоит ли акцентировать внимание на традиционных подходах или новые образовательные форматы вытеснят привычные методики? На эти вопросы пытался найти ответы в своем докладе В. А. Волкоморов.

Основная часть докладов участников конференции была представлена на секциях. Первая секция — «Печатные СМИ и сетевые издания» — объединила исследователей, занимающихся изучением развития прессы и интернет-СМИ. В частности, трансформацию жанра медиакритики в условиях перехода на мультимедийные площадки раскрыл в своем докладе Р. П. Баканов. О Борисе Пильняке как тревел-журналисте рассказала исследователь из Челябинского университета Н. С. Комар. С концепцией и проблемами отбора контента школьных изданий познакомила коллег С. В. Лебедева. О миссии журналистики, ее ценностях и профессиональных стандартах подготовил доклад профессор В. Ф. Олешко. Смыслоценностные компоненты медиатекстов и манипулятивные механизмы описал Е. В. Олешко. Специфике освещения экономических тем в локальных медиа посвятила свое выступление М. Ф. Попова. Результаты исследования корпоративных СМИ представили И. В. Пекарская и Г. И. Старкова.

Участники второй секции — «Электронные СМИ» — обсудили различные аспекты эволюции телевидения и радио. Например, о локальном fm-вещании рассказала А. А. Журавлева, феномен «постправды» на телевидении описал И. В. Зиновьев, контент детских видеоблогов в аспекте медийной безопасности проанализировала А. А. Морозова, результаты исследования, посвященного видеоблогу Леонида Парфенова на YouTube, представила Е. Б. Футерман. Особенности

межкультурного взаимодействия в эфире телеканалов и в отдельных проектах посвятил свой доклад П. Ф. Сумской.

На третьей секции — «Исторический опыт журналистики» — обсуждались вопросы, связанные с теорией медиакоммуникаций и историческим опытом журналистики. Информационные ресурсы развития региональных изданий в первой половине XVIII в. на примере «Оренбургских губернских ведомостей» описала Н. Б. Граматчикова. Ценностные запросы аудитории и медиакоммуникантов проанализировала Л. Д. Иванова. Роль фонда периодических изданий Областной научной библиотеки им. В. Г. Белинского как источника по истории журналистики оценила О. В. Морева. Опыт информационной политики советских СМИ стал предметом рассмотрения в исследовании Ю. С. Подлубновой. Публицистику П. П. Бажова проанализировала О. В. Приловская. Доклад о юморе и сатире как форме аргументации в публицистическом творчестве Ф. Дугласа представила И. М. Удлер. Р. Л. Исхаков и И. А. Клепикова посвятили свое исследование конструированию революции 1917 г. как события медиадискурса.

На четвертой секции — «Проблемы современного дискурса СМИ» — традиционно обсуждались вопросы стилистики медиадискурса, конструирования его ключевых событий и персонажей. В частности, В. В. Антропова представила доклад о концепте «истина» в дискурсе разнокачественных СМИ. Болевые точки российских дискурсивных исследований идентичности обозначил в своем выступлении Е. В. Каблуков. О проблемах достоверности рекламного контента в условиях «постправды» рассказал К. В. Киуру. Журналистский дискурс в качестве инструмента формирования политической лояльности у аудитории рассмотрел В. В. Федоров. С результатами исследования дискурсивных практик конструирования образа журналистки в советском и российском кинематографе познакомил участников секции Л. В. Енина. Тезисы исследования образа Урала как вернакулярного района озвучила Е. А. Халуторных. Живой интерес участников секции вызвал доклад Ж. Д. Мельниковой об исследовании дискурсивных практик конструирования журналистских текстов о сексуальных домогательствах.

Отметим, что в рамках Международной научно-практической конференции «Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста» впервые на выделенную отдельно секцию «Медиакоммуникации в полиэтничных регионах» собрались исследователи российской этнической журналистики.

В заседании секции приняли участие представители национально-культурных общественных организаций Свердловской области, журналисты региональных этнических СМИ. Накануне ими был создан Уральский филиал Гильдии межэтнической журналистики. Председателем организации стала выпускница Уральского федерального университета, а ныне — руководитель и ведущая программы «Национальное измерение» (Областное телевидение, г. Екатеринбург) Рузанна Шахназарян. Гильдия межэтнической журналистики (президент М. А. Лянге) — общественная организация, в которой состоят журналисты-практики, увлеченные темой межнациональных отношений и своеобразия национальных культур. Все они готовы поделиться своими наработками с молодыми коллегами. Гильдия активно ведет просветительскую деятельность: проводит

семинары, мастер-классы, форумы. Так, в этом году выпускники уже четвертой Школы межэтнической журналистики в 25 регионах страны получают сертификаты о прохождении обучения.

Высокий научный уровень заседания секции «Медиакоммуникации в полиэтничных регионах» задала доктор филологических наук, профессор М. В. Загидуллина (г. Челябинск) в своем докладе «Этноутрирование как медиатренд: как этническая идентичность становится товаром».

Основные выступления шли в диапазоне от последствий миграционных процессов в России (заместитель директора ИА «Этноинфо» Ю. А. Грехнева) до проблем российского гражданства (президент Уральской ассоциации беженцев Л. С. Лукашова). Практические предложения участников секции легли в основу «дорожной карты» деятельности регионального филиала Гильдии межэтнической журналистики.

Практическим результатом конференции стало заключение соглашения между Уральским федеральным университетом и Гильдией межэтнической журналистики¹.

Со стороны университета документ завизировал директор департамента «Факультет журналистики» Борис Лозовский, от гильдии — президент общественной организации, член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, советник директора ГТРК «Радио России» и главный редактор сайта «Национальный акцент» Маргарита Лянге. На данный момент гильдия сотрудничает более чем с 20 российскими вузами. В скором времени обе организации начнут совместную работу над повышением качества учебных планов факультета в части специфики освещения межэтнической темы, популяризации современных медиатехнологий, обмена наиболее успешными журналистскими практиками.

Часть исследователей массмедиа принимали заочное участие в работе конференции. В частности, стандартам профессии и развитию новых технологий в массмедиа посвящены работы Е. А. Барановой, П. Н. Киричёка, Д. Э. Коноплева, Т. А. Наговициной. Инновационные речевые практики в коммуникативной среде Интернета в соавторстве проанализировали В. И. Коньков и С. И. Сметанина. О виртуальном мире как источнике новостных сюжетов рассуждает Ал. А. Селютин. Характеристики СМИ как субъекта рынка выделяет А. С. Юферева. Интерактивная инфографика и стандарты профессии фотожурналиста стали предметом изучения для С. И. Симакова и Л. А. Ковалевой. Продвижение корпоративных брендов в спортивных изданиях волнует В. Ю. Костикова. С. И. Бессонов изучил воркшоп как альтернативный метод преподавания журналистики. О медиасреде в отражении аксиологических ориентиров современного российского общества подготовила доклад А. Н. Гильманова. Трансформацию ТВ-жанров на примере отдельных телеканалов и программ рассматривают Н. А. Ахметьянова, Е. Б. Громова, А. А. Ефанова. Специфику документальных сериалов, представленных

¹ См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://nazaccent.ru/content/27269-uralskij-federalnyj-universitet-i-gildiya-mezhetnicheskij.html>

на современном российском телевидении, раскрывает И. Е. Тарасов. Особенности интерпретации межкультурных взаимодействий в эфире глобальных информационных телеканалов выделяет М. Д. Пуцева.

О мультимедиакультурализме и восстановлении исторической справедливости рассуждают в своих статьях М. Р. Арпентьева и Б. Б. Дякиева. Аксиологической функции журналистики посвятили свои исследования Е. А. Карпова, Л. А. Коханова и С. Б. Головкин. О работе периодических изданий в период революции, а также во времена СССР писали Е. И. Петрова, И. В. Упоров, Ю. Б. Костяковой. Публицистику Ф. М. Решетникова и А. И. Куприна проанализировали Е. К. Созина и С. Н. Гладышева. Национальные СМИ Татарстана в условиях глобализации информационного пространства описывает В. З. Гарифуллин. Эффекты проверки данных в Казахстане исследует К. Н. Мысаева. Историческую тему в радиоэфире на примере Приднестровского радио рассматривает Ю. В. Ткаченко. Культуре речи современных журналистов и критериям оценки качества медиатекстов и в целом языку СМИ как элементу культуры посвящены доклады М. Р. Арпентьевой, А. А. Барановой, О. В. Пыстиной, А. И. Савостьянова, Н. Н. Вольской. О дискредитации миссии журналистики в медиадискурсе и эффекте медианасилия пишут Е. В. Суслов и С. К. Шайхитдинова. Ресурсную базу концепта «патриотизм» рассматривает А. Б. Кондрашихин. Концепты, нарративы и метафоры как отражение контекстуальной модели управления СМИ изучает И. В. Горелов. О профессиональной идентичности журналиста пишет Н. Я. Макарова. Музыкальную журналистику анализирует А. Э. Семенова. Прагматический потенциал газетного заголовка исследует Е. А. Шпомер. Роль визуальных компонентов в создании образов описывает Э. В. Булатова. Образ главы Республики Коми до, во время и после выборов исследует А. А. Бешкарев.

Научные изыскания, обобщенные результаты которых в виде тезисов выступлений были представлены на конференции, подтверждают важность продолжения попыток осмысления места и роли журналистики в современном глобальном мире. Предпринятые попытки определения приоритетов массмедиа и трансформации профессиональных ценностей требуют дальнейшего изучения. Новые вызовы, которые окружающая действительность ставит перед работниками СМИ каждый день, делают актуальными вопросы о том, что ждет журналистику в будущем, какой ей придется стать, что необходимо предпринять, чтобы профессия сохранила себя и свои основные принципы: защиту интересов аудитории, непредвзятость и объективность, уважение ко всем участникам медиакommunikации.

Накануне, 17 мая 2018 г., свои традиционные Студенческие научные чтения — XIX научно-практическую конференцию молодых исследователей журналистики провели студенты департамента «Факультет журналистики» Уральского гуманитарного института УрФУ.

Выбирая тему чтений, Совет студенческого научного общества департамента «Факультет журналистики» УрФУ (председатель Михаил Вербицкий) решил присоединиться к Международной научно-практической конференции «Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста», которую проводили старшие коллеги — преподаватели журфака.

Студенческие научные чтения посвящены памяти заслуженного работника культуры России, доцента Б. С. Когана, одного из основателей современной уральской школы журналистики. В марте 2018 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Бориса Самуиловича; 40 лет своей жизни он посвятил факультету журналистики — заведовал кафедрой теории и практики партийной и советской печати (1946–1957), был деканом (1967–1970). В послевоенные 1946–1949 гг. руководил научной работой студентов на факультете.

Своими воспоминаниями о любимом педагоге поделились выпускники факультета — заместитель главного редактора «Областной газеты» (Екатеринбург) Ирина Анатольевна Клепикова и заместитель главного редактора «Российской газеты» (Москва) Юрий Михайлович Лепский.

В Студенческих чтениях-2018 приняли участие студенты бакалавриата и магистранты высших учебных заведения России и Республики Казахстан: Башкирского государственного университета (г. Уфа), Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, Карагандинского государственного университета (Республика Казахстан), Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола), Нижегородского гуманитарного лингвистического университета (г. Нижний Новгород), Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Оренбургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, Северного (Арктического) федерального университета (г. Архангельск), различных институтов Уральского федерального университета, Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), Хакасского государственного университета (г. Абакан), Челябинского государственного университета, Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Выступления молодых авторов представляют собой тезисы сообщений по материалам курсовых работ, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций. По рекомендации научных руководителей и под общей редакцией доктора филологических наук Б. Н. Лозовского материалы чтений были изданы отдельным сборником материалов (составитель доцент Р. Л. Исаков)².

В сборнике представлены тексты тезисов 90 выступлений 103 молодых авторов. Сборник состоит из 4 разделов, согласно логике Международной научно-практической конференции «Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста»: раздел первый «Периодическая печать и сетевые издания», раздел второй «Электронные СМИ», раздел третий «Медиаобразование и исторический опыт журналистики», раздел четвертый «Стилистика и дискурсивные практики СМИ».

Теоретические знания о журналистике представляют собой дисциплинарный образ науки в рамках политологии и филологии (специальность 10.01.10 «Журналистика»). Взыскательное жюри отметило более десятка лучших докладов

² Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста : сб. материалов Студен. науч. чтений (Екатеринбург, 17 мая 2018 г.) / общ. ред. Б. Н. Лозовский ; сост. Р. Л. Исаков. Екатеринбург : ИПЦ журфака УГИ УрФУ, 2018. 196 с.

студентов. Дипломами награждены студенты УрФУ Михаил Вербицкий, Ирина Гильфанова, Виктория Кауган, Елизавета Коробейникова, Алена Кузнецова, Дарья Кускова, Елизавета Мурашова, Елена Немчинова, Ли Цзянни, Анна Шиллер, студентка заочного отделения Дарья Попович, магистранты Валерия Кабанова, Анна Позднякова, студентка Сургутского педагогического университета Анастасия Сазикова.

Все бакалавры и магистранты, имеющие отношение к Студенческим научным чтениям, получили сертификаты участников XIX научно-практической конференции молодых исследователей журналистики.

О. Ф. Автохутдинова, Р. Л. Исхаков

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

26–28 апреля 2018 г. коллектив научной группы «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности» под руководством доктора культурологии, профессора кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры М. Ю. Гудовой и директора департамента международных отношений, заведующей кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации в профессиональной сфере кандидата исторических наук М. О. Гузиковой провел Международную научно-теоретическую конференцию «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности». Эта конференция стала крупным научным событием в жизни Уральского гуманитарного института, возглавляемого доктором психологических наук, профессором Э. Э. Сыманюк. Уже третий год подряд в Уральском гуманитарном институте (УГИ) собираются ученые разных специальностей, чтобы обсудить различные проблемы теории и методологии исследования коммуникационных процессов, происходящих в современной культуре. Результаты двух предыдущих конференций были представлены в статьях и коллективных монографиях ученых¹.

Пленарное заседание конференции объединило ученых шести департаментов УГИ: искусствоведения и социокультурных технологий, истории, журналистики, лингвистики, международных отношений, философии. Докладчиками на пленарном заседании и на секциях конференции выступили ученые из Екатеринбурга, Москвы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Тюмени и Челябинска. Активное

¹ Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности: полилингвизм и поликультурность : монография / под ред. М. Ю. Гудовой, М. О. Гузиковой ; М-во образования и науки РФ ; Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017; Коммуникационные тренды множественной модерности : монография / под ред. Т. С. Вершининой, М. Ю. Гудовой, М. О. Гузиковой ; М-во образования и науки РФ ; Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.

участие в конференции приняли молодые ученые из Китая, Колумбии, Венесуэлы, Кыргызстана и Казахстана. Всего в конференции, ее секциях, мастер-классах и «круглых столах» приняло участие около 150 участников из 9 стран мира.

На пленарном заседании была прочитана одна лекция и сделаны 3 доклада. Ректор Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), заведующий кафедрой истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры УрФУ, доктор философских наук, профессор Л. А. Закс прочел лекцию на тему «Современная эволюция/революция культуры как основание и контекст коммуникации рубежа XX–XXI веков». Главная идея лекции профессора Л. А. Закса состояла в том, что в современном мире происходит культурно-цивилизационная системная революция, которая меняет тип социальности, тип культуры и тип грамотности, необходимой для успешного существования в новой системе социокультурных отношений. Сущность этого переворота профессор определил как трансформацию информосферы из системы обслуживания социального взаимодействия в самостоятельную онтологию, информационную форму бытия, меняющую существующие ранее соотношения природного, цивилизационного, культурного и социального бытия. Следствием этого профессор Л. А. Закс считает изменение культурного сознания, когда на место природоцентризма приходит культуроцентризм, и этот процесс затрагивает все сферы бытия культуры, и в том числе искусство. Ярким выразительным примером культуроцентризма современного искусства Л. А. Закс видит творчество Дэмиена Херста и его венецианский проект 2017 г. «Сокровища с затонувшего корабля “Невероятный”». Данный проект был мастерски проанализирован Л. А. Заксом на предмет выявления того, как культура, ее ценности и мифы становятся художественным смыслогенерирующим содержанием выдающихся произведений современности, что проявляется в творчестве Д. Херста и его команды.

Независимый исследователь из США кандидат философских наук Е. В. Либер (Орел) в докладе «Не послание, но посланник. Искусство без коммуникации» представила слушателям свое видение ранее не переведенных на русский язык и отсутствующих в российском научном контексте работ французского философа-эстетика Франсуа Лиотара. В первой части своего доклада Е. В. Либер подробно остановилась на анализе его статьи «Дискурс, фигура» (1971). В этой статье Ф. Лиотар разбирает две формы существования искусства — дискурс и фигуру, ищет истоки этих форм существования искусства и особенности их воплощения в художественных практиках современного искусства. Дискурсивное искусство рассматривается как обращенное к способностям чтения, оно характеризуется как плоскостное, кодифицированное, однонаправленное, сознательное, предопределяемое в своих смыслопорождающих структурах автором. Фигуративное искусство характеризуется пластичностью, объемностью, непрозрачностью, возможностью варибельности прочтений. Фигуративное искусство, по мнению докладчика, рождается бессознательным в результате «радикального взаимного потворствования между фигурой и желанием». Если дискурсивное искусство воплощается в нарративе и он для своего восприятия в процессе чтения требует знания кода и дисциплины, то фигуративное искусство предстает воспринимающему в виде

ребуса, разгадать который должно помочь желание. В реальной практике искусства эти два типа могут пересекаться и варьироваться. Если художник пишет картину как текст, то в результате такого творческого процесса рождается пластический дискурс, а если писатель прибегает к иллюстрирующему литературный текст искусству графики, то его творчество становится дискурсивно-фигуративным. В качестве примеров этих типов художественного творчества были предложены произведения Рене Магритта «Это не трубка. Вероломство образов» и отрывок из Стефана Малларме «Бросок костей никогда не исключает случайность».

Доктор культурологии, профессор Пермского государственного научно-исследовательского университета Н. Н. Гашева выступила с докладом «Коммуникативные стратегии кинотекста в условиях современного кризиса литературоцентризма». Она предложила трехчастную типизацию литературоцентризма: первый тип — литературно-критический литературоцентризм, когда большая часть художественной критики сконцентрирована на анализе и рекомендациях в области художественного слова; второй тип — художественный синтез в невербальных искусствах, когда жизнь и судьба писателей, произведения литературы и их персонажи становятся основой для художественного творчества в невербальных искусствах — графике, живописи, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве, музыке и балете; третий тип — это киносинтез, осуществляемый в виде экранизаций литературной классики и ремейков ранее экранизированных произведений. Каждый из рассмотренных ученым типов литературоцентризма подразумевает особый тип текста и его функционирования в коммуникационной системе «автор — читатель». Если первый тип литературоцентризма осваивал текст исключительно в процессе чтения, критического, комментирующего, интерпретирующего, то второй тип рассматривает текст как кладезь идей для художественного *письма* (творчества) на языке любого другого вида искусства, третий тип, с которым мы имеем дело по преимуществу в современности, имеет дело с перемонтированием литературного текста в текст кинематографический, это так называемый текст-монтаж, предполагающий бесконечную «генерацию дрейфующих смыслов». Так работают современные молодые кинорежиссеры, вводящие в круг экранизируемых произведений повести и романы современных авторов, книги которых не столько читают, сколько смотрят современные читатели/зрители.

Доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного института культуры В. Я. Аскарлова предложила к обсуждению тему «Методолого-методические аспекты изучения чтения современной молодежи». Профессор Аскарлова уделила большое внимание анализу современного состояния наук о чтении, в которых остро ощущается теоретико-методологический дефицит подходов, принципов и методик к изучению чтения современной молодежи, активно читающей цифровые тексты на электронных гаджетах. В. Я. Аскарлова вслед за М. Ю. Гудовой понимает чтение как «совокупность практик декодирования информации, представленной в форме мультимодальных текстов». Поэтому методы и методики изучения чтения современной молодежи предлагается разработать с учетом возможностей использования разнообразных опросных

и аналитических ресурсов, предоставляемых Google, и обработать полученные результаты с учетом практик продвижения чтения, осуществляемых молодыми читателями в сетевой коммуникационной виртуальной среде.

В рамках данной конференции работало шесть проблемных секций, рассматривающих проблемы различного рода коммуникаций в условиях современного языкового и культурного суперразнообразия.

Секция *«Коммуникации в современной художественной культуре»* под руководством *Т. А. Кругловой* собрала ученых эстетиков и искусствоведов, культурологов. На эту секцию была приглашена *Е. В. Либер*, чтобы ответить на многочисленные вопросы, возникшие у аудитории после пленарного доклада. Елена Владимировна в своем дополнительном сообщении рассказала о концепции искусства как диспозитива — когда искусство понимается как своеобразная машина по передаче энергии. Через методологию, предложенную *Ф. Лиотаром*, были проанализированы некоторые произведения искусства второй половины XX в.

Секция *«Медиакоммуникации в эпоху постграмотности»*, где модераторами были *М. Ю. Гудова* и *А. В. Фаюстов*, объединила ученых культурологов, эстетиков, журналистов и педагогов, специалистов в сфере рекламы и дизайна, коммуникаций, осуществляющихся в современной медийной среде.

Секция *«Гуманитарное знание в эпоху информационно-коммуникационных технологий»* под руководством *А. Г. Кислова* и *А. А. Сухова* привлекла внимание ученых, исследующих проблемы цифровой гуманитаристики, электронные ресурсы для гуманитарной научной коммуникации, а также возможности компьютерных технологий в создании больших баз данных и углублении знаний в сфере гуманитарных наук.

Секция *«Дизайн: искусство создания дружественного интерфейса в условиях коммуникационного суперразнообразия»*, которую организовали и модерировали *О. И. Ган* и *Е. А. Зиновьева*, собрала молодых дизайнеров, активно использующих цифровые технологии дизайна и развивающих дизайн виртуальной реальности в своих проектах.

Секция *«Языки и обучение языкам в эпоху культурного суперразнообразия»* прошла под руководством *М. О. Гузиковой* и *Т. П. Расказовой*, на ней обсуждали процессы усиления международной цифровой коммуникации в социальных сетях и на форумах и проблемы становления международного варианта английского языка *Lingvo Franko*, а также изменяющиеся в свете этого задачи обучения иностранным языкам.

Секция *«Event как механизм настройки социокультурной коммуникации»* была организована *О. С. Поршиевой* и заострила внимание на коммуникационных аспектах различных событий: от корпоративных праздников до международных мегасобытий. Такое разнообразие секций показало широкий спектр научных проблем, в свете которых сегодня осмысляются коммуникационные процессы, а также выявило взаимный интерес ученых разных научных специальностей к коллегальному междисциплинарному осмыслению коммуникационных трендов.

Отличительной чертой данной конференции является организация разнообразных мастер-классов и «круглых столов». В этом году мастер-классы о том,

как наладить поликультурную коммуникацию в сверхсложной культурной городской среде, провели участники арт-группы «Фигус» (Любовь Дёгтева, Дмитрий Мухаметов, Лариса Пискунова, Людмила Старостова, Игорь Янков), их мастер-класс, предваряемый экскурсией, которую провели Л. Пискунова и И. Янков, прошел в историческом здании гостиницы «Большой Урал» и имел название *«Делаем выставку, или Как перевести архитектуру на человеческий язык»*. На этом мастер-классе присутствовали 5 докторов наук из Екатеринбурга, Перми, Тюмени, Челябинска, результатом его стал своеобразный мозговой штурм на тему реактуализации значимого для города Екатеринбурга здания. Мастер-класс по дизайну цифровой среды *«Человек и гаджет. Как сделать мобильный интерфейс?»* провели Л. А. Иванова, арт-директор компании «Сайтсофт», и А. С. Шутова, доцент кафедры культурологии и дизайна, член Союза художников-педагогов. Е. П. Чайка, заместитель директора Уральского филиала ГЦСИ (РОСИЗО), в Музее БуКашкина организовала мастер-класс на тему *«Может ли куратор “объяснять” художников? Коммуникационные роли в современном искусстве»*. Своим *«Искусством делать кинофестивали»* поделилась на мастер-классе директор Международного фестиваля-практикума киношкол «Кинопроба» доцент УрФУ, кандидат философских наук Л. М. Немченко. С большим интересом молодежная аудитория конференции участвовала в мастер-классе переводчика Е. Сон *«Как сделать так, чтобы иностранный фильм заговорил вашими словами и голосом?»* и известного уральского драматурга, обладательницы многих российских и международных литературных и театральных премий Я. Пулинович *«Из чего сделать пьесу?»*. Участники этих мастер-классов пытались предложить свой перевод фрагментов известных голливудских фильмов и сами написать и исполнить пьесу. Мастер-класс HR-директора группы компаний «Be Brand Group» Н. А. Селивановой *«Корпоративная культура — основа для корпоративных мероприятий!»* заинтересовал будущих специалистов в сфере event-менеджмента и event-коммуникаций. Наибольшее внимание участников привлек мастер-класс кубинского профессора лингвистики Рафаэля Фортеса Филиберто Фернандеса *«Секреты успешной научной коммуникации: правила грамотного академического письма»* на английском языке, в нем приняли участие педагоги и переводчики, помогающие ученым из УрФУ в подготовке статей к публикации в высокорейтинговых журналах международных баз цитирования.

Итогом 3-й Международной научно-теоретической конференции «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности» стала презентация новых теоретико-методологических подходов к изучению коммуникационных трендов современности, сконцентрированная в концептах «культурно-цивилизационной революции», «фигуры и дискурса», «кризиса литературоцентризма», «стимулов и практик современного чтения», предложенная ведущими учеными Уральского региона в диалоге с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья.

М. Ю. Гудова, Е. В. Рубцова

GRAND PRIX DE УРФУ

Пятого сентября одновременно были подведены итоги двух престижных книгоиздательских конкурсов, в которых приняло участие Издательство Уральского университета.

В Москве, в день открытия 31-й Московской международной книжной выставки-ярмарки, в Театральном центре «На Страстном» были названы победители ежегодного национального конкурса «Книга года», учрежденного в 1999 г. Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. На конкурс поступило более 500 изданий от более чем 120 издательств и издающих организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Екатеринбурга, Калининграда, Магадана, Новосибирска, Оренбурга, Уфы, Хабаровска и других городов страны. Этот конкурс по праву можно назвать смотром лучшего, что есть в отечественном книгоиздании. Для сравнения, в главной номинации «Книга года» победителем была названа «Большая Российская энциклопедия» в 35 томах, вышедшая в одноименном издательстве с 2005 по 2017 г. Поэтому можно, безусловно, считать большим достижением попадание в шорт-лист премии в номинации «Учебник XXI века» переиздания совместно с московским издательством «Флинта» учебного пособия проф. УрГИ В. Ф. Олешко «Психология журналистики», которое в конечном итоге уступило только учебнику для вузов «Мультимедийная журналистика» издательства Высшей школы экономики.

Второй конкурс — VIII Общероссийский конкурс изданий для вузов «Университетская книга — 2018» — триумфально для нашего издательства финишировал в Томске. Впервые старейшая в современной России книжная премия (история ее ведется с 1998 г.) вручалась не Москве, а в Сибири в знак признания заслуг Национального исследовательского Томского государственного университета, которому этой осенью исполнилось 140 лет. Сопредседатель жюри, профессор Московского политехнического университета Е. П. Шеметова, открывая церемонию награждения, отметила особенности этого конкурса как праздника малотиражной университетской книги, который по масштабам превосходит национальный конкурс: более 100 участников, около 900 наименований учебной и научной литературы, вышедших в свет в 2015–2018 гг. Это яркое представление ведущих российских научных школ, реализованная через книгу научная и культурная коммуникация.

Как и при подведении итогов IV Уральского регионального конкурса «Университетская книга» в мае этого года, на общероссийском конкурсе учитывалось не только содержание, но и редакционно-издательская подготовка, художественное оформление, полиграфическое исполнение. Практически все книги Издательства Уральского университета были отмечены дипломами и грамотами в какой-либо номинации.

«Лучшее периодическое и сериальное издание» — «Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох» (сост. Л. С. Соболева, О. А. Михайлова); *К. Д. Бугров, М. А. Киселев* «Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века».

«**Лучшее издание по гуманитарным и социальным наукам**» — А. С. Палкин «Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика»; О. Г. Сидорова «Первые российские учебники английского языка»; «Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований» (отв. ред. Л. Н. Мазур).

«**Лучшее учебное издание по гуманитарным и социальным наукам**» — Д. В. Пивоваров «Категории онтологии».

«**Лучшее научное издание по филологическим наукам**» — «Феномен творческого кризиса» (под. общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова).

«**Лучшее научное издание по архитектуре, искусству и дизайну**» — Н. Б. Кириллова «Уральское кино: время, судьбы, фильмы».

«**Лучшее учебное издание по техническим наукам**» — Г. А. Новиков, С. Г. Ташлыков, С. Е. Щеклеин «Обеспечение безопасности в области использования атомной энергии».

«**Лучшее учебное издание по журналистике, книжной торговле, издательскому делу и полиграфии**» — Н. Г. Попова «Академическое письмо: статьи в формате IMRAD»; «Белая книга Совета научных редакторов о соблюдении принципов целостности публикаций в научных журналах».

«**Лучшее издание по физической культуре и спорту, туризму и рекреации**» — В. И. Прокопенко «Игры, состязания и этносport народов Севера Сахалина».

«**Высокая культура издания**» — «4-я Уральская индустриальная биеннале современного искусства: новая грамотность».

Особенностью конкурса в этом году стало введение гран-при в основных номинациях, которым отмечались лучшие среди лучших. И если дипломов в номинации могло быть несколько, то гран-при — один.

Наше издательство удостоилось трех гран-при общероссийского университетского книжного смотра.

В номинации «**Лучшее справочное издание**» гран-при получили два первых тома указателя, описывающего уникальный лицейский фонд отдела редкой книги зональной научной библиотеки университета: «Библиотека Императорского Царскосельского (Александровского) лицея в Екатеринбурге. Т. 1. Отечественные издания, опубликованные до 1830 года. Т. 2, кн. 1. Западноевропейские издания, опубликованные до 1800 года» (под общ. ред. О. М. Кадочиговой). Составление подробной библиографической справки по изданиям, большая часть которых относится к категории книжных памятников, — труд кропотливый, требующий высокого профессионализма и терпения. Для завершения этой работы необходимо выпустить, по крайней мере, еще четыре тома.

В номинации «**Лучшее переводное издание**» гран-при вполне заслуженно отдан изданию «Гомер в переводе П. А. Шуйского» (под общ. ред. И. А. Летовой). Это проект нашего издательства, над которым группа специалистов, текстологов, редакторов, дизайнеров работала на протяжении четырех лет. Впервые полностью опубликованы новые переводы обеих эпических поэм, «Илиады» и «Одиссеи»,

древнегреческого поэта, выполненные еще в середине прошлого века преподавателем тогда еще Уральского университета.

Наконец, в главной номинации **«Лидер университетского книгоиздания»** дипломами были отмечены два достойных издательства — Томского государственного и Сибирского федерального университетов. А гран-при был вручен Издательству Уральского университета, что стало признанием наших заслуг как одного из наиболее активно развивающихся и профессионально состоявшихся университетских издательств. Издательство УрФУ на данный момент — самое крупное издательство на Урале, выпускающее в среднем по книге в день, обладающее мощным редакторским, дизайнерским и полиграфическим потенциалом, работающее под древним девизом авторов, книгоиздателей и читателей: *Amor librorum nos unit* («Нас объединяет любовь к книгам»).

В заключение хочу выразить надежду, что в год 100-летия нашего университета, в 2020 г., финал общероссийского конкурса «Университетская книга» пройдет на уральской земле.

Алексей Подчиненов

ЮБИЛЕИ

ГАРОЛЬДУ ЕФИМОВИЧУ ЗБОРОВСКОМУ – 80 ЛЕТ!

Уральские социологи, редакция журнала, друзья, коллеги и ученики поздравляют Гарольда Ефимовича Зборовского со славным юбилеем!

Многолетняя научная и педагогическая деятельность Г. Е. Зборовского способствует сохранению и приумножению научного и образовательного потенциала уральской школы социологии, екатеринбургских университетов, в целом российской науки. Его имя и вклад в науку давно стали для многих российских исследователей маркером уральской социологии. Биография же свидетельствует о том, что в его личности соединились талантливый исследователь, блестящий лектор, мудрый руководитель, заботливый педагог, замечательный редактор и организатор науки. Тысячи страниц статей, монографий, учебников, уже ставших социологической классикой, отражают высокий уровень его жизненной активности, научного труда и ответственности, передают богатый жизненный и исследовательский опыт.

Несколько поколений студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, воспитанных этим уральским социологом, заслуженно могут быть названы научной школой профессора Г. Е. Зборовского. Многие из них сами уже стали руководителями университетских кафедр, научными наставниками, успешными исследователями и педагогами и продолжают славные научные традиции, заложенные Гарольдом Ефимовичем.

Его профессиональная биография связана с серьезными, новаторскими теоретическими и эмпирическими исследованиями проблем образования, социального времени, образа жизни, стратегий жизнедеятельности социальных общностей. Широкая эрудиция, жесткая самодисциплина, невероятный трудоголизм и фундаментальность мышления — основа профессиональной молодости, научной известности и востребованности юбиляра.

От всей души мы поздравляем Гарольда Ефимовича с юбилейной датой! Желаем крепкого здоровья, оптимизма, достойных учеников, новых идей и «планов громадье»!

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

- Bakanov R. P.* Transformation of Genre's Regarding Russian Media Critique Generated in the Conditions of its Transition to Multimedia Platforms5
- The author of the article studied the genres of contemporary media critique in Federal printed press and in online media within the period 2014–2017. It was found out the number of publications containing analysis of the quality of television broadcasting, not much, but it was reduced, and this practice was typical for newspapers and online media. Media criticism is gradually moving to various online platforms (editorial websites, thematic forums, groups in social networks, personal blogs and social media pages, etc.). However, the genre palette gradually becomes less abundant: an essay, a portrait of a creative personality and outlook are rather an exception in the modern Russian media criticism. The review under the influence of various factors has transformed into an extended line and acquired some features of report and reportage. We believe that the simplification of critical analysis due to the mixture of genres will gradually lead to significant transformation of the functions and methods of media criticism and media criticism as a journalism.
- K e y w o r d s:** media criticism; television criticism; TV; analysis; genre; review; reportage; line; critical note.
- Chepkina E. V., Melnikova Zh. D.* Discursive Practice of Truth Construction, Events and Characters in Journalistic Investigations Referring to Sexual Harassment 18
- Sexual harassment is, as a rule, covered in mass media either in the genre of journalistic investigation or sensational news. A discursive analysis of sexual harassment journalistic investigations has shown that this genre requires special practice of construction of the truth, the character of the victim and the character of the aggressor. The journalist's subjective position is determined by the need to follow the public interest.
- K e y w o r d s:** media discourse; discursive practice; journalistic investigation.
- Kablukov E. V.* Regional Identity of Russians in Media Discourse: Theoretical Aspects of Scientific Modeling23
- The author surveys evolution of the notion 'identity' and determines key methodological problems arising in discursive studies of identity. These problems include discursive radicalism, equating of identity and image, and limited opportunities of a researcher. The term 'identity model' is justified as scientific reconstruction of the studied object identity. The model of Russians' regional identity is presented as a combination of core spatial, temporal and various others accidental identifications.
- K e y w o r d s:** identity; regional identity; practices of identification; discourse; discourse analysis; social constructivism.
- Oleshko V. F., Tsao Lyan.* Professional Culture of Journalists: Russian and Chinese Research Experience30
- The authors analyze research experience of professional culture of journalists, systematically presented in the publications of representatives of Russian and Chinese schools of journalism. Since the digital revolution has predetermined not only the qualitative change of journalism as a social institution, but also the transformation

of a number of vectors of research practice, the article proves that the dominant of professional culture makes it possible to focus on aspects that in previous years were not taken into account or considered secondary. The substantial analysis, according to the authors, also testifies that the process of formation and development of professional culture of journalists of Russia and China cannot be considered in isolation from historical traditions and representations (including the ones in mass consciousness) about essence of mass media efficiency.

Key words: information culture; digital revolution; profession; professional culture of journalists; personality; audience; dialogue.

Amirov V. M., Shchepetkina J. M. Intellectual Author and Artistic Author in Synthetic Genre of Portrait Reportage.....39

This article describes the situation with portrait journalism in Russia and reveals the concept of portrait reportage as a new synthetic genre. The features of creating a text in the portrait genre are examined in terms of comparison of the intellectual author and the artistic author. Reportages by Marina Ahmedova published section “Figure” of the magazine “Russian reporter” in 2017 have been used as an empirical basis.

Key words: portrait reportage; portrait journalism; synthetic genre; author in portrait reportage.

Gegelova N. S., Ismailova A. A. The Formation of Journalism in the Internet.....47

The number of online media is increasing every year. Traditional mass media are moving towards online environment. The new players in the market prefer the Internet. The article is devoted to the review of historical trends in the development of online journalism (four ages of the WEB (1.0–4.0) have been analyzed). It is shown that online media play a significant role in the society — e.g. in receiving up-to-date and objective information, involving the audience in the editorial activities. It is predicted that the era of WEB 4.0 will come in 2021–2030. The key characteristics of the period are given in the article.

Key words: Internet journalism; WEB journalism; online media; convergent journalism; social networks.

Glebovich T. A. Anecdote as a Strategy for Creating and Presenting a Woman’s Image in a Man’s Intellectual Journal52

Creation of a public image of the heroine is considered through an analysis of the characteristics of the broadcast genre text (anecdote). The reflection of the views, opinions, life position of the heroine in the subject, plot, and idea of the anecdote is revealed. The process of forming emotions of the image through the translated word, linguistic and communicative features of the genre text, is analyzed. The functional possibilities of the anecdote in the presentation of the image of the heroine are examined.

Key words: image; anecdote (joke); strategy; emotions; functions; context; communicative situation; creation; intellectual journal.

POETICS

Limerov P. F. The Artistic World of K. F. Zhakov’s Poem “Biarmiia”: Referring to the Issue of Chronotope.....67

The epic poem of the Komi writer, philosopher, poet, scientist Kallistrat Zhakov (1866–1926) *Biarmiia* is analyzed. It is a reconstruction of the hypothetical Northern epos which was once developed in the territory of the European North. The analytical way of Zhakov is considered: as ethnologist he allocates “remnants” of the epos and mythology in folklore of the Komi, reconstructs a mythological picture of the world with a pantheon of pagan gods, reveals a circle of the mythological plots connected with cosmological representations, feats of heroes of antiquity. Being guided by Lyonnrot’s “Kalevala”, the Scandinavian sagas and the Russian bylinas, he makes a uniform epic plot. The plot of the poem is under construction as the epic narration about ancient heroes of the Komi people, who lived during the remote historical era when communication between people and the Nature, people and gods, reality and the myth was existed. Respectively, not only heroes, but also various deities, and also natural objects take part in subject collisions. Zhakov gives special value to the reconstruction of the epic northern world. This world is actually a northern civilization. Its main kingdom is legendary Biarmiia with the capital of Kardor in the estuary of Dvina. Biarmiia is surrounded by other kingdoms and principalities among which and the Vychedga Perm from where heroes of the epos come to Kard to woo. The entire world is wisely run gods constant appeal to whom is fixed in retreats parallel to the main plot. The epic world of Zhakov

is defined by his aspiration to present “the light past” as an ideal world order of the Golden Age in comparison with realities of the modern world.

K e y w o r d s: mythopoetic; epic poem; Biarmiya; Perm; mythological model of the world; cosmogonic myth; art space.

Glazyrin V. A., Kazarin Yu. V. The Dictionary Article of the Author’s Dictionary of the O. Mandelstam’s Poetic Language (Book of Poems “Stone”).....79

This article considers the problems of poetic cognition of the world and its expression, defines the macrostructure of the author’s dictionary of the language of O. Mandelstam (on the material of the book of poems “Kamen” («Stone»).

The microstructure of the dictionary is parameterized, the theoretical and methodological foundations of the author’s ideographic dictionary of the poet are comprehended and described. A text-based way of positioning dictionary entries is being developed. The poetic ideography as a method of linguistic and philological study of vocabulary, text semantics and the individual author’s picture of the world is carried out, referring to the mainstream of applied research of the Ural semantic school. The method of poetic ideography is based, on the one hand, on the semantic research of the lexical thesaurus of the poem, and, on the other hand, on the theory and practice of ideographic lexicography. The full structure of the dictionary article of the author’s dictionary is revealed in the article, taking into account lexicographical, linguistic, semantic, functional and ideographic parameters of the poetic word and lexical associations, groups and classes of words. The semantic, functional-denotative and ideographic maps (scenarios) of the poem “I have been given a body — what should I do with it ...” are modeled and compiled in the article. The ideographic map of the poem is the final part of the author’s dictionary of the language of O. Mandelstam in the book of poems “The Stone” («Kamen’»). The author concludes that the method of poetic ideography allows to reveal the functional-denotative and semantic specificity of a poetic word. Model of the semantic, functional-denotative and ideographic scenario (maps) of the poem allows us to identify the linguistic, textual and conceptual picture of the world, imprinted in O. Mandelstam’s book “The Stone” (the first book of the one of the greatest poets of the 20th century).

K e y w o r d s: poetic ideography; author’s ideographic dictionary; semantic; functional-denotative; ideographic map of the poem; dictionary entry; microstructure of the author’s ideographic dictionary; poetic cognition.

URAL FORUM OF THE PSYCHOLOGISTS
OF THE STATE INSTITUTIONS AND POWER STRUCTURES

Karapetyan L. V. Emotional-Personal Well-Being and Psychological Features of Professional Power Structures.....91

Emotionally-personal well-being of an officer is of vital importance considering any kind of activity especially when one deal with extreme situations. Speaking about law enforcement experts, who are constantly under powerful stress, emotional and personal well-being is one of the predictors of their effectiveness, since it is closely linked to their psychological characteristics and professionally important qualities. This article presents the results of the study of emotional and personal well-being of lifeguards, as well as the psychological qualities of personal, emotional and behavioral registry.

K e y w o r d s: emotional-personal well-being; the specialists of the uniformed services; the adaptation of professional Burnout; type of personality.

Vasilieva I. V., Grigoriev P. E. Features of Social Intellect of the Police Chiefs.....99

The social intelligence of employees of the police was studied, in comparison with managers and executors. The study was conducted using the scale of “Social Intelligence” by J. Guilford. The sampling included 76 employees from different territorial divisions, 30 of whom are executives, 46 — ordinary employees. The variables of seniority and performance were taken into account. The greatest contribution to ensuring efficiency in the performance of the leaders is ensured by two components of social intelligence: ability to evaluate the mood of the people correctly by looking at their non-verbal behavior and ability to analyze interpersonal situations in dynamics. The results obtained in the course of the study can be used in real life – in the framework of training-sessions for chiefs on the development of personal physical and psychological security skills.

K e y w o r d s: social intelligence; police chiefs; police activity; efficiency; length of service.

- Azarko E. M., Volodenko D. V.* To Identify the Specifics of Frequency Bands of the EEG in the Diagnosis Prejubilaciones Fire and Rescue..... 106

The experience of analysis of EEG studies in pre-rehabilitation diagnosis of firemen and rescuers; the analysis of amplitude and power of the major biorhythms of the brain; the specificity and frequency asymmetry. The analysis of frequency of occurrence of EEG types in accordance with classification of E. A. Zhirmunskaya and V. S. Losev is presented.

Key words: pre-rehabilitation diagnosis of firefighters and rescuers; specifics of electroencephalography (EEG); the main biorhythms of the brain; alpha, beta, theta, Delta rhythms; amplitude power; frequency asymmetry of biorhythms.

- Marchenko E. V.* Possibility of Applying Flash Games in the Framework of Psychological Training Regarding Emergency Response Specialists..... 113

The paper presents the results of the study on memory and attention training through flash games. The games are developed and used in the framework of psychological training. Participants of the study were specialists serving as inspectors within the fire-fighting Service of EMERCOM (Ministry of Emergency Situations) of Russia. The games proved to be effective for improvement of attention span and stability, and visual spatial memory. It is better to combine these training-sessions with the specialists' professional activities.

Key words: psychological training; computer games; flash games; cognitive function; memory training; attention training; emergency response specialists.

- Karagacheva M. V., Sitnikov V. L., Tserfus D. N.* The Image of the Victim in the Consciousness of the Russian EMERCOM Employees 120

The following study presents the analysis of the victim' image imprinted in the consciousness of employees of fire services of Russia and cadets of Saint Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia. 140 firefighters and cadets of the Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia who dealt with people's rescue were examined. The presented results demonstrate reliable differences between them in contents and structures of images of victims. Speaking about cadets' consciousness emotional and negative characteristics are dominating. Social, conventional characteristics and qualities characterizing social intelligence are more often present in the consciousness of firefighters. Regarding the victims, the firefighters apply considerably wider range of characteristics and qualities. The received results of the research allow to offer a number of recommendations to increase the level of professional competence of the acting and future staff of EMERCOM of Russia.

Key words: social and perceptual images of victims; firefighters; cadets; rescuers; professional competence; emergency situation.

PSYCHOLOGY

- Kuvaeva I. O., Agapova E. N.* Stress Syndrome Among Workers with Innovation Monotonous Labor 127

The results of the stress syndrome among IT call center's operators (n=138) are discussed. We assume that there is a specific of occupational stress between the workers. "Integral diagnosis and correction of occupational stress technique" (A.B. Leonova) was used to evaluation the stress syndrome. The findings have demonstrated that monotony presents the main state of operators as the response to routine work. The stress syndrome among operators has been differentiated (professional and organizational stressors — symptoms of acute and chronic stress — nonproductive coping behavior). Personal importance of work is the specific feature of operators' stress. The 'risk' group of staff has been described in the article.

Key words: occupational stress; innovative occupations; routine work; monotony; call center; IT company; information technology.

- Muslimov R. R., Pecherkina A. A.* Psychological and Pedagogical Peculiarities of the Teacher's Readiness to Counter Act Bullying in Children's Communities 135

The problem of bullying in children's communities is considered. The factors of bullying (age features, contradictions in the socialization system, teacher's actions) are analyzed. Based on the survey of teachers (240 people),

the forms of manifestations of bullying in children's communities according to the A.A. Pelevina's classification were examined. Their relevance for the teacher and the teacher's readiness to counteract bullying was examined. The results proved that the most significant forms of bullying are inclusion ritualization, discrimination and exploitation. Speaking about these particular forms, the teachers in the children's communities are less prepared to deal with them. The ideas regarding improvement of education system are marked out: practical-oriented training of the teachers on the basis of conceptual approach using the case-method and role-playing theater, active participation in the formation of motivation of aggressors, implementation of the course on cybersecurity for children.

Key words: bullying; teacher; educational environment; children's community.

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Zborovsky G. E. Regarding Methodological Approaches to the Study of Trust in Higher Education 143

The article deals with subject (disciplinary) and interdisciplinary (methodological) approaches to the study of trust in higher education. The reasons of actualization of the problem are revealed. Among the subject approaches to the study of trust in higher education the most significant ones are sociological, economic, psychological, and ethical. The article analyzes the first two in detail. Their role in understanding the possibilities of using trust as one of the leading non-material assets of higher education development is shown. It is proved that the basis of disciplinary methodological approaches to trust in higher education is its moral characteristics.

Key words: trust; higher education; disciplinary and interdisciplinary approaches; sociological approach; economic approach; ethical approach.

Soldatova Ye. L. Personal Determinants of Professional Development in the Updated Educational Standards of Higher Education..... 151

The article considers modern approaches to organization of the educational process in the context of introduction of new educational standards for higher education. The influence of the progress of information technologies on the change in the personal and professional maturity and identity of youth is considered. The article outlines ways to develop personal competencies of psychology students for state civil and military departments and organizations.

Key words: psychology in state civil and military organizations; professional standards; federal state educational standards for higher education; professional self-determination; identity; personal (universal) competencies.

URAL CONTEXT

Pevnaia M. V., Kulminskaia A. V. Corporate Volunteering as a Socio-Cultural Phenomenon..... 156

The article examines the main characteristics of the corporate volunteering at the enterprises of the Sverdlovsk region. The features of this direction of volunteering as a socio-cultural phenomenon are revealed. The authors provide analytical assessment of this phenomenon from the perspective of the region's population, as well as from the perspective of management teams of large enterprises of the Sverdlovsk Region. They also characterize promising directions of the development of this phenomenon.

Key words: regional governance; corporate volunteering; social participation; social projects; social responsibility of business; social policy.

SCIENTIFIC LIFE

International Scientific and Practical Conference «Priorities of Mass Media and Values of Journalistic Profession» (<i>O. F. Avtokhutdinova, R. L. Izhakov</i>).....	166
Communication Trends Under the Conditions of Cultural-Civilizational Revolution (<i>M. Yu. Gudova, E. V. Rybtsova</i>).....	172
Grand Prix de UrFU (<i>A. V. Podchinenov</i>).....	177

ANNIVERSARIES

Garold Efimovich Zborovsky turns 80	180
---	-----

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2018. Т. 24
№ 3 (177)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 18.09.2018. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,6. Усл. печ. л. 15,6. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 276.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Отпечатано Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, журнал публикует статьи по трем отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.00. **Литературоведение**); 24.00.00. **Культурология**; 19.00.00. **Психологические науки**. Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу) и **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>). Статьи без анкеты не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании представленной внешней рецензии и заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редколлегия обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлекцией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5—7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

3. *Герцен А. И.* Стого берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58—112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8—10.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906—1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

12. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX—XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56—64.

13. *Smyth A.* Nationalism and modernism [Electronic resource]. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

1. ГАСО (Гос. арх. Свердл. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

2. РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Exel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru

Анкета статьи

ФИО автора (полностью)	
Ученая степень, звание (полностью)	
Должность	
Организация (кафедра, департамент, институт, вуз)	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности (по перечню ВАК)	
Соавтор (соавторы) (аналогичные сведения о соавторе (соавторах))	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2	
Title of article	
Abstract	
Key words	